

**Ўзбекистонда
иЖТИМОЙ
Фанлар**

**7
1978**

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

фан

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

7

1978

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

Редакционная коллегия

акад. АН УзССР М. К. НУРМУХАМЕДОВ (*главный редактор*), акад. АН УзССР К. Е. ЖИТОВ, акад. АН УзССР С. К. ЗИЯДУЛЛАЕВ, акад. АН УзССР Ш. Ш. ШААБДУРАХМАНОВ, акад. АН УзССР М. Ю. ЮЛДАШЕВ, член-корр. АН УзССР Г. А. АБДУРАХМАНОВ, член-корр. АН УзССР Р. Х. АМИНОВА, член-корр. АН УзССР И. И. ИСКАНДЕРОВ (*зам. главного редактора*), член-корр. АН УзССР Х. Т. ТУРСУНОВ, член-корр. АН УзССР Ш. З. УРАЗАЕВ, член-корр. АН УзССР М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ, член-корр. АН УзССР Э. Ю. ЮСУПОВ, доктор ист. наук А. А. АСКАРОВ, доктор ист. наук М. А. АХУНОВА, доктор филос. наук М. Б. БАРАТОВ, доктор филос. наук Н. Г. ГАЙБОВ, доктор филол. наук М. К. ҚОШЧАНОВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУНИН (*зам. главного редактора*), доктор филол. наук Х. С. СУЛЕЙМАНОВ, доктор экон. наук А. Х. ХИКМАТОВ, канд. филос. наук Г. Ю. ШАЮСУПОВА, Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

Адрес редколлегии: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70, Телефон ответственного секретаря 32-73-52.

Нормы Основного Закона — в жизнь!

М. С. ВАСИКОВА

**НОВЫЕ СОВЕТСКИЕ КОНСТИТУЦИИ — ОСНОВА ДАЛЬНЕЙШЕГО
УКРЕПЛЕНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ**

Вступление в силу новых Конституций СССР, Узбекской ССР и других союзных республик ознаменовало важнейший исторический рубеж в развитии нашей страны, в том числе Узбекистана. Обобщив коллективный опыт созидательной деятельности ленинской партии и народа, воплотив в концентрированной форме итоги наших выдающихся достижений за годы Советской власти, новые Конституции открыли широкие перспективы для дальнейшего расцвета всего Союза и каждой входящей в него союзной республики.

Разработанная в полном соответствии с Основным Законом страны новая Конституция Узбекской ССР отражает важнейшие черты организации и деятельности общенародного государства развитого социализма. Вместе с тем в ней учтены исторически сложившиеся особенности республики, сохранена преемственность с Конституциями Узбекской ССР 1927 и 1937 гг. Общесоюзное единство и историческая преемственность — основные принципы конституционного строительства союзной республики — свободного и равноправного суверенного государства в братском содружестве республик СССР. Исходя из этих принципов, новая Конституция Узбекской ССР дает широкую, всестороннюю характеристику жизни республики в период зрелого социализма, развернутого строительства коммунистического общества.

В Основном Законе определены пути совершенствования общественного строя и политической системы Узбекской ССР с постепенным перерастанием социалистической государственности в коммунистическое общественное самоуправление. Законодательно закреплены основные черты развития экономики республики как составной части единого народнохозяйственного комплекса страны.

Основной Закон содержит широкую программу социальных преобразований, направленных на стирание классовых различий, существенных различий между городом и деревней, умственным и физическим трудом, на подъем материального и культурного уровня жизни народа. На основе возросших экономических возможностей государства и глубоких социально-политических изменений, происшедших в обществе, новая Конституция существенно расширяет и углубляет содержание прав, свобод и обязанностей граждан.

В обобщенном виде можно сказать, что главное направление всего нового в Конституции Узбекской ССР 1978 г. — дальнейшее развитие социалистической демократии в соответствии с общенародным характером нашего государства, возросшей социальной однородностью общества. Курс на дальнейшее расширение и углубление принципов социалистической демократии пронизывает все положения Конституции, определяющие основы общественного строя и политической сис-

темы Узбекской ССР, деятельность государства и его органов, общественных организаций.

Новый Основной Закон закрепляет ленинские принципы демократического централизма в работе Советов народных депутатов — самых представительных органов народовластия, составляющих политическую основу республики; утверждает возросшее значение профессиональных союзов, комсомола, кооперативных и других общественных организаций в управлении государственными делами, в решении политических, хозяйственных и социально-культурных вопросов; определяет роль трудовых коллективов как первичной ячейки не только хозяйственной, но и общественно-политической жизни; конституционно оформляет сложившуюся практику вынесения наиболее важных вопросов государственной жизни на всенародное обсуждение и голосование.

Глубокое идейно-теоретическое и политическое значение имеет включение в Основной Закон республики специальной, 6-й статьи о Коммунистической партии Советского Союза — руководящей и направляющей силе советского общества, ядре его политической системы, всех государственных и общественных организаций. «По мере того, как советские люди будут решать все более сложные и ответственные задачи строительства коммунизма, — указывал Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, — роль Коммунистической партии будет все более возрастать. И это ведет не к ограничению, а ко все более глубокому развитию социалистической демократии в полном соответствии с Программой нашей партии»¹. Всемерно укрепляя и развивая внутрипартийную демократию, КПСС выступает как идейный вдохновитель, руководитель и непосредственный организатор процесса расширения и обогащения демократических начал в жизни общества, обеспечивающих полную реализацию ленинских идей народовластия.

В важнейших программных документах КПСС — материалах XXV съезда партии, майского и октябрьского (1977) Пленумов ЦК КПСС — четко сформулированы положения о том, что развитие демократии невозможно без укрепления социалистической законности. В период общенародного государства развитого социализма, когда социалистическое право выражает волю и интересы всего трудового народа, социалистическая законность также становится всенародной. Она служит охране как интересов Советского государства, так и прав и интересов всех трудящихся, многообразной системы отношений между государством, трудовыми коллективами, общественными организациями, личностью. Забота об укреплении социалистической законности становится делом, в котором непосредственно заинтересованы самые широкие массы.

Значение социалистической законности как коренной черты организации и деятельности общенародного государства развитого социализма получило широкое отражение в новой Конституции республики. Основной Закон закрепляет требование ко всем государственным органам, общественным организациям, должностным лицам и гражданам точно и неуклонно соблюдать и исполнять Конституцию СССР, Конституцию Узбекской ССР, советские законы, обеспечивать охрану правопорядка, интересов общества, прав и свобод граждан. В специальном, 9-м разделе нового Основного Закона определены формы организации деятельности органов, стоящих на страже социалистичес-

¹ Брежнев Л. И. О Конституции СССР. М., 1977, с. 47.

кой законности — суда и арбитража, прокуратуры. На конституционном уровне закреплен порядок образования органов народного контроля, сочетающего государственный контроль с общественным контролем трудящихся на предприятиях, в колхозах, учреждениях, организациях.

В докладе «О проекте Конституции (Основного Закона) Узбекской Советской Социалистической Республики и итогах его всенародного обсуждения» на внеочередной шестой сессии Верховного Совета Узбекской ССР девятого созыва кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КПУз, председатель Конституционной комиссии Ш. Р. Рашидов подчеркнул, что в новом Основном Законе «нашло четкое отражение требование дальнейшего укрепления социалистической законности и правопорядка».

Одно из важнейших направлений работы по укреплению социалистической законности — дальнейшее совершенствование законодательства республики, приведение его в соответствие с новыми Конституциями СССР и УзССР, закрепившими принципиальные основы общественного государства развитого социализма.

Большая работа по обновлению и совершенствованию республиканского законодательства, связанная с переходом к зрелому социализму, предшествовала принятию новой Конституции. Новый Основной Закон стал венцом всей деятельности по обновлению и совершенствованию республиканского законодательства. Составными частями, из которых сложены многие статьи Основного Закона, послужили законодательные акты последних лет, отражающие современный этап в жизни Узбекистана.

Обобщив и воплотив в себе все лучшее, самое передовое из существующей практики, новая Конституция в то же время составила прочную основу для дальнейшего творческого совершенствования законодательства, разработки и принятия новых законодательных актов, которые предусмотрены в Основном Законе или вытекают из него.

Подчеркивая значимость приведения действующего законодательства в соответствие с новой Конституцией, Ш. Р. Рашидов в заключительном слове на внеочередной шестой сессии Верховного Совета УзССР говорил:

«Это особенно относится к подготовке регламента Верховного Совета Узбекской ССР, Закона о Совете Министров республики, законов о порядке выборов в Верховный Совет Узбекской ССР, о порядке выборов в местные Советы народных депутатов и других законодательных актов...»

В связи с принятием Конституции Узбекской ССР необходимо ускорить подготовку свода законов республики. Совершенствование республиканского законодательства призвано обеспечить дальнейшее развертывание социалистической демократии, укрепление законности на всех уровнях власти и управления».

Исходя из этих задач, Министерством юстиции подготовлен план работы по приведению законодательных актов и решений правительств республики в соответствие с Конституцией Узбекской ССР.

Большое значение для работы над дальнейшим совершенствованием законодательства имеют предложения трудящихся, поступившие в ходе всенародного обсуждения Конституций СССР и Узбекской ССР. Эти предложения можно условно разделить на три группы.

Первая группа предложений касается планирования и экономического стимулирования, технического прогресса, режима экономии,

открытия и разработки полезных ископаемых и комплексного их использования и других вопросов производственной деятельности.

Ко второй группе относятся предложения, направленные на дальнейшее расширение и улучшение жилищного и коммунального строительства, рост числа школ и дошкольных учреждений, поликлиник, больниц, улучшение подготовки и использования кадров медицинского и бытового обслуживания населения и др.

К третьей группе относятся предложения по совершенствованию трудового, жилищного, уголовного, административного и других законодательств.

В соответствии с этим, Министерством юстиции утвержден план мероприятий по предложениям и замечаниям трудящихся, улучшению работы на конкретных участках государственного, хозяйственного и культурного строительства. В осуществлении этих мероприятий принимают участие административные органы, соответствующие министерства и ведомства, Узсовпроф и другие общественные организации, ученые-юристы.

Вся многогранная деятельность по обновлению и совершенствованию действующего законодательства, приведению его в соответствие с новым Основным Законом республики направлена на то, чтобы правовые средства стали еще более действенным рычагом повышения качества и эффективности производства, успешного осуществления намеченной XXV сессией КПСС программы строительства коммунизма.

Ключевым направлением работы по совершенствованию законодательства и дальнейшему укреплению социалистической законности являются систематизация и упорядочение действующего законодательства республики.

Обеспечить все государственные органы, общественные организации действующим законодательством, существенно повысить уровень правовой информированности как необходимой предпосылки неукоснительного соблюдения законодательства, укрепления социалистической законности и правопорядка позволят подготовка и издание Систематического собрания действующего законодательства Узбекской ССР, которое осуществляет в настоящее время Министерство юстиции республики. Из запланированной 21 книги Систематического собрания по 29 разделам шесть книг уже изданы. Они включают разделы об общественном и государственном устройстве, общих вопросах народного хозяйства, капитальном строительстве, сельском хозяйстве и др. В ближайшее время выйдут в свет еще 6 книг. Подготовку к изданию Систематического собрания действующего законодательства Узбекской ССР предполагается завершить в текущем году.

Во исполнение постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 25 июня 1975 г. «О мерах по дальнейшему совершенствованию хозяйственного законодательства»², министерства и ведомства республики проделали значительную работу по упорядочению нормативных актов. Изучение показало, что во всех министерствах и ведомствах проведен отбор актов, имеющих постоянный характер; отменены акты, фактически утратившие силу или дублирующие друг друга; нормативные акты приведены в соответствие с новыми условиями хозяйствования. В частности, в Министерстве автомобильного транспорта УзССР упорядочение ведомственных нормативных актов проводилось по отдельным направлениям его деятельности. По этому принципу подготовлен ряд специальных сбор-

² СП СССР, 1975, № 16, ст. 48.

ников («Сборник инструкций по пассажирским перевозкам», «Сборник инструкций по грузовым перевозкам» и др.).

Перечни действующих нормативных актов изданы также в Минхлопкопроме, Минмонтажспецстрое, Минвузе, Минмясомолпроме, Госстрое, Госкинокомитете, Госпрофобре, Узсельхозтехнике, Узглавнефтеснаббыте, Главсредазирсовхозстрое, Главгазе, Министерствах бытового обслуживания, торговли, просвещения и т. д.

Издание Свода законов Узбекской ССР явится очередным важнейшим этапом в систематизации и упорядочении законодательства, имеющим большое значение в дальнейшем укреплении социалистической законности.

Подготовка и издание Свода законов Узбекской ССР — сложная и трудоемкая работа, рассчитанная до 1986 г. Но уже сейчас можно в общих чертах сказать, что создание его будет способствовать укреплению правовой основы государственной и общественной жизни, обеспечит большую стабильность и доступность законодательства для всех советских граждан, дальнейшее укрепление социалистической законности, усиление охраны правопорядка, интересов общества, прав и свобод граждан. Подготовка и издание Сводов законов станут могучим импульсом к широкому вовлечению народных масс в борьбу за укрепление общественной дисциплины, норм социалистического общежития и правопорядка, поднимут на новую высоту авторитет законов республики.

В соответствии с постановлением ЦК КПУз и Совета Министров УзССР от 17 сентября 1976 г. о подготовке и издании Свода законов³, для осуществления общего руководства этой работой была образована авторитетная комиссия, куда вошли представители административных органов, соответствующих министерств, ведомств и Академии наук УзССР.

В Свод законов Узбекской ССР будут включены законодательные акты, важнейшие совместные постановления ЦК КПУз и Совета Министров УзССР и постановления правительства УзССР общенормативного характера. Перечень актов, подлежащих включению в Свод по каждому разделу, определяется Комиссией по изданию Свода законов Узбекской ССР.

Формирование материалов и вся подготовка Свода законов Узбекской ССР будут производиться, исходя из Конституций СССР и Узбекской ССР, необходимости раскрытия, конкретизации и развития их положений в соответствии с решениями XXV съезда КПСС в области государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства.

Свод законов Узбекской ССР явится официальным изданием Президиума Верховного Совета Узбекской ССР и Совета Министров республики.

Нам предстоит разработать проект схемы Свода законов, основных принципов его формирования, план его подготовки и издания, а также перечень актов, подлежащих разработке и включению в Свод законов Узбекской ССР, над которыми в настоящее время работает Министерство юстиции.

В укреплении социалистической законности и правопорядка особое значение имеет дальнейшее совершенствование деятельности таких органов, как суды, адвокатура, загсы, нотариат. Задачи этих органов вытекают из решений октябрьского (1977) Пленума ЦК КПСС, доклада и выступлений Л. И. Брежнева на внеочередной седьмой сессии Верховного

³ СП УзССР, 1976, № 9, ст. 53.

Совета СССР, Конституций СССР и Узбекской ССР. На основе этих программных документов и в соответствии с директивными указаниями Министерства юстиции СССР, Министерство юстиции нашей республики разрабатывает и осуществляет ряд мероприятий, направленных на повышение уровня работы судов, адвокатуры, органов загса и нотариата.

Дальнейшее совершенствование деятельности судов требует от судебных работников инициативы, принципиальности и непримиримости в борьбе с любыми нарушениями социалистической законности и советского правопорядка, постоянного повышения уровня осуществления правосудия с тем, чтобы по каждому делу было обеспечено вынесение законного, обоснованного и справедливого приговора или решения.

Вся деятельность советского суда основывается на принципах социалистической демократии — эти положения закреплены в новом Основном Законе республики. Ст. 163 Конституции УзССР гласит, что «все суды в Узбекской ССР образуются на началах выборности судей и народных заседателей... Судьи и народные заседатели ответственны перед ними и могут быть ими отозваны в установленном законом порядке».

Большое значение для дальнейшего утверждения демократических принципов в деятельности судов имеет повышение уровня работы с народными заседателями: организация их постоянной правовой учебы, привлечение к участию в контроле за выполнением судебных решений и частных определений, а также в воспитательно-профилактических мероприятиях, проводимых судами.

Эффективной формой повышения уровня воспитательно-профилактической работы судов служит привлечение представителей общественности к участию в судебных процессах по гражданским и уголовным делам. Жизнь показала, что высокое воспитательное воздействие судебной деятельности обеспечивается широкой гласностью при рассмотрении дел. Следует шире использовать эту форму воспитательной работы, особенно по делам о правонарушениях несовершеннолетних, делам, затрагивающим основные права и свободы граждан, гарантированные новыми советскими Конституциями.

На декабрьском (1977) Пленуме ЦК КПСС отмечалось, что важнейшие условия развернутого строительства материально-технической базы коммунизма, повышения материального и культурного уровня жизни трудящихся — высокая организованность, порядок и дисциплина во всех сферах хозяйственной работы. Для выполнения этих требований необходима прочная правовая основа народнохозяйственной деятельности. Добиваясь, чтобы правовые средства действительно влияли на повышение эффективности производства и качества выпускаемой продукции, укрепление законности в хозяйственных отношениях, органы юстиции республики осуществляют методическое руководство правовой работой в народном хозяйстве. В совершенствовании форм и методов этой работы большое значение имеет улучшение координации деятельности органов юстиции с другими государственными и общественными организациями по предупреждению нарушений законности в сфере хозяйственных отношений. Перед Министерством юстиции, учеными-юристами стоит задача дальнейшей разработки методических рекомендаций по наиболее важным вопросам правовой работы в народном хозяйстве.

Коммунистическая партия и правительство республики уделяют большое внимание и оказывают практическую помощь в совершенствовании работы органов, осуществляющих правовое обслуживание граждан, — адвокатуры, нотариата и загсов. При активной поддержке и содействии партийных и советских органов в республике создана широкая

сеть нотариальных контор и юридических консультаций. Сегодня они имеются в каждом городе и районе, обеспечены надлежащими помещениями и оборудованием.

Постоянная забота, помощь и поддержка партийных и советских организаций обязывают работников органов суда, адвокатуры, нотариата и загсов поднять свою работу на новый, более высокий уровень, обеспечивать внимательное и своевременное рассмотрение писем, заявлений и жалоб трудящихся, решительно бороться против проявлений волокиты и бюрократизма, любых ущемлений прав и свобод граждан.

Высокие требования, которые предъявляют Коммунистическая партия и Советское правительство к работникам органов юстиции, выдвигают на первый план вопросы работы с кадрами. Она основывается на неуклонном соблюдении партийных принципов подбора, расстановки и воспитания кадров, создания необходимого резерва, планомерного пополнения органов, учреждений юстиции и судов молодыми специалистами.

При Министерстве юстиции УзССР действуют курсы повышения квалификации работников юстиции. В Ташкенте открыт один из первых в стране юридических техникумов. С 1978/79 учебного года он будет готовить специалистов со средним юридическим образованием не только для Узбекистана, но и для Киргизии, Туркмении, Таджикистана и Казахстана.

Подготовка и повышение квалификации кадров, дальнейший подъем уровня их идейно-политического воспитания — важные условия формирования у работников органов юстиции и суда творческого, инициативного отношения к своей деятельности по укреплению социалистической законности, ответственности за порученное дело, чуткости и внимания к письмам, заявлениям и жалобам граждан.

Важнейший долг каждого юриста республики — разъяснение положений, содержащихся в Конституциях СССР и Узбекской ССР, воспитание граждан в духе строго соблюдения Основного Закона страны, Конституции республики, всех советских законов. Не следует забывать, что именно на росте общественного правосознания, правовой культуры граждан основывается укрепление социалистической законности и правопорядка в условиях развитого социализма.

«Мы хотим,— указывает Л. И. Брежнев,— чтобы граждане СССР хорошо знали свои права и свободы, пути и методы их осуществления, чтобы они умели применять эти права и свободы в интересах строительства коммунизма, ясно понимали их неразрывную связь с добросовестным выполнением своих гражданских обязанностей». Из этих положений и вытекают конкретные задачи разъяснения гражданам их основных прав, свобод и обязанностей.

Работникам органов юстиции совместно с другими заинтересованными органами и общественными организациями следует постоянно совершенствовать формы и методы правовой пропаганды, правового воспитания граждан, имея в виду более углубленное изучение Конституций СССР и Узбекской ССР. Надо шире применять такие проверенные жизнью формы пропагандистской работы, как проведение лекций, бесед, диспутов, вечеров вопросов и ответов, полнее использовать возможности печати, радио, телевидения для публикации материалов, раскрывающих сущность социалистической демократии, реальный характер прав и свобод граждан, гуманизм правовых институтов советского общенародного государства развитого социализма. Все это будет способствовать мобилизации творческих усилий трудящихся на успешное выполнение исторических решений XXV съезда КПСС, осуществление грандиозных задач строительства коммунизма в нашей стране.

Д. У. КУЛДАШЕВА

РОЛЬ ТРУДОВОГО КОЛЛЕКТИВА В РАЗВИТИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ

Социалистический образ жизни представляет совокупность всех видов жизнедеятельности людей социалистического общества, единство их производственной, общественно-политической, духовной деятельности.

Социально-экономической основой жизненного уклада при социализме служат господство общественной социалистической собственности на средства производства и социальная структура общества, состоящего из рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции. Его политическую основу составляют Советы народных депутатов при руководящей роли Коммунистической партии, социалистическая демократия, охватывающая социальную среду и обеспечивающая все условия для разносторонней активности личности.

Духовные и нравственные основы социалистического образа жизни включают в себя марксистско-ленинское мировоззрение, коммунистическую нравственность, социалистическую культуру.

Для социалистического образа жизни характерны растущая социально-политическая активность трудящихся, коллективизм, товарищеская взаимопомощь, советский патриотизм, социалистический интернационализм, гуманизм и др. Основой их формирования и развития служит свободный, творческий, социалистический труд.

Социализм кардинально изменил характер труда и отношение к нему человека. По словам В. И. Ленина, происходит «великая смена труда подневольного трудом на себя, трудом, планомерно организованным в гигантском, общегосударственном (в известной мере и в интернациональном, в мировом) масштабе»¹. Социалистический труд — одно из важнейших условий освобождения человека от частнособственнической психологии и свободного, всестороннего развития личности.

Социалистическому образу жизни присущи коллективный характер труда и выражение отношений между обществом и личностью через коллектив. Не общество и сумма разнзначных индивидов, а общество — коллектив — личность — такова типичная для социализма структура социальных отношений.

С точки зрения диалектики, соотношение «личность — коллектив — общество» можно рассматривать как отношение единичного, специфического и общего. Особенность данной связи состоит в том, что указанные три элемента обуславливают друг друга, находятся в неразрывной связи и единстве. Коллектив и общество — это те сферы, без которых

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 197.

личность не может проявлять свою сущность. Индивидуальное становится социальным в процессе трудовой деятельности.

Диалектическая взаимосвязь коллектива и общества выступает как связь микро- и макросреды. Коллектив представляет собой как бы специфическое проявление общества, концентрируя в преобразованной форме его элементы и свойства, реализуя его социальные связи. Как справедливо отмечает В. Сухаревский, «при социализме именно принадлежность к трудовому коллективу, обществу полезный труд определяет место человека в обществе. Следовательно, первичным звеном, где формируются коренные черты социалистического образа жизни, является трудовой коллектив, непосредственно связывающий человека с обществом»².

Социалистическое общество состоит из стройной, органически единой в социально-политическом и моральном отношении системы коллективов, связанных между собой отношениями товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи. Ведущим типом коллектива служит трудовой коллектив³. Это вытекает из марксистского положения о том, что «производство, а вслед за производством обмен его продуктов, составляет основу всякого общественного строя»⁴.

В период развитого социализма значительно возросли функции и права трудового коллектива, который решает не только производственные задачи, но и формирует личностные качества трудящихся. Кныне впервые в истории советских Конституций роль трудовых коллективов закреплена в законодательной форме.

«Трудовые коллективы,— сказано в ст. 8 новой Советской Конституции,— участвуют в обсуждении и решении государственных и общественных дел, в планировании производства и социального развития, в подготовке и расстановке кадров, в обсуждении и решении вопросов управления предприятиями и учреждениями, улучшения условий труда и быта, использования средств, предназначенных для развития производства, а также на социально-культурные мероприятия и материальное поощрение.

Трудовые коллективы развивают социалистическое соревнование, способствуют распространению передовых методов работы, укреплению трудовой дисциплины, воспитывают своих членов в духе коммунистической нравственности, заботятся о повышении их политической сознательности, культуры и профессиональной квалификации»⁵ (см. также ст. 8 Конституции Узбекской ССР).

Возрастание роли трудового коллектива — важное проявление исторических завоеваний социализма. В социалистическом трудовом коллективе особенно наглядно проявляются преимущества социалистического строя, его коллективистская и гуманистическая природа.

«Именно в производственном коллективе,— как отмечает кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КПУз Ш. Р. Рашидов,— человек проходит школу всестороннего воспитания и идейной

² «Коммунист», 1974, № 6, с. 33.

³ Следует различать понятия «производственный коллектив» и «трудоу коллектив». Первое относится только к сфере материального производства. Трудовой же коллектив существует и в непроизводственной сфере (например, коллектив работников научных институтов, учебных заведений, медицинских, культурно-просветительных учреждений и т. д.). Понятие «трудоу коллектив» значительно шире, чем «производственный коллектив». Здесь мы будем вести речь в основном о производственном коллективе, функционирующем в промышленности, называя его трудовым.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения. В 2 томах. Т. 2, М., 1948, с. 126.

⁵ Конституция СССР, М., 1977, с. 7—8.

закалки. Именно в коллективе формируются духовный облик и нравственные качества советского человека — активного строителя коммунизма, складываются общественные отношения. Именно в трудовом социалистическом коллективе непосредственно претворяются в жизнь планы партии, создаются материальные и духовные богатства страны»⁶.

Социалистический трудовой коллектив — это сложившееся в результате установления общественной собственности на средства производства объединение свободных от эксплуатации тружеников, связанных отношениями товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи, общностью коренных интересов и целей на основе совместного владения средствами производства и выполняющих определенную задачу в коммунистическом строительстве.

Как подчеркнул Л. И. Брежнев, «в трудовом коллективе, в работе его партийной, профсоюзной, комсомольской организаций отражается вся жизнь общества — и экономическая, и политическая, и духовная. По сути дела, это первичная ячейка всего нашего не только хозяйственного, но и политического организма»⁷.

Если в буржуазном обществе рабочий организм предприятия — всего лишь носитель рабочей силы, которой навязывается воля хозяина, то социалистический трудовой коллектив как ячейка общества — не только субъект труда, что уже поднимает его неизмеримо выше по отношению к капиталистической ассоциации, но и субъект всего социалистического образа жизни. Как справедливо утверждает Г. Е. Глезерман, «вне коллектива нельзя даже и представить формирование социалистического образа жизни»⁸.

Как социальная ячейка трудовой коллектив обладает атрибутами осуществления всего социального процесса. Это труд и общественная деятельность, художественное и техническое творчество, участие в спорте и товарищеское общение, повышение образования и организация отдыха, улучшение быта, вопросы охраны труда и многое другое. Трудовой коллектив создает материальные блага, необходимые для существования и развития общества. Именно здесь осуществляется постоянное совершенствование орудий труда и других вещественных элементов производительных сил, что сказывается на стабильности кадров, их настроении и отношении к делу, производительности труда и других экономических показателях.

В социалистическом трудовом коллективе самоуправление сочетается с прямым управлением, которое осуществляют по отношению к нему вышестоящие государственные и общественные органы.

Поэтому трудовые коллективы нельзя рассматривать вне связи с развитием социалистического общества в целом. Трудовой коллектив — это не простая ассоциация, выступающая лишь как объединенная сила труда, а выражение бытия социалистического организма как единого целого. В данном качестве трудовой коллектив выступает субъектом общественной жизни, ответственным перед обществом за полноту ее проявления.

Непосредственное участие трудовых коллективов в разных сферах общественной практики, многообразное содержание их деятельности

⁶ Рашидов Ш. Р. Идеологическая работа — мощный фактор борьбы за коммунизм. М., 1974, с. 33—34.

⁷ Брежнев Л. И. О проекте Конституции СССР и итогах его всенародного обсуждения. Доклад и выступления на внеочередной 7 сессии Верховного Совета СССР 9 созыва 4 и 7 октября 1977 г. М., 1977, с. 6.

⁸ Глезерман Г. Е. Ленин и формирование социалистического образа жизни. — «Коммунист», 1974, № 1, с. 118.

обеспечивают им центральное место в структуре социалистического общества, целостное воспроизводство социалистического образа жизни.

Главная функция трудовых коллективов — производство материальных благ. Вместе с тем в них «решается много вопросов, выходящих за пределы узкопроизводственных интересов. В круг этих вопросов входят и организация социалистического соревнования, и распределения фондов материального поощрения, и расстановка кадров, и забота об отдыхе, о быте трудящихся, об удовлетворении их духовных запросов»⁹.

Следовательно, социалистический трудовой коллектив обязан постоянно учитывать наличие тесной связи между всем укладом производственной деятельности человека и его бытом.

Трудовые коллективы служат опорными пунктами партии в массах, непосредственными проводниками ее политики в жизнь.

Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК XXV съезду КПСС отметил, что партийные организации производственных коллективов «призваны еще активнее воздействовать на повышение эффективности производства, ускорение научно-технического прогресса, должны постоянно заботиться о создании в каждом коллективе атмосферы дружной работы и творческого поиска, о воспитании людей, об улучшении их труда и быта».

Роль трудового коллектива в складывании и развитии социалистического образа жизни полнее раскрывается в процессе формирования у его членов таких черт, как коллективизм, советский патриотизм, социалистический интернационализм, взаимопомощь, сотрудничество, социальная активность.

Трудовой коллектив по сравнению с другими социальными институтами воспитания отличается повышенной социальной активностью своих членов. Это создает возможность для ускорения преобразования всего социалистического образа жизни. В свою очередь, социалистическая личность, развертывая свою творческую активность в трудовом коллективе, получает новые возможности для развития самосознания, формирования коммунистических убеждений и способа деятельности, который адекватен типичным формам жизнедеятельности, сложившимся в обществе и в данном коллективе. В этой цепочке «общество — коллектив — личность» все звенья взаимосвязаны и активны, что способствует формированию и развитию характерных черт социалистического образа жизни.

Под социальной активностью мы понимаем осознанную творческую деятельность личности (коллектива, масс), направленную на создание материальных и духовных ценностей, на познание и преобразование мира в интересах общественного развития.

Показателем социальной активности личности на производстве служит участие в работе общественных организаций, социалистическом соревновании, движении рационализаторов и изобретателей, научно-техническом и художественном творчестве, управлении производством.

Наше исследование, проведенное на четырех крупных предприятиях Ташкента — заводах «Ташсельмаш», «Ташкенткабель», Ташкентском текстилькомбинате, Ташкентском производственном трикотажном объединении «Малика», показало, что в производственных коллективах города под руководством партийных и других общественных организаций проводится значительная массово-политическая и идейно-воспитательная работа, направленная на формирование и развитие трудовой и общественной активности трудящихся.

⁹ «Известия», 1977 г., 24 ноября.

Трудовая активность проявляется в многообразных формах. Наиболее полно она выражается в социалистическом соревновании, в частности в его высшей форме — движении за коммунистическое отношение к труду.

Социалистическое соревнование способствует развитию технического прогресса, приобщению миллионов людей к управлению производством, изменению их взглядов на труд, повышению активности и сознательности.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал огромные возможности социалистического соревнования в развитии лучших качеств личности. Реализация их обретает особую актуальность в свете указаний XXV съезда КПСС о повышении качества и эффективности работы во всех сферах жизни нашего общества.

В ходе подготовки к XXV съезду КПСС и после него родилось немало патриотических починов, свидетельствующих о высокой трудовой и политической активности масс. В Узбекистане широкое распространение получили трудовые почины янгиюльцев, выступивших с призывом: «Ни одного отстающего рядом», ташкентских компрессорщиков, решивших к 60-летию Великого Октября выполнить два годовых плана, хивинских земледельцев, выдвинувших девиз: «Работать без отстающих, эффективно, с высоким качеством».

По примеру десяти передовиков производства, решивших за пятилетку выполнить два пятилетних плана, в настоящее время работают тысячи трудящихся республики. Только на Ташкентском текстильном комбинате 1312 работниц, по почину Анны Верзилиной, перешли на уплотненную норму обслуживания станков¹⁰.

На комбинате трудятся в основном молодые рабочие. Поэтому другая инициатива Анны Верзилиной: «Каждому молодому рабочему — трудовой рубезж наставника» — внесла свежую струю в развитие движения наставничества. Многие наставники, подхватив начинание А. Верзилиной, составляют взаимные трудовые договоры с подопечными. В настоящее время 663 опытных производственника комбината передают свое мастерство 758 молодым текстильщикам. Организовано соревнование за звание «Лучший наставник», создана школа наставников.

В результате этих мероприятий выполнение нормы выработки у подшефных в среднем повысилось на 3,4%; 61 прядильщица и 63 ткача стали работать по уплотненному графику, благодаря чему только за 1976 г. и 6 месяцев 1977 г. получено дополнительно 368,9 т пряжи, 1549 тыс. м суровых тканей.

В целом по республике ныне насчитывается более 80 тыс. наставников — воспитателей рабочей молодежи.

Как уже отмечалось, трудовая активность масс наиболее зримо выражается в движении за коммунистическое отношение к труду. В нем участвуют свыше 1,5 млн. трудящихся республики, или более половины всех соревнующихся.

Коллективы, участвующие в движении за коммунистическое отношение к труду, гораздо успешнее решают задачи повышения квалификации и культурно-технического уровня работников, развития рационализации и изобретательства. Здесь получили широкое распространение общественные конструкторские, патентные и технические бюро, группы экономического анализа, советы новаторов и т. д.

Трудовая активность, заинтересованность рабочих и служащих в делах предприятия ярко проявляются в рационализации и изобретатель-

¹⁰ «Правда Востока», 1976 г., 24 декабря.

стве. Только за девятую пятилетку члены ВОИР республики подали 279,7 тыс. рационализаторских предложений, из них 209,5 тыс. внедрены в производство и дали 690 млн. руб. экономического эффекта. Это в 3,5 раза превысило экономии, полученную в восьмой пятилетке¹¹.

Участие в общественно-политической деятельности, в отличие от участия в труде, не диктуется жесткой экономической необходимостью. Включаясь в общественную работу, каждый трудящийся проходит школу коммунистического воспитания: на личном опыте он вырабатывает в себе высокое социалистическое сознание, общественно-политическую активность, организованность, дисциплину, личную ответственность за положение дел в государстве, чувство хозяина страны.

Одна из форм широкого привлечения трудящихся к управлению — постоянно действующие производственные совещания. В Узбекистане их около 5 тыс. В них участвуют почти 200 тыс. человек, которые ежегодно вносят до 50 тыс. предложений и рекомендаций¹². На исследованных нами предприятиях общественную работу ведут 52% работающих, причем 33% выполняют постоянные и 19% — временные поручения.

Мотивы участия в общественно-политической работе, по данным анкетного опроса, распределялись следующим образом:

<i>Варианты ответов</i>	<i>% опрошенных</i>
Расширение духовных запросов	22
Развитие чувства коллективизма	34
Сознание общественного долга, стремление быть полезным в общем деле	41
Стремление наполнить глубоким содержанием всю производственную деятельность	11
Желание находиться в гуще коллектива, быть в курсе всей его жизни	18
Стремление оказывать помощь людям	9
Борьба с имеющимися на производстве недостатками	23
Стремление выдвинуться по работе	0,7

Как видим, для большинства опрошенных характерна заинтересованность в общественных делах, жизни коллектива. Личные беседы, а также данные индивидуальных карточек, заполненных с помощью представителей общественности, администрации, показывают, что подавляющее число интервьюированных лиц отличаются инициативой, доброжелательностью в выполнении поручений, стремлением ко всему новому, передовому.

Трудовые коллективы в сфере материального производства включают в целом по стране более 70 млн. рабочих. «Политическая зрелость, дисциплинированность, коллективизм рабочего класса делают его социальным ядром советского народа, а его идейные и нравственные качества, формы труда и быта, культуры и поведения — основой формирования единого советского образа жизни»¹³.

В последние годы в Узбекистане, как и по всей стране, все шире практикуются составление и реализация планов социального развития трудовых коллективов, в которых всесторонне учитываются требования комплексного развития социалистического общества, коллектива и личности.

Социальное планирование все больше направляется на совершенствование отношений взаимопомощи, сотрудничества, основанных на

¹¹ Узбекская Советская Социалистическая Республика. Ташкент, 1977, с. 84.

¹² «Правда Востока», 1978 г., 18 марта.

¹³ «Рабочий класс и современный мир», 1973, № 5, с. 7.

общности интересов и целей. Планы социального развития трудового коллектива обеспечивают формирование той действительной коллективности, которая, по словам К. Маркса, способна поставить под контроль коллектива «условия свободного развития и движения индивидов»¹⁴.

Планы социального развития трудовых коллективов «охватывают всю жизнедеятельность человека в целом: его роль в производстве, поведение в быту, в семье, с товарищами, прогрессивное развитие его потребностей, в особенности в духовной сфере. Таким образом, социалистическое общество ставит и решает крупные социальные проблемы, непосредственно затрагивающие формирование образа жизни человека и неразрешимые в условиях капитализма»¹⁵.

Из результатов деятельности каждого трудового коллектива складывается успех решения экономических и социальных задач в масштабах всего общества.

Анализ планов социального развития трудовых коллективов Ташкентского кабельного завода, Ташкентского текстильного комбината, завода «Ташсельмаш» и Ташкентского производственного трикотажного объединения «Малика» показывает их многоцелевую направленность. Планы содержат мероприятия по совершенствованию общественных отношений, повышению уровня квалификации, образования, профессионального мастерства работников, сокращению сферы малопривлекательного, неквалифицированного, тяжелого ручного труда, по улучшению условий и охраны труда, укреплению здоровья работников, улучшению их социально-культурных и жилищно-бытовых условий, повышению активности трудящихся, рациональному использованию свободного времени и т. д.

Забота о трудящемся человеке и в рабочее, и в свободное время во всем многообразии его потребностей и интересов составляет важный принцип социалистического образа жизни. Планы социального развития трудового коллектива полностью отвечают лозунгу: «Все во имя человека, для блага человека».

Анализ имеющегося в нашем распоряжении фактического материала убедительно свидетельствует о том, что принятие глубоко продуманных планов социального развития, а главное — последовательное, настойчивое претворение их в жизнь — имеют огромное значение в повышении роли трудовых коллективов как основных ячеек социалистического общества, активных носителей нашего советского социалистического образа жизни.

Д. У. Қулдашева

МЕҲНАТҚАШЛАР КОЛЛЕКТИВИНИНГ СОЦИАЛИСТИК ТУРМУШ ТАРЗИ РИВОЖЛАНИШИДАГИ РОЛИ

Мақолада Ўзбекистонга онд аниқ материаллар асосида совет социалистик турмуш тарзининг шаклланиши ва ривожланишида меҳнатқашларнинг роли очиб берилган.

¹⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 76.

¹⁵ Капустин Е. И. Социалистический образ жизни. М., 1976, с. 28.

К 150-летию со дня рождения Н. Г. Чернышевского

Х. П. ВАХИДОВ

ВЕЛИКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ-РЕВОЛЮЦИОНЕР

Николай Гаврилович Чернышевский (1828—1889) принадлежит к славной плеяде великих мыслителей домарксистского периода. Он был признанным идейным руководителем русского освободительного движения, представители которого в условиях жесточайших репрессий царизма вели борьбу против самодержавия и крепостничества, беззаветно служили делу народной революции, верили в ее победу.

В. И. Ленин характеризовал Н. Г. Чернышевского как крупнейшего представителя передовой русской революционной мысли, которая «жадно искала правильной революционной теории». Именно Чернышевскому принадлежала основная роль в разработке мировоззрения, программы и тактики революционной демократии России.

Политическая и общественная деятельность Н. Г. Чернышевского развернулась в 50—начале 60-х годов XIX в., в условиях крайнего обострения кризиса феодально-крепостнической системы и назревания революционной ситуации.

В. И. Ленин, характеризуя политику самодержавия в период революционной ситуации, писал: «При таких условиях самодержавное правительство, которое свое высшее назначение видело в том, чтобы, с одной стороны, отстоять во что бы то ни стало всевластие и безответственность придворной камарилы и армии чиновных пиявок, а с другой стороны, в том, чтобы поддерживать худших представителей эксплуататорских классов, — подобное правительство *не могло поступать иначе*, как беспощадно истребляя отдельных лиц, сознательных и непреклонных врагов тирании и эксплуатации (т. е. «коноводов» «революционной партии»), запугивать и подкупать небольшими уступками массу недовольных. Каторга — тому, кто предпочитал молчать, чем извергать тупоумные или лицемерные хвалы «великому освобождению»; реформы (*безвредные для самодержавия и для эксплуататорских классов реформы*) тем, кто захлебывался либерализмом правительства и восторгался эрой прогресса»¹.

Либералы всех оттенков питали ненависть к революции, надежды на реформы «сверху», вели политику сделки с крепостниками. В. И. Ленин писал, что пресловутая борьба крепостников и либералов была борьбой внутри господствующих классов, большей частью внутри класса помещиков, борьбой исключительно из-за меры и формы уступок.

В. И. Ленин, подчеркивая противоположность программы революционной демократии и буржуазного либерализма, указывал: «Либералы 1860-х годов и Чернышевский суть представители... двух исторических

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 30.

сил, которые с тех пор и вплоть до нашего времени определяют исход борьбы за новую Россию»².

Чернышевский был высокообразованным человеком, впитавшим в себя и творчески переработавшим все то передовое, что сумела создать русская и западноевропейская революционная и критическая мысль. Он в совершенстве знал несколько иностранных языков, изучал также персидский, арабский, татарский и другие восточные языки. В этом отношении характерны его записки по татарскому языку, хранящиеся в рукописном фонде Чернышевского, его критическая статья «О правописании мусульманских имен», написанная к VI тому «Всемирной истории» Вебера, высказывания о восточной философии, индийском эпосе и др.

Могучий творческий ум Н. Г. Чернышевского проявился в самых различных областях науки — философии и социологии, политической экономии и истории литературы, этике и педагогике. Наконец, Н. Г. Чернышевский был великолепным русским писателем, автором замечательных романов «Что делать?», «Пролог» и других художественных произведений. Его гигантская разносторонняя деятельность была пронизана духом революционного демократизма.

Н. Г. Чернышевский глубоко знал историю и выступил с рядом блестящих работ, как «Борьба классов и партий при Людовике VIII и Карле X», «Кавеньяк», «Франция при Людовике Наполеоне» и др. Чернышевский писал: «Можно не знать, не чувствовать влечения к изучению математики, греческого, латинского языков, химии, можно не знать тысячи наук и все-таки быть образованным человеком; но не любить историю может только человек, совершенно не развитый умственно».

В области экономической науки Чернышевский подверг резкой критике современные ему теории западноевропейских буржуазных экономистов, вскрыл буржуазную ограниченность концепций А. Смита и Д. Рикардо. Вместе с тем Чернышевский выступил с рядом оригинальных работ по политической экономии, среди которых особо следует отметить его «Критические замечания к переводу политической экономии Милля». К. Маркс высоко отзывался об этом труде Чернышевского, с глубоким уважением говорил о нем самом, как о «великом русском ученом и критике». Маркс внимательно следил за произведениями Н. Г. Чернышевского. Желание читать их в оригинале побудило Маркса изучить русский язык. Чернышевский, по отзыву К. Маркса, блестяще вскрыл банкротство буржуазной политической экономии.

Н. Г. Чернышевский является одним из крупнейших представителей русской материалистической философии. Он подверг резкой критике идеализм, рассматривая его прежде всего как философское мировоззрение, явно противоречащее фактам науки и жизни. Знаменитое философское сочинение Чернышевского «Антропологический принцип в философии» (1860 г.) стало материалистическим манифестом русской революционной демократии 60-х годов XIX в.

Чернышевский смог глубоко проникнуть в сущность учения Гегеля о логике и диалектическом методе, по достоинству оценить смысл и значение «рационального зерна» гегелевской философии.

Вместе с этим следует особо отметить, что русские революционные демократы и прежде всего Н. Г. Чернышевский, положительно оценивая прогрессивные философские традиции мировой общественной мысли, не превращались в эпигонов какой-нибудь политической или философской системы, родившейся в Западной Европе.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 174—175.

Чернышевский отмечал, что прогресс в понятиях совершался в России самостоятельным образом. Умственная жизнь нашего отечества, говорил он, произвела людей, которые шли наряду с мыслителями Европы, а не в свите их учеников. «С того времени как представители нашего умственного движения самостоятельно подвергли критике Гегелеву систему, оно уже не подчинялось никакому чуждому авторитету»³.

Опираясь на достижения науки и философии своего времени, Чернышевский создал цельную материалистическую философию, которая содержала в себе значительные элементы диалектики, не говоря уже о ее богатом идейном и политическом содержании. В. И. Ленин писал о Чернышевском-философе следующее: «Чернышевский — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма... Но Чернышевский не сумел, вернее: не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса»⁴.

Философия Чернышевского была подчинена задачам революционной борьбы. Чернышевский выступал против созерцательности философии, подчеркивал необходимость изменения мира. Он прекрасно понимал значение теоретической и практической деятельности человека в преобразовании мира, классовый характер философии, ее связь с жизнью общества.

К. Маркс писал: «Афоризмы Фейербаха не удовлетворяют меня лишь в том отношении, что он слишком много напирает на природу и слишком мало — на политику. Между тем, это — единственный союз, благодаря которому теперешняя философия может стать истиной»⁵.

У Чернышевского же политика занимает первенствующее положение. По его мнению, в истории философии следует иметь в виду связь философских систем не только между собой, но и с духом времени и жизни общества, в котором они развивались. Эта связь оказывает огромное влияние на характер философии. «Политические теории, да и всякие вообще философские учения создавались всегда под сильнейшим влиянием того общественного положения, к которому принадлежали, и каждый философ бывал представителем какой-нибудь из политических партий борющихся в его время за преобладание над обществом, к которому принадлежал философ»⁶.

Сам Чернышевский принадлежал к «партии народа», к тому политическому направлению, основанием которого был революционный демократизм. Именно в тесной связи с ним развивались главные, определяющие принципы мировоззрения Чернышевского.

Всю свою многогранную теоретическую деятельность Н. Г. Чернышевский подчинил революционной борьбе против царского самодержавия. В мае 1861 г. он организовал тайное общество, позднее получившее название «Земля и воля».

Основной проблемой для Чернышевского были судьбы его Родины, русского народа. Он мечтал об осуществлении социалистических преобразований путем народной революции. Его воодушевляла «вера в возможность крестьянской социалистической революции». Он не видел в тех исторических условиях пролетариата — единственную силу, способ-

³ Чернышевский Н. Г. Избранные философские произведения. Т. I. М., 1950, с. 687.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 384.

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 374—375.

⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, М., 1950, с. 223.

ную возглавить борьбу народа за социалистические преобразования. В этом состоял утопизм политической программы Чернышевского.

Необходимо подчеркнуть, что социалистическая концепция Чернышевского вовсе не сводится к «русскому народническому социализму, ибо в ней речь идет прежде всего о судьбах «всего человечества», а не о сочинении «особой теории», ориентированной только на Россию.

В этой связи особого внимания заслуживают взгляды Чернышевского на национальный вопрос.

Н. Г. Чернышевский был последовательным борцом против всякого рода расовых и националистических теорий. Он высмеивал расовые теории как лженаучные, разоблачал колонизаторский характер утверждений о неравноценности наций, неравности их способностей к прогрессивному развитию.

Чернышевский протестовал против стремления к порабощению других народов, захвату чужих территорий, насильственному навязыванию «культуры», под которым скрывается нещадная эксплуатация отсталых народов. Чернышевский подчеркивал, что отсталость того или иного народа — результат особенностей его развития, а не мнимой неспособностью к культурному развитию. Эти идеи не утратили своего значения и сейчас; они бьют по всем проявлениям расизма и колониализма. Чернышевский писал: «Удерживать в своей зависимости чужое племя, которое негодует на иноземное владычество, не давать независимости народу только потому, что это кажется полезным для могущества и политического влияния на другие страны, — это гнусно...»⁷

Н. Г. Чернышевский давал резкую отповедь славянофилам, которые, спекулируя на идее славянской взаимности, проповедовали реакционную идею панславизма, призывали к объединению всех славян под властью русского царизма. Чернышевский с возмущением говорил: «Какое право имеют они срамить нас перед нашими славянскими братьями, выдавая себя перед ними за представителей русского народа?»⁸

Принципиальная и последовательная критика Чернышевским концепции славянофильства обратила на себя внимание К. Маркса и Ф. Энгельса, которые писали: «Летом 1861 г. Чернышевский разоблачил в журнале «Современник» (Sovremennik) происки панславистов и рассказал славянским народам правду об истинном положении вещей в России и о корыстном мракобесии их лживых друзей — панславистов»⁹.

Борьба русских революционных демократов за равноправие наций, их революционная деятельность и пропаганда обусловили силу их влияния на формирование и развитие прогрессивной общественной мысли других народов России, в том числе Средней Азии.

Среди передовых русских интеллигентов, живших и работавших в Средней Азии, было немало людей, мировоззрение которых формировалось под влиянием произведений Н. Г. Чернышевского. Они сыграли большую роль в ознакомлении местного населения с прогрессивными идеями русской культуры, своей деятельностью способствовали пониманию местными трудящимися того факта, что царизм и русский народ — не одно и то же. Под их влиянием и формировалась просветительская мысль народов Средней Азии.

В Туркестане дважды побывал выдающийся русский художник, пламенный гуманист В. В. Верещагин, творчество которого было вскорм-

⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VI, М., 1949, с. 105.

⁸ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. X, М., 1951, с. 135.

⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 430—431.

лено идеями демократического движения пореформенной эпохи и выражало протест против угнетения и порабощения народов¹⁰.

В 1899 г. в составе экспедиции по обследованию Закаспийской железной дороги Среднюю Азию посетил сын Николая Гавриловича М. Н. Чернышевский¹¹.

В Туркестане в первые годы после присоединения его к России некоторое время работал переводчиком в канцелярии генерал-губернатора известный русский ученый-путешественник П. И. Пашино. По своим воззрениям он примыкал к плееде прогрессивных русских революционеров-демократов. П. И. Пашино был лично знаком с Н. А. Добролюбовым, Н. А. Некрасовым, переписывался с ними, хорошо знал Шелгунова, сотрудничал в «Современнике». Пашино получал и принимал участие в распространении листка «Земля и Воля». За свои суждения о делах колониальной администрации, а также «за сношения с туземцами» П. И. Пашино был выслан из Туркестана как «человек неблагонадежный и вредный для службы в Туркестане»¹².

П. И. Пашино встречался в Ташкенте с Ахмадом Донишем. От него Дониш узнал об идеях русских революционных демократов¹³. Впоследствии он писал об их учении в своем трактате «Редчайшие происшествия»¹⁴.

Важную роль в распространении передовых идей в Туркестане сыграл функционировавший в Ташкенте кружок прогрессивно настроенной русской интеллигенции, созданный по инициативе медика П. И. Хомутова и его жены Е. Л. Хомутовой, которые были почитателями идей Н. Г. Чернышевского. Одной из задач этого кружка было установление дружеских отношений с местным населением, знакомство его передовых представителей с русской литературой и наукой, а также борьба против «господ ташкентцев», порочивших имя русского человека. Активными участниками кружка были русские ученые В. Ф. Ошанин, Н. П. Северцев и другие, которые не только проделали огромную работу по изучению природы и культуры Средней Азии, но сыграли большую роль в пропаганде идей передовой русской культуры. «Народы Средней Азии, — говорил А. П. Федченко, — должны быть в курсе новейших достижений русской науки и особенно тех исследований, которые ведутся нами, русскими учеными, в Средней Азии»¹⁵. С кружком была связана и сестра революционера Нечаева, врач А. Г. Нечаева-Сомова.

П. И. Хомутов был знаком с прогрессивными людьми из местного населения и оказывал им поддержку. В частности, он высоко отзывался о преподавательской деятельности Саттархана Абдулгафарова. Когда Саттархан, гонимый реакционными силами феодального общества, оказался в тяжелом положении, П. И. Хомутов принял дружеское участие в его судьбе.

Следует отметить также деятельность в Туркестане подпольного кружка, организованного политическим ссыльным Михаилом Юльевичем Ашенбреннером, мировоззрение которого формировалось под влиянием революционно-демократической идеологии. Сосланный в Турке-

¹⁰ См.: Лебедев А., Бурова В. Т. В. В. Верещагин и В. В. Стасов. М., 1953.

¹¹ См.: Владимиров А. Путевые записки сына Н. Г. Чернышевского. — «Гулистан», 1972, № 7, с. 29.

¹² См.: Гневусева Е. И. Забытый путешественник. Жизнь и путешествия Петра Ивановича Пашино. М., 1958.

¹³ Айни Камал. Встречи Ахмада Дониша с П. И. Пашино. — «Народы Азии и Африки», 1963, № 6, с. 144.

¹⁴ Дониш Ахмад. Редчайшие происшествия. Ташкент, 1964, с. 196.

¹⁵ Леонов Н. И. Алексей Павлович Федченко. М., 1972, с. 51.

стан за отказ от участия в подавлении польского восстания 1863 г. Ашенбреннер организовал кружок, члены которого познакомились с идеями революционных демократов. «В кружке,— писал М. Ю. Ашенбреннер,— господствовала полная свобода слова и неблагонамеренные речи выслушивались сочувственно»¹⁶.

В распространении революционно-демократической идеологии в Туркестане огромная роль принадлежала передовой русской интеллигенции, подвергшейся репрессиям со стороны царизма. Эти лучшие сыны русского народа несли с собой освободительные идеи и знакомили с ними прогрессивных представителей узбекского, таджикского, киргизского и других народов Средней Азии. В 1903 г. в Туркестанском крае было 59 политических ссыльных. Всего под надзором полиции в 1903—1906 гг. здесь находилось 337 ссыльных¹⁷.

С 1880 по 1882 г. в Ташкенте отбывал ссылку один из учеников Н. Г. Чернышевского, близкий друг К. Маркса, революционный демократ Герман Александрович Лопатин.

К. Маркс писал о нем: «Немногих людей я так люблю и уважаю, как его». От Маркса Лопатин узнал о значении Чернышевского не только для русского, но и международного революционного движения. Лопатин писал, что К. Маркс, прочитав статью Н. Г. Чернышевского по политической экономии, «почувствовал глубокое уважение к Чернышевскому. Он не раз говорил мне, что из всех современных экономистов Чернышевский представляет олицетворение единственного действительно оригинального мыслителя, между тем как остальные суть только простые компиляторы..., что политическая смерть Чернышевского есть потеря для ученого мира не только России, но и целой Европы»¹⁸. Это побудило Лопатина «возвратить миру этого великого публициста и гражданина, которым, по словам того же Маркса, должна бы гордиться Россия»¹⁹.

Г. А. Лопатин принимал участие в деятельности хомутовского кружка, где он сразу же приобрел репутацию «политического члена кружка». «С его приходом,— пишет Г. Димов,— хомутовский кружок стал чаще собираться, обсуждать острые проблемы жизни края, активно влиять на общественную жизнь русской части Ташкента... Г. А. Лопатин постоянно говорил об обязанности поднимать сознательность местного населения, помогая ему отличать русского помещика от русского труженика, облегчать участь подневольного народа борьбой за справедливое распределение земли и воды, развитие просвещения и здравоохранения»²⁰.

В хомутовском кружке Лопатин рассказывал о Марксе и Чернышевском. Здесь он познакомился с выдающимся исследователем Средней Азии В. Ф. Ошаниным и последние восемь месяцев пребывания в Ташкенте прожил на его квартире по улице, носящей ныне имя Германа Лопатина.

По свидетельству сына В. Ф. Ошанина, хорошо знавшего Лопатина, он стал не только участником экскурсий Василия Федоровича в окрестностях Ташкента, но иногда сопровождал его в другие области Туркестанского края²¹.

В ознакомлении передовых людей дореволюционной Средней Азии с жизнью и деятельностью Н. Г. Чернышевского большую роль сыграл

¹⁶ Журн. «Былое», 1907, № 5/21, с. 117.

¹⁷ См. «История Узбекской ССР». Т. I. Кн. 2. Ташкент, 1957, с. 246.

¹⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 403.

¹⁹ Лопатин Г. А. Автобиография. Показания и письма. Статьи и стихотворения. Библиография. Пг., 1922, с. 71—72.

²⁰ «Правда Востока», 1957 г., 17 декабря.

²¹ Ошанин Л. В. Василий Федорович Ошанин. М., 1961, с. 29.

Константин Михайлович Федоров (1866—1947). С 1885 г. до последних дней Чернышевского Федоров работал у него секретарем в Астрахани, а затем в Саратове. Н. Г. Чернышевский выражал теплые чувства к К. М. Федорову за его работоспособность и аккуратность в выполнении поручений. В письме своей супруге Николай Гаврилович писал: «Костенька (как ты его зовешь) трудится очень усердно. Одно отвлекает нас от работы: очень любим мы с ним шпаться в театр».

После смерти Н. Г. Чернышевского К. М. Федоров занимался журналистской деятельностью. С 1894 по 1912 г. он редактировал в Ашхабаде газету «Закаспийское обозрение», а в 1912 г. в Ташкенте — газету «Туркестан». В 1904 г. им была опубликована в Ашхабаде книга «Н. Г. Чернышевский», ставшая первым в Средней Азии произведением, знакомящим читателя с жизнью и деятельностью Чернышевского. «Приступая к выпуску настоящей брошюры,— говорится в предисловии,— мы имели в виду по мере возможности собрать воедино появившиеся в печати библиографические сведения о Н. Г. Чернышевском, а также и наши воспоминания об этой светлой личности, составившей эпоху в истории русской жизни и продолжающей приковывать к себе внимание лучшей части нашего общества, вызывая благоговейное удивление и возбуждая сильное желание увидеть в печати все сочинения Н. Г. Чернышевского»²².

К. М. Федоров в своей книге смог не только передать обстановку напряженного труда Н. Г. Чернышевского, последние годы его жизни в Астрахани и Саратове, но и показать его величие как человека, ученого, общественного деятеля. Автор подчеркивает, что Н. Г. Чернышевский принадлежит к числу писателей-публицистов, «произведения которых на многие десятки и сотни лет переживают своих творцов и не утрачивают современности. И внуки, и правнуки, и дальнейшие поколения не перестанут прибегать к ним с целью умственного развития, ровно как и для того, чтобы в их идеях, их взглядах находить указания и ответы на существенные и роковые вопросы жизни»²³. Исходя из этого, К. М. Федоров излагает жизнь и деятельность Н. Г. Чернышевского, содержание отдельных его произведений, что свидетельствует о его знакомстве с основными проблемами, стоявшими перед передовой общественной мыслью периода деятельности Н. Г. Чернышевского.

«Политикоэкономические, философские и публицистические статьи Н. Г. Чернышевского,— писал К. М. Федоров,— имели главную цель: дискредитировать буржуазных общественных и политических деятелей с их буржуазным мирозерцанием и строем.

Его комментарии и дополнения, представляющие самостоятельные изменения сделанному им переводу «Основание политической экономии» Милля, по словам К. Маркса, сокрушили буржуазную экономику»²⁴.

Опубликование такой книги о Н. Г. Чернышевском в тот период несомненно сыграло большую роль в пропаганде в Средней Азии революционно-демократической идеологии и деятельности ее руководителя Н. Г. Чернышевского.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал огромное значение революционных демократов, особенно Чернышевского, в освободительном движении, их роль как предшественников русской социал-демократии. В этом прежде всего и состоит их историческая заслуга перед народами нашей многонациональной Родины, перед историей.

²² Федоров К. М. Н. Г. Чернышевский. Ашхабад, 1904. Предисловие, с. 1.

²³ Там же.

²⁴ Там же, с. 16.

С. ПАНЧЕНКО

НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ ИСТОРИИ ПУБЛИКАЦИИ РОМАНА Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО «ЧТО ДЕЛАТЬ?»

Прошло более ста лет со времени публикации романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» в мартовской, апрельской и майской книжках журнала «Современник» за 1863 г. И всегда возникал естественный вопрос: как же мог появиться в печати этот социально-политический роман, под влиянием которого «сотни людей делались революционерами», роман, который «глубоко перепахал»¹ молодого Владимира Ильича Ленина. К тому же автор тогда был узником Алексеевского рavelина Петропавловской крепости, привлеченным к ответу за революционную деятельность. Причем рукопись была послана в редакцию некрасовского журнала не тайком, а легально, через коменданта крепости полковника Сорокина. И роман был напечатан с разрешения цензуры за полной подписью автора.

Об истории публикации романа «Что делать?» писали много и по-разному. Иные склонны считать, что «Чернышевский сам усыпил бдительность высших чинов жандармерии, заявив членам следственной комиссии о «невиновности» своего произведения»². Другие полагают, что «следственная комиссия поручала своему члену рассмотреть рукопись с тем, чтобы, если в ней не окажется «ничего подозрительного», выдать ее для печатания с соблюдением общих правил...»³

Различие мнений, очевидно, во многом объясняется отсутствием автографа. Подлинник романа с резолюцией управляющего III отделения генерал-майора Потапова бесследно исчез, и все старания получить какие-либо сведения о нем и по сей день остаются тщетными. В Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ) в Москве хранится лишь первоначальная черновая редакция романа.

Таинственное исчезновение автографа не случайно. Для царского правительства «зловредность» романа Чернышевского стала ясной сразу же после его опубликования. И вполне вероятно, что Александр II потребовал выяснить, кто же был конкретным виновником выпуска романа в печать.

11 июля 1866 г. министр внутренних дел П. А. Валуев приказал Главному управлению по делам печати незамедлительно подготовить «справку о сочинениях Чернышевского, будто бы вновь разрешенных к печати, и о сочинениях его, печатавшихся, когда он был в крепости»⁴. Через несколько дней справка была готова. Текст ее уже был опублико-

¹ Валентинов Н. Встречи с Лениным. Цит. по: В. И. Ленин о литературе и искусстве. Изд. 3-е. М., 1967, с. 653.

² Громов П. И. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Л., 1963, с. 4.

³ Смолицкий В. Г. Из рavelина. О судьбе романа Н. Г. Чернышевского. «Что делать?» М., 1968, с. 96.

⁴ Шестидесятые годы. Л., 1940. с. 390.

ван⁵. Ученому-филологу М. В. Теплинскому удалось разыскать еще один экземпляр этой справки, сопровождающей весьма важной пометкой: «Доложено его величеству. Петергоф, 29 июля 1866 года»⁶. До сведения царя доводилось, что «цензор Бекетов, дозволивший к печати роман «Что делать?», уволен от должности в том же 1863 году»⁷.

Таким образом, царская администрация нашла «козла отпущения». Исследователи, однако, давно уже поставили под сомнение единичную «вину» Бекетова. Вряд ли он даже при доброжелательном отношении к «Современнику» мог бы совершенно самостоятельно разрешить роман к печати. Сам В. Бекетов говорил о себе: «Я не из трусливых, да и знаю, где раки зимуют; писатель меня не проведет, как бы ни хитрил в своей статье. Чутье у меня тонкое! Не прогневайтесь, если я просто-напросто всю статью не пропущу,— к чему ее пестрить красными чернилами»⁸.

Сейчас со всей уверенностью можно утверждать, что роман «Что делать?» не прошел общую цензуру и был пропущен в печать III отделением, в чем нас убеждают проверенные факты. Так, И. А. Гончаров писал Писемскому 4 декабря 1872 г.: «Вот бездарный, тенденциозный памфлет «Что делать?» под фальшивым паспортом романа просочил же в печать под эгидой той же узко чиновничьей и осторожной цензуры!»⁹

О какой же «узко чиновничьей и осторожной цензуре» идет речь в письме бывшего цензора? Ответить на это в определенной мере помогают воспоминания редактора газеты «St. Peterburger Zeitung» и лектора Петербургского университета Фридриха Мейера.

Воспоминания Ф. Мейера были опубликованы в Германии под названием «Unter dem Russischen Scepter» («Под русским скипетром»). Фрагменты их были напечатаны в журнале «Вестник иностранной литературы» за 1895 г. и тщательно прокомментированы П. Усовым в статье-обзоре «О русской эпохе великих реформ (Из воспоминаний немца)»¹⁰. Нам удалось обнаружить и извлечь их из забвения.

П. Усов касается, в частности, причин отставки председателя Петербургского цензурного комитета, тайного советника Василия Андреевича Цез: «14 января 1863 г. цензура перешла в ведение министерства внутренних дел. Цез недолго после этого оставался во главе ее. О причинах его отставки ходят не совсем верные слухи, которые Мейер, как человек, близко знакомый с Цез, опровергает. Именно, рассказывают, что причиной всего был роман Чернышевского «Что делать?» Крайняя тенденция этого романа возмутила тогда многих, и было якобы даже распоряжение немедленно сослать в Сибирь цензора, который пропустил произведение Чернышевского. Виновиком оказался больной старик, которому оставалось уже немного служить до полной пенсии, он с трудом мог исполнять свои обязанности, а романа Чернышевского просто не успел прочесть. Цез будто бы сжалился над бедным стариком, со слезами и на коленях умолявшем о спасении, и принял всю вину на себя, за что и должен был выйти в отставку»¹¹.

Однако Ф. Мейер решительно опровергает эту версию. «Эта версия,— утверждает он,— неверна уже по одному тому, что из петербург-

⁵ Там же, с. 391—392.

⁶ ЦГИА, ф. 1282, оп. 2, д. 1951, л. 327.

⁷ Шестидесятые годы, с. 391.

⁸ Панаева А. Я. (Головачева). Воспоминания. М., 1956, с. 182.

⁹ Гончаров И. А. Письмо к Писемскому от 4 декабря 1872 г. Собр. соч. В 8 томах. Т. 8. М., 1955, с. 447.

¹⁰ Журн. «Вестник иностранной литературы», Год V, 1895, февраль.

¹¹ Там же, с. 114.

ских цензоров никто и видеть не мог злополученного романа до выхода его в свет. Чернышевский сидел тогда в каземате Петропавловской крепости, как государственный преступник, и подвергнут был стражайшему контролю тайной полиции, поэтому его роман был пропущен в печать никем иным, как пачальником третьего отделения, генералом Потаповым, подпись которого и до сих пор сохраняется на оригинале «Что делать?»¹²

Итак, по Ф. Мейеру, роман Чернышевского «Что делать?» не просто был просмотрен в III отделении, а на оригинале имелась собственноручная резолюция генерала Потапова. Хотя эта резолюция и не дошла до нас, нет оснований сомневаться в самом факте, за верность которого «ручался честью» близкий знакомый Мейера, председатель Петербургского цензурного комитета В. А. Цез. 9/21 мая 1882 г. он писал из Неаполя бывшему министру народного образования А. В. Головнину:

«...Почему мне бы казалось весьма полезным, если ты до появления июньской книжки («Московских ведомостей»).—С. П.) постарался свидеться с Стасюлевичем и сказал бы ему, чтобы он пригласил Усова посмотреть в Архиве цензурного комитета подлинный экземпляр романа «Что делать?», на котором я собственными глазами прочел: Печатать дозволяется, Свиты е[го] и[мператорского] в[еличества] генерал-майор Потапов.

Бывший цензор В. Н. Бекетов принес мне этот экземпляр в доказательство того, что общая цензура не видела не могла видеть этой книги, так как Ч[ернышевский] в это время сидел в Петроп[авловской] крепости и все, что он тогда писал, подлежало рассмотрению 3-го отделения.

Вот факт, за верность коего я ручаюсь честью и который мало кому известен...»¹³

Как видно, роман получил цензурное разрешение; следовательно, чтение и распространение его не могли считаться преступлением. Правда, в 1868 г. было запрещено заграничное нелегальное издание романа, выпущенное в Женеве М. Эльпидиным, однако номера «Современника» не могли быть изъяты из обращения. Во всяком случае факт открытой продажи журнального текста романа Чернышевского в 1874 г. в Петербурге — примечательное явление для судьбы этой книги¹⁴.

Таким образом, мемуары Ф. Мейера и достоверные данные В. А. Цеза проливают новый свет на подлинную историю публикации романа «Что делать?», позволяют лучше понять образ действий Петербургского цензурного комитета и промахи тайной политической полиции царизма.

Только гениальная конспирация Н. Г. Чернышевского помогла ввести царскую жандармерию в заблуждение и довести до читателя оригинальное, острое, боевое произведение, от которого «веет духом классовой борьбы»¹⁵. Недаром В. И. Ленин подчеркивал, что Чернышевский «умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»¹⁶.

¹² Там же, с. 115.

¹³ Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, фонд В. А. Цез.

¹⁴ Есин Б. И. Распространение журнального текста романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» — В кн. «Журналистика и литература». М., 1972, с. 275—276.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 94.

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 175.

Л. И. ЖУКОВА, Л. Г. ЛЕВТЕЕВА

СЫН Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО В СРЕДНЕЙ АЗИИ

В связи со 150-летием со дня рождения Н. Г. Чернышевского нашим читателям, очевидно, небезынтересно будет узнать, что его младший сын, Михаил Николаевич, внес достойный внимания и признательности вклад в описание и фиксацию достопримечательностей природы и памятников культуры Средней Азии.

Михаил Николаевич Чернышевский (1858—1924 гг.) широко известен своей ролью в сохранении, исследовании и пропаганде литературного наследия отца. С большим уважением о нем отзывался В. Д. Бонч-Бруевич: «Он так много сделал для собрания сочинений Николая Гавриловича, что наша литература, полная великого почтения к мученикам русской литературы, и общественность не может не относиться самым почтительным образом не только к самому Н. Г. Чернышевскому, но и к его сыну».

В 1918 г. сын великого писателя передал в народное достояние дом в Саратове, где родился Н. Г. Чернышевский, для организации в нем музея. Эта инициатива была горячо поддержана В. И. Лениным и его соратниками (А. В. Луначарский, В. Д. Бонч-Бруевич и др.).

Как же М. Н. Чернышевский оказался в Средней Азии?

Известно, что из-за семейных обстоятельств Михаил Николаевич не смог закончить историко-филологический факультет Петербургского университета. В 1884 г. он поступает на службу в правление Закавказской железной дороги, а через пять лет его переводят в департамент железнодорожных дел министерства финансов.

В 90-х годах прошлого столетия в правительственных сферах обсуждался вопрос о соединении Средней Азии с центральными районами империи прямым рельсовым путем. Было выдвинуто два проекта строительства железных дорог: Оренбург—Ташкент и ст. Александров-Гай—Рязанско-Уральской железной дороги — Чарджуй (Чарджоу).

Для проведения изысканий по второму варианту была создана специальная экспедиция, которая начала формироваться в конце августа 1899 г. в Уральске под начальством инженера путей сообщения А. Штукенберга в составе 14 человек, преимущественно инженеров и техников. От министерства финансов к ней был прикомандирован чиновник особых поручений М. Н. Чернышевский.

К началу сентября все необходимые приготовления были закончены и экспедиция двинулась в путь.

М. Н. Чернышевский находился в командировке четыре с половиной месяца. По результатам поездки он подготовил подробный отчет, куда вошли материалы, связанные со служебным заданием. Кроме того, в ходе экспедиции он вел путевые заметки, в которых фиксировал лич-

ные переживания, наблюдения и проч. Однако эти материалы не получили освещения в литературе. Даже в воспоминаниях его дочери, Н. М. Чернышевской¹ опущен сам факт поездки отца в Среднюю Азию. Исключение составляет опубликованная в 1905 г. статья члена экспедиции, горного инженера А. Н. Рябинина по результатам изучения вопроса о водоснабжении, в которой были использованы фотографии, сделанные М. Н. Чернышевским.

Внимательное ознакомление с указанными материалами М. Н. Чернышевского показало их несомненную ценность для изучения истории Средней Азии конца XIX в. Путевые заметки, дневник и фотоальбомы надо рассматривать как единое целое, дополняющее друг друга. В них выдержан страничный объем (по 145 стр. рукописного текста). Кроме того, дневник снабжен послесловием, в котором подробно излагаются обстоятельства снаряжения экспедиции.

М. Н. Чернышевский был широко образованным человеком. Он знал несколько иностранных языков, в их числе — латынь, греческий, французский, немецкий; самостоятельно изучал английский и испанский. Широта кругозора и интересов автора отразилась на содержании его записей. М. Н. Чернышевского интересуют животный мир, растительность, геологические ресурсы края, история и быт местного населения, лингвистика, памятники зодчества, прикладное искусство и многое другое (впоследствии он состоял членом Общества истории, археологии и этнографии). Наблюдения фиксировались им ежедневно, поэтому все сведения связаны с конкретными населенными пунктами и местностями, через которые пролегал путь экспедиции.

Поездка в Туркестан явилась для М. Н. Чернышевского необычайной. И, естественно, многое хотелось запечатлеть на память. К этому времени М. Н. Чернышевский уже имел семилетний стаж увлечения фотоделом. Впоследствии он стал крупным специалистом в данной области.

На известных нам снимках запечатлены достопримечательности территории современной Каракалпакии, Хорезмской области, Западного Казахстана и Туркмении. Судя по дневнику, кадров было сделано гораздо больше. Вероятно, не все пленки удалось качественно проявить в полевых условиях; возможны и другие, пока неизвестные причины, объясняющие отсутствие фотоснимков по иным районам, посещенным М. Н. Чернышевским.

Фотографии М. Н. Чернышевского были одними из первых для этих районов, и это обуславливает их особую ценность.

Проектировавшаяся железнодорожная ветка Александров-Гай — Чарджуо должна была пройти по Прикаспийской степи до р. Урал, пересечь ее на ст. Гребеншиково, затем, минуя Индерское озеро, дойти до урочища Кара-Чеганак, пересечь реки Сагиз и Эмбу, подойти к урочищу Мышу-Алмас и далее до Кунграда, откуда по левой стороне Амударьи соединиться с Чарджуо. Описаны также Ханки, Ургенч, Хива. Сообщается о таких городских пунктах и придорожных станциях, как Ташауз, Дарганаты, Дая-Хатын, Ташакыр, Денау, Султан-Аксакал, Вахим. Все они располагались на древней караванной дороге, соединявшей Чарджуи с Хорезмом. Автор очень кратко, но выразительно характеризует общий тип станционных помещений: «Четырехугольная комната 4×8 шагов, посередине на полу разостланы циновки, а на их кошмы, а у более богатых ковры. Окон нет, мебели никакой».

¹ Чернышевская Н. М. Младший сын Н. Г. Чернышевского. — Сб. «Н. Г. Чернышевский». Труды Саратовского университета им. Н. Г. Чернышевского, вып. 3, Саратов, 1962.

Но и эти станции казались уютными в сравнении с полуразрушенными на бывшем караванном пути Уральск — Хива, по которому экспедиция следовала ранее: «...В 7 часов пришли на станцию Уш, где расположились на ночевку в полуразрушенном здании без окон и дверей, так что сквозняку изрядно; потолок, впрочем, сохранился».

Упоминается ряд городов, где М. Н. Чернышевский побывал уже после завершения работ экспедиции. Но цель их посещения также была связана со строительством железной дороги (Ашхабад, Мерв, Ташкент, Самарканд. О его приезде в Ашхабад сообщалось в «Закаспийском обозрении», 28 ноября 1899 г.).

Из всех пунктов наиболее подробно описаны Кунград и его достопримечательности, которые запечатлены на фотоснимках: местный базар, баня, улицы, некоторые дома.

Рис. 1. Кунград. М. Н. Чернышевский (в центре) среди представителей местного населения.

Большое впечатление произвел на путешественника Новый Ургенч, бывший центром ремесленного производства и оптовой торговли Хивинского ханства. После «необозримых киргизских степей» он показался «городом-садом». «Ургенч — очень живописный город, — записал М. Н. Чернышевский, — с чрезвычайно богатой растительностью, чудные громадные развесистые деревья выглядывают из-за стен многих домов. Вся окружающая обстановка... совершенно переносит в мир Шехерезады...»

Описан и характерный для города тип жилой застройки: «...Четырехугольный большой двор, обнесенный глиняной стеной; посередине двора пруд, обсаженный деревьями; кругом у стен здания с навесами, одно повыше со столбом посередине. Окон нет, а в потолке и где-нибудь сбоку в стене по небольшой дырке для выхода дыма от огня, раскладываются посередине комнаты. На полу ковры. Посреди комнаты место для очага и рядом углубление для выливания воды... Очень кра-

сивые наружные двери — резные». О красоте дверей и резных столбов автор пишет неоднократно.

Подробно описаны и пребывание в Хиве, памятники архитектуры, фабрика шелковых изделий, где «ткут ежегодно до 3000 аршин, преимущественно шарфов для поясов», ханские дворцы, ауденция у хана.

Делаются замечания, позволяющие уловить разность вассальной зависимости Бухары и Хивы от России. В Бухаре «оказывается почти больше, чем в Хиве», хотя в Ургенче, например, «в ожидании русских инженеров здешний бек уже выстроил даже для них отдельное здание с окнами и печью».

Из данных экономического характера М. Н. Чернышевского интересуют прежде всего площади посевов различных сельскохозяйственных культур, скот и продукты скотоводства, налоговая система, денежные курсы, торговля, объем торговых оборотов. Особый интерес вызывает хлопководство: что делается для его улучшения, что нужно сделать, расходы по хлопководству и т. д.

Приводятся некоторые сведения о развитии русского и местного предпринимательства. Сообщается о работе хлопкоочистительного завода Ярославской мануфактуры в Ургенче, организации садоводства Назаровым в Ташкенте и др. Хотя эти сведения в основе своей отрывочны, они расширяют имеющиеся представления об экономике края, круге интересов и служебном задании автора записок.

Неоднократно на страницах блокнотов встречаются заметки об условиях строительства дороги, доставке стройматериалов, преимуществах и недостатках обеих линий, их экономическом значении.

Будучи впервые в Средней Азии, М. Н. Чернышевский с большим интересом знакомится с самобытной культурой местных народностей. От его внимания не ускользает ни одна мелочь. Так, сделав остановку в кибитке казаха (по Чернышевскому, — «киргиза»), он отмечает характерные бытовые детали, внимательно разглядывает одежду женщины, ее украшения. Зафиксирован процесс изготовления кошмы: «На большую циновку длиной 7—8 аршин, шириной 2—2 1/2 аршин, насыпают слой бараньей шерсти (прямо с барана стрижка), расколачивают палочками ровно до всей поверхности и спрыскивают водою; затем свертывают циновку и крутят ее понемногу — шерсть мало-помалу уплотняется. Потом развертывают, посыпают второй раз и т. д.»

Обращается внимание на высокое мастерство установки юрты: «Досадно, что нет солнца — рядом остановились киргизы и разбирают кибитки — можно было бы воспроизвести весь процесс постановки кибитки». На одной из пленок запечатлена хивинская арба — «этот роскошный экипаж на двух колесах 3-х аршинной высоты».

Пробуя национальное блюдо, Михаил Николаевич подробно спрашивает рецепт его приготовления.

Автор фиксирует все местные топонимы с обязательным переводом названий привалочных пунктов на русский язык. Например: «Улмекен — не мальчик ли? («родилась девочка, которой дали это имя. И тут же ее могила»); Бай-Мунке. Бай — богатый. Мунке — просто имя; Джамгуркуль. Джамгур — дождь. Куль — озеро. Джан-су («Новая вода»). В дорожных книжках даже составлен маленький словарь наиболее употребительных местных слов.»

Описывая одежду жителей Хивинского ханства, М. Н. Чернышевский отмечает, что женщины одеты в паранджу, говорит о цветовом образии одежды: «Все поголовно, до самого хана включительно, ходят в однообразных простых темно-красных ситцевых (или холщовых) халатах». Это особенно бросалось в глаза при сравнении с «платьем бу-

харцев, которые шеголяют в самых разнообразных шелковых и атласных халатах».

Интерес М. Н. Чернышевского к местному быту и культуре отразился в его стремлении приобрести местные предметы прикладного искусства, которые, как писала Н. М. Чернышевская, долго хранились в семье и были оставлены при переезде из Петрограда в Саратов в годы гражданской войны.

Из поля зрения М. Н. Чернышевского не ускользнули и социальные контрасты: «Заходили в кибитки Бай-Мунке — народ бедный, вязание циновок (трава и Кары-Чеганак), толчение проса. У родовой же верушки — много скота — лошади, верблюды и овцы». Рассказывая об одном из местных жителей, он отмечает: «Большое семейство, много детей и все почти голые, несмотря на холодную погоду, все золотушные...»

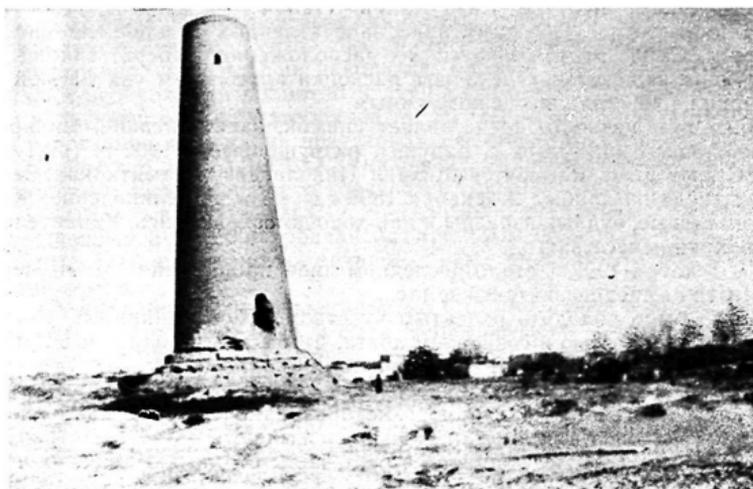

Рис. 2. Минарет (по М. Н. Чернышевскому, — Башня казии*) в Шейх-Аббас-Вали (ныне г. Беруни).

Среди местного населения были распространены различные заболевания. Во время остановок члены экспедиции не раз выдавали больным лекарства из походной аптечки. С горечью автор дневника записывает: «Ртутную мазь мы уже пораздавали по пути — надо было бы прямо пудами ее захватить сюда».

Участники экспедиции быстро входили в контакт с населением: «В 11 ч. остановились для завтрака у колодцев Чурук в кибитке у какого-то киргиза. Хорошая кибитка. Собралось много любопытных киргизов. Хозяин играл на инструменте в роде гитары, хозяйка кормила ребенка всего в золотухе. Большую сенсацию произвело наше угощение их альбертами и шоколадом».

В другой записи, сделанной при приближении к Белеули, читаем: «Еще большую сенсацию у киргизов произвел мой бинокль: аханьям и смеху не было конца — всех ужасно забавляло, что табун лошадей, видимый лишь на горизонте, оказался чуть ли не под носом».

М. Н. Чернышевский подчеркивает трудолюбие сельского населе-

ния: «...Поля разработаны до последнего уголка»; «Царство арыков, дорога проходит через массу арыков по насыпям валов из выкопанной земли».

Большой интерес вызвало у М. Н. Чернышевского местное зодчество. Благодаря его записям и фотоснимкам мы можем восстановить внешний вид ряда памятников, ныне уже не существующих. Так, в Хазараспе он запечатлел на пленку «замечательные развалины дворца, внутренние стены которого облицованы изразцами удивительной красоты и чрезвычайно тонкого рисунка — голубые с белым».

На втором плане описываемой фотографии виден силуэт еще одного монументального сооружения, которое мы уверенно можем отождествлять с медресе, изображенным на другом снимке из того же альбома (подпись: «Хазарасп. 15 ноября 1899 года»). Это двухкупольное сооружение с глухим фасадом и выступающей суфой чрезвычайно напоминает существующее медресе Казы-Калян (1905 г.) и медресе Дост-Алям (1882 г.) в г. Хиве. Оба памятника, запечатленных на пленке, давно разрушены. Само место бывшего их расположения теперь сплошь застроено, и заложить разведочные раскопки археологам на данной территории не представляется возможным.

Большую ценность представляет снимок, запечатлевший минарет в Шейх-Аббас-Вали (ныне г. Беруни), разрушенный в 1902 г. (рис. 2).

С восторгом отзывается Михаил Николаевич о памятниках Самарканда, куда он прибыл 2 декабря 1899 г.: «Что за великолелие! Какие удивительные, чудные изразцы и как хорошо сохранились. Удивительные памятники искусства».

9 декабря 1909 г. стало последним днем пребывания М. Н. Чернышевского на среднеазиатской земле...

Надо было обладать развитым чувством самодисциплины, высокой гражданственностью и сознанием долга, чтобы вести подробные путевые записки и заниматься фотографией в столь трудных условиях, в каких проводилась экспедиция: «Наконец-то настало утро и мы живы. Что за ночь! С вечера еще начался дождь, который наконец полил как из ведра, в 9 1/2 часа я все-таки уснул. Ночью просыпаюсь — ветер страшный, прямо ураган, палатку нашу так и рвет, полы поднимаются вверх и хлещут со страшным шумом. Засыпая, я укрылся слышном теплом и проснулся весь в поту, а раскрыться страшно: с одной стороны ветер, а с другой с минуты на минуту ждешь, что вот-вот палатка свалится и ляжет на тебя в виде холодного мокрого компресса. Наша палатка сравнительно еще более солидная и, к счастью, выдержала, а у некоторых сорвало; и вот в темноте ночи, под аккомпанемент урагана, несутся крики о помощи... Ужасная ночь! Наконец, подкрепили палатки, крики прекратились. Лихорадит. Понемногу уснул. Проснулся под утро... лежу закутанный на кровати в палатке и пишу понемногу, а то руке без перчатки холодно; напишу-напишу, да и опять надену перчатку», Или в другом месте: «...Лег спать в шапке, как обыкновенно, и еще надел башлык, а потом и в плед закутался с головой... Ветер, дождь и холод продолжаются;... сидим по палаткам, охоем, ежимся и терпим». И далее: «Стали на ночлег в открытом поле. Мороз сильнейший, ветер, дров нет и огня развести нельзя. Кое-как укладываемся спать, не зная, проснемся ли на утро живыми или кто-нибудь замерзнет».

Даже в южных районах, где было гораздо теплее, участникам экспедиции, не привыкшим к местным условиям, приходилось трудно: «Глаза слезятся, на зубах какой-то скрежет, губы трескаются, носовой платок после первого же употребления обращается в какую-то невозможную тряпку, которой как будто обтерли коготь от начадившей лампы».

М. Н. Чернышевский стойко переносил все трудности далекого и нелегкого путешествия. Здесь ему во многом помогло юношеское увлечение спортом. «Пригодилось в дороге,— пишет он,— и мое знакомство с гимнастическими упражнениями (выскакивание и вскакивание на полном ходу тарантаса) и сила (помощь телегам и вытаскивание из ямы тарантаса)».

Путевые заметки позволяют представить сам облик М. Н. Чернышевского, которому во время экспедиции (7 октября 1899 г.) исполнился 41 год. С одной стороны, они показывают его гуманизм, любовь к природе, широту взглядов, его юмор, любовь к родным и близким. Литературный талант, умение буквально в нескольких словах сказать о многом. Например, он замечает: «Бури теперь повсеместно, не оттого ли, что теперь вообще «бурное время?»»

С другой стороны, записки свидетельствуют о высоких деловых качествах М. Н. Чернышевского как финансового работника. Экономические и другие сведения, связанные со строительством дороги, интересуют его постоянно, где бы он ни находился. Видимо, составленный им отчет обладал необходимой полнотой и ценными сведениями. Поэтому введение в научный обиход материалов М. Н. Чернышевского, а также других участников экспедиции представит, несомненно, большую ценность.

О том, что в ЦГАЛИ СССР находятся записные книжки М. Н. Чернышевского, связанные с его поездкой в Среднюю Азию в 1899 г. (ф. 1, оп. 1, д. 225), а в ЛОИВ АН СССР — дневник, являющийся их несколько сокращенным и отредактированным вариантом (разряд 4, оп. 1, д. 27), — нам стало известно лишь недавно. Там же хранятся фотоальбом с 52 снимками.

В свое время эти путевые заметки были переданы в архив вместе с другими материалами отца и сына Чернышевских. Среди них хранится и письмо акад. С. Ф. Ольденбурга, проливающее свет на обстоятельства, связанные с появлением дневника М. Н. Чернышевского в Ленинграде. 23 декабря 1917 г. С. Ф. Ольденбург, тогда непрременный секретарь Российской Академии наук, направил М. Н. Чернышевскому письмо следующего содержания: «...Конференция Российской Академии наук поручила мне выразить Вам искреннюю от имени Академии признательность за дневник Вашего путешествия в Среднюю Азию и три альбома фотографий, переданные мною в Азиатский музей, где уже хранятся материалы по другим экспедициям русских путешественников и где Ваши дневники и фотографии будут особенно ценны».

Учитывая значимость этих материалов, мы надеемся, что со временем они будут опубликованы как один из ценных литературных и исторических источников, связанных с дорогим для всех нас именем Чернышевских.

Л. И. Жукова, Л. Г. Левтеева

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙНИНГ УҒЛИ УРТА ОСИЕДА

Мақолада архив материаллари асосида Н. Г. Чернышевскийнинг кичик ўғли Михаил Николаевич Чернышевскийнинг 1899 йили Урта Осиёга қилган сафари ҳақида ҳикоя қилинади.

К 100-летию со дня рождения П. А. Кобозева

Л. К. ШЕК

СОЛДАТ РЕВОЛЮЦИИ

Среди руководящих партийных, государственных и военных работников, внесших большой вклад в укрепление Советской власти в Средней Азии, видное место занимает Петр Алексеевич Кобозев — один из старейших членов нашей партии, крупный партийный и советский деятель, активный участник трех революций в России.

По поручению В. И. Ленина, ЦК РКП(б) и Советского правительства П. А. Кобозев в 1917—1919 гг. трижды приезжал в Туркестан и провел здесь большую работу по укреплению Советской власти, осуществлению ленинской национальной политики.

Петр Алексеевич Кобозев родился в 1878 г. в семье крестьянина-бедняка из Рязанской губернии, ставшего впоследствии рабочим в Москве. В 1898 г. П. А. Кобозев окончил Московское реальное училище, где, собственно, и началась его революционная деятельность. В 1899 г. П. А. Кобозев поступил в Московское технологическое училище, однако преследования царской полиции вынудили его перевестись в Рижский политехнический институт. Там он учился в качестве вольнослушателя и, окончив институт в 1904 г., получил звание инженера-технолога.

Работая в годы учебы слесарем Рижских центральных железнодорожных мастерских, помощником машиниста, а с 1903 г. — ассистентом в Политехническом институте, П. А. Кобозев принимал активное участие в деятельности рижской социал-демократической организации, а после II съезда РСДРП стал большевиком-ленинцем. Вся жизнь его была подвигом во имя торжества дела партии и народа, победы коммунизма. Этот подвиг можно охарактеризовать его же словами, сказанными в 1919 г. при закрытии III съезда Компартии Туркестана: «Быть коммунистом — это значит отречься от себя, чувствуя готовность подчинить всего себя партии, это значит иметь силу на подвиг, это значит быть готовым пойти и умереть если то потребуется для нашего дела»¹.

В годы первой русской революции П. А. Кобозев, будучи членом ЦК большевистской организации Латышского края и Рижского комитета, выступал активным организатором борьбы рабочих, солдат, студентов против самодержавия, создавал боевые дружины, которые в сентябре 1905 г. произвели героическое нападение на рижскую центральную тюрьму и освободили из нее видных революционеров.

В 1915 г. П. А. Кобозев, высланный царскими властями в Оренбург, развернул большую революционную работу среди местных рабочих. После победы Февральской революции он во главе Оренбургской большевистской организации повел активную борьбу против контрреволю-

¹ Труды КПТ. Ташкент, 1919, с. 271.

ционной политики Временного правительства. Он был избран рабочим комиссаром Оренбург-Ташкентской железной дороги. Для ведения политической работы среди железнодорожников П. А. Кобозев организовал специальный агитпоезд «Первомайская демонстрация». Этот поезд следовал из Оренбурга в Ташкент, и на всех станциях большевистские агитаторы проводили митинги и вели пропаганду против империалистической политики Временного правительства.

Накануне 1 мая 1917 г. агитпоезд прибыл в Ташкент. Приезд комиссара железной дороги П. А. Кобозева и группы большевистских агитаторов вдохновил рабочих Ташкента на дальнейшее развитие революции в Туркестане. На массовом митинге, состоявшемся на вокзале, П. А. Кобозев рассказал ташкентским рабочим о В. И. Ленине, Апрельских тезисах, разоблачил антинародную, империалистическую политику Временного правительства. После митинга в железнодорожных мастерских прошли общие собрания рабочих, принявших резолюции о недоверии Турккомитету Временного правительства, поддержке Совета рабочих и солдатских депутатов, одобрении решений I Учредительного съезда Оренбург-Ташкентской железной дороги и работы агитпоезда.

В дни Октябрьской революции П. А. Кобозев принимал активное участие в подготовке вооруженного восстания в Петрограде. После победы Октября он успешно выполнил поручение партии по подавлению контрреволюционного выступления атамана Дутова. Затем Кобозев был назначен Народным комиссаром путей сообщения, а позднее — Чрезвычайным Комиссаром правительства в Средней Азии и Баку. Направляясь в Баку по Среднеазиатской железной дороге, Петр Алексеевич сделал короткую остановку в Ташкенте. После поездки в Баку он вернулся в Ташкент, где проделал большую организаторскую работу по укреплению Советской власти в Туркестане, национализации транспорта и промышленности, борьбе с голодом.

П. А. Кобозев оказал туркестанским большевикам значительную помощь не только в решении экономических задач, но и в осуществлении ленинской национальной политики, широком вовлечении трудящихся коренных национальностей в Советы, правильном решении вопроса о советской автономии края. Все это содействовало росту политического сознания трудящихся местных национальностей, активизировало их участие в политической жизни. В частности, в местных Советах резко увеличилось число депутатов от трудящихся коренных национальностей края.

Огромную роль в осуществлении ленинской национальной политики в Туркестане сыграл V краевой съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и мусульманских депутатов Туркестанского края, проходивший 20 апреля — 1 мая 1918 г. На съезде окончательно был решен вопрос о создании и укреплении советской автономии Туркестана. Горячо встреченный делегатами съезда П. А. Кобозев приветствовал его участников от имени правительства РСФСР и отметил как весьма отрадное явление присутствие на съезде большого количества представите-

лей коренных национальностей. Затем он выступил с докладом об автономии Туркестана на советских началах. V Краевой съезд Советов избрал П. А. Кобозева почетным Председателем ЦИК Туркестанской Автономной Советской Республики. В состав сформированного на V съезде Совета Народных Комиссаров Туркеспублики впервые вошли четыре наркома — представители коренного населения.

Вскоре после V съезда Советов Туркестана Петр Алексеевич выехал в Москву для выполнения обязанностей Народного Комиссара путей сообщения.

В феврале 1919 г. ЦК РКП(б) и СНК РСФСР создали Особую Временную комиссию СНК по делам Туркестана. В ее состав вошел и П. А. Кобозев. В начале марта 1919 г. он прибыл в Ташкент с большой группой работников из Центра. В Ташкенте он застал весьма сложную политическую обстановку, создавшуюся после подавления осиповского контрреволюционного мятежа.

П. А. Кобозев уделил особое внимание осуществлению ленинской национальной политики, и прежде всего вовлечению местных трудящихся в строительство новой жизни. Уже на III съезде КПТ (июнь 1919 г.) делегаты из местных национальностей составляли половину его состава. Присутствовали и мусульманские женщины. Председательствовавший на съезде П. А. Кобозев, приветствуя их, говорил: «Разрешите отметить небывалый факт из нашей партийной жизни — у нас присутствуют на съезде мусульманские женщины, чего раньше не было»².

Под руководством П. А. Кобозева развернулась борьба за сплочение рядов партийной организации края, против великодержавных шовинистов и буржуазных националистов. Делегаты съезда единодушно избрали П. А. Кобозева в Крайком КПТ. Еще более напряженная борьба с великодержавными шовинистами шла на IV Чрезвычайном съезде Компартии Туркестана (сентябрь-октябрь 1919 г.). Съезд решительно осудил национал-уклонистов всех мастей. П. А. Кобозев был вновь избран в Крайком КПТ.

Вскоре П. А. Кобозев был отозван в распоряжение ЦК РКП(б). Находясь на новых ответственных постах, он продолжал работать с приущей ему кипучей энергией. В 1922 г. он был выдвинут на ответственный пост Председателя Совета Министров Дальневосточной Республики, а затем Председателя Ревкома республики. От имени Советского правительства П. А. Кобозев подписал мирный договор ДВР с Японией.

Напряженная деятельность на различных ответственных постах подорвала здоровье П. А. Кобозева. В 1923 г., вернувшись в Москву после тяжелой болезни, он перешел на научную работу. В течение многих лет, будучи профессором, ректором различных институтов, организатором решения многих научных проблем, он отдавал все силы развитию советской науки и техники.

Умер П. А. Кобозев 3 января 1941 г., посвятив более 40 лет жизни самоотверженной борьбе за дело рабочего класса, за победу коммунизма. П. А. Кобозев поставлен памятник в Оренбурге, его именем названы улицы в различных городах страны. О революционной деятельности П. А. Кобозева в Туркестане много говорится в трудах историков Узбекистана. Советские люди свято чтут память славного солдата революции, верного сына партии и народа Петра Алексеевича Кобозева.

² Труды КПТ, с. 267.

Из истории науки

М. А. АХУНОВА, А. А. АСКАРОВ, Х. З. ЗИЯЕВ, О. Д. ЧЕХОВИЧ

К 70-ЛЕТИЮ АКАДЕМИКА АН УзССР Я. Г. ГУЛЯМОВА

Исполнилось семьдесят лет со дня рождения первого узбекского археолога-специалиста Яхьи Гулямовича Гулямова.

Я. Г. Гулямов родился 1 мая 1908 г. в Ташкенте. Окончив в 1923 г. неполную среднюю школу, он поступил в Узбекский мужской институт просвещения (Узинпрос), который окончил в 1926 г. Затем работал учителем начальной школы в Ташкенте.

В 1928—1929 гг. Я. Г. Гулямов — преподаватель Центральной советско-партийной школы в Самарканде, в 1929—1931 гг. — вр. и. о. ассистента Кабинета истории Средней Азии, аспирант Узбекского научно-исследовательского института при Совнаркоме УзССР.

С 1931 г. началась систематическая преподавательская (Ташкентский педагогический техникум им. В. И. Ленина), а с 1933 г. — научная деятельность Я. Г. Гулямова. В 1933—1940 гг. он — научный сотрудник и ученый секретарь Узбекистанского комитета охраны памятников старины и искусств (Узкомстарис). С того времени Я. Г. Гулямов приобщается к археологическим исследованиям, участвует в научных экспедициях и разведках.

В 1933 г. он принял участие в Термезской (Айртамской) экспедиции под руководством М. Е. Массона, а в 1934 г. — в Зарафшанской, возглавляемой проф. А. Ю. Якубовским. Самостоятельные археологические исследования Я. Г. Гулямова в Хорезме относятся к 1936 г. С 1938 г. он работал в составе Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР под руководством С. П. Толстова.

С 1940 г. начинается работа Яхьи Гулямовича в Узбекистанском филиале АН СССР (с 1943 г. — Академия наук Узбекской ССР). Первоначально он был заведующим отделом археологии, а с 1943 г. — заведующим отделом истории древних и средних веков Института истории и археологии АН УзССР (с 20 ноября 1956 г. по 20 октября 1959 г. был также и. о. директора указанного Института).

Продолжая сочетать свою научную деятельность с педагогической, Я. Г. Гулямов много лет преподавал в Ташкентском государственном педагогическом институте им. Низами.

В 1943 г. Я. Г. Гулямов защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Хива и ее памятники», а в 1950 г. — диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук на тему «История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней» (в 1957 г. издана на русском, в 1959 г. — на узбекском языке).

В 1955 г. Я. Г. Гулямов был утвержден ВАК в ученом звании профессора. В 1956 г. он был избран членом-корреспондентом, а в 1966 г. —

академиком АН УзССР. В 1958 г. Я. Г. Гулямову было присвоено почетное звание Заслуженного деятеля науки Узбекской ССР.

По словам старейшего среднеазиатского археолога, доктора ист. наук В. А. Шишкина, «Я. Г. Гулямов из рядового научного сотрудника вырос в маститого ученого, хорошо известного своими научными трудами по археологии».

Я. Г. Гулямову принадлежит более 90 различных публикаций. В центре его разносторонних научных интересов были три основные проблемы: история орошения Узбекистана с древнейших времен до наших дней, история первобытной культуры в Узбекистане и история Средней Азии (дореволюционный период).

Работы Я. Г. Гулямова и его соратников по истории орошения Узбекистана имеют серьезное народнохозяйственное значение, поскольку в процессе их были выявлены и зафиксированы крупные массивы земель древнего орошения, пригодные для данной цели и в наши дни (западная часть Бухарского оазиса, низовья Кашкадарьи, район Нурата и др.).

Под руководством Я. Г. Гулямова был открыт и обследован ряд стоянок времени неолита и бронзового века в низовьях Зарафшана и других районах Узбекистана. Я. Г. Гулямов — один из авторов и редактор книги «Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана» (1966), материалы которой внесли много нового в науку.

С именем Я. Г. Гулямова связаны раскопки получившего широкую научную известность могильника Заман-Баба.

Я. Г. Гулямов руководил также Ташкентским и Ферганским археологическими отрядами, специализировавшимися преимущественно на изучении памятников палеолита и неолита. С работой Ташкентского отряда связано открытие известной многослойной пещерной стоянки Обирахмат мустьерского времени (в юго-западных отрогах Тянь-Шаня), с работой Ферганского отряда — обнаружение не известных ранее палеолитических и неолитических стоянок.

Я. Г. Гулямов — ответственный редактор около 20 книг и различных изданий («Бабур-наме», Ташкент, 1947; «История Узбекской ССР», однотомник на узбекском языке, Ташкент, 1958, и др.). Он один из авторов и член главной редакционной коллегии четырехтомного издания «История Узбекской ССР» (1967—1968).

Существенный вклад внес Я. Г. Гулямов в подготовку квалифицированных кадров науки. Под его руководством около 30 ученых и преподавателей вузов успешно защитили кандидатские диссертации по археологии и истории Узбекистана.

Я. Г. Гулямов был председателем Объединенного ученого Совета Отделения истории, языковедения и литературоведения АН УзССР по

приему и защите докторских диссертаций и председателем Ученого Совета Института истории и археологии АН УзССР по защите кандидатских диссертаций. Он был участником многих научных съездов, конференций и совещаний, активным распространителем научных знаний в массах.

Яхья Гулямович активно сотрудничал в журнале «Общественные науки в Узбекистане», был членом редколлегии с момента основания журнала, автором многих статей, рецензий и др.

Я. Г. Гулямов всегда был в курсе новейших открытий и результатов исследований, проводившихся в области истории и археологии Средней Азии и охотно делился своими знаниями. В его доме постоянно бывали историки и археологи, видные ученые и научная молодежь. Их привлекали не только радушие и широкое гостеприимство хозяина, но и возможность обменяться мнениями, познакомиться с последними археологическими находками, узнать о ближайших перспективах и планах научных работ в Узбекистане. Я. Г. Гулямов отличался способностью понимать собеседника с полуслова, быстро оценивал научные достижения и личную талантливость отдельных ученых; многим из них он оказывал существенную помощь ценными советами и замечаниями.

За свою активную научную и педагогическую деятельность Я. Г. Гулямов был награжден медалями и Почетными грамотами.

Память о Яхье Гулямовиче Гулямове — крупном ученом и замечательном человеке — сохранится в сердцах его многочисленных коллег и учеников.

М. О. Охунова, А. А. Асқаров, Ҳ. З. Зияев, О. Д. Чехович

**ЎзССР ФА АКАДЕМИГИ Я. Г. ГУЛОМОВ ТУҒИЛГАНИГА
70 ЙИЛ ТУЛИШИ МУНОСАБАТИ БИЛАН**

Мақолада ЎзССР ФА академиги Яхё Гуломович Гуломовнинг (1908—1977) республикада археология илмининг ривожланишига ва археолог кадрларни тайёрлашдаги хизматлари алоҳида таъкидланади.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

РОСТ БЛАГОСОСТОЯНИЯ КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА УзССР
В 1965—1975 ГОДЫ

В новых советских Конституциях записано: «Высшая цель общественного производства при социализме — наиболее полное удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей людей». Это в полной мере относится и к росту благосостояния колхозного крестьянства.

Основу повышения материального благосостояния сельских труженников составляют неуклонный рост производительности труда, дальнейший подъем экономики деревни.

В Узбекистане, как и по всей стране, в этом направлении достигнуты существенные успехи. За годы девятой пятилетки в республике произведено хлопка на 4,6 млн. т, зерна — на 15%, мяса — на 23, молока — на 36%, яиц — более чем вдвое, картофеля — на 44%, бахчевых культур — на 95, овощей — на 77, винограда — на 46, шелковичных коконов — на 20%, фруктов — в 2,5 раза больше, чем за годы восьмой пятилетки¹.

Это способствовало повышению материальной обеспеченности колхозников. На рост благосостояния населения прежде всего влияет повышение национального дохода в расчете на душу населения. Если в 1965 г. национальный доход Узбекской ССР на душу населения составил 537,1 руб. (в фактически действовавших ценах), то в 1975 г. — 899,0 руб., т. е. за десятилетие прирост его составил 361,9 руб. Значительная часть его направляется на личное потребление.

Более 80% реальных доходов населения составила оплата по труду. Например, оплата труда колхозников за 1965—1975 гг. возросла на 137%².

В результате организационно-хозяйственного и финансового укрепления колхозов республики они превратились в многоотраслевые, экономически мощные, рентабельные хозяйства. Если в 1975 г. по Союзу в среднем на один колхоз приходилось 621 тыс. руб. основных и оборотных средств, то в Узбекской ССР — 3864 тыс. руб.³ Валовой доход колхозов республики (в ценах соответствующих лет) составил в 1965 г. 1268,1 млн. руб.⁴, а в 1975 г. — 1797,6 млн. руб.⁵, или возрос на 41%. В соответствии с этим доходы колхозников от общественного хозяйства в расчете на одного работника поднялись на 37%⁶.

С повышением денежных доходов колхозов увеличились отчисления в их неделимые фонды. Если в 1965 г. неделимые фонды колхозов (без рыболовецких) в основных и оборотных средствах насчитывали 1853,3 млн. руб.⁷, то в 1975 г. — 3663 млн. руб.⁸ В 1965 г. в колхозах УзССР на каждый двор (семью) из неделимого фонда приходилось 2476 руб., а в 1975 г. — 4569 руб.

Одновременно увеличились и доходы семей колхозников. Оплата труда одного среднегодового работника колхозов республики выросла за 1965—1975 гг. почти на

¹ «Правда Востока», 1976 г., 2 февраля.

² Ахмедов К. А. Экономика Узбекской ССР в период развитого социализма. Ташкент, 1977, с. 81—82.

³ См. «Народное хозяйство УзССР в 1975 г. Статистический ежегодник». Ташкент, 1976, с. 207.

⁴ Текущий архив Министерства финансов УзССР, оп. 72, д. 08—2.

⁵ См. «Узбекистан за годы девятой пятилетки (1971—1975 гг.)», Ташкент, 1976, с. 50.

⁶ Ахмедов К. А. Указ. соч., с. 82.

⁷ Текущий архив Министерства финансов УзССР, оп. 74, д. 08—4.

⁸ Из годовых отчетов колхозов республики за 1965 и 1975 г.

⁹ Текущий архив Министерства финансов УзССР, оп. 72, д. 08—2.

35%⁹. В 1965 г. на распределение по труду в колхозах Узбекистана было выделено 821,0 млн., а в 1975 г. — 1185,8 млн. руб.¹⁰

Особенно выросла среднегодовая зарплата колхозных механизаторов. Например, в колхозе им. Куйбышева Касансайского района многие механизаторы зарабатывали в месяц до 250 руб. и больше¹¹.

В повышении материальной заинтересованности колхозников большую роль играют дополнительные выплаты. С 1960 по 1970 г. их доля в общем фонде оплаты труда в колхозах республики поднялась с 3 до 21%. В 1971—1975 гг. она также находилась на уровне 19—21%¹².

Ныне на рост оплаты по труду приходится 3/4 всего прироста доходов населения. Это способствует не только планомерному подъему благосостояния трудящихся, но и усилению стимулирующей роли заработной платы и оплаты труда колхозников в повышении его эффективности и качества¹³.

Важнейшим фактором повышения уровня жизни крестьянства, наряду с ростом индивидуальной оплаты труда, служит неуклонное расширение общественных фондов потребления. Если в 1940 г. их доля в совокупных доходах колхозников составляла лишь 4,9%, то в 1975 г. — 21,1%¹⁴. К ним относятся часть вновь созданного продукта, потребляемая членами общества бесплатно или на льготных условиях (охрана здоровья и бесплатное медицинское обслуживание, народное образование, оплачиваемые отпуска, предоставление жилья на льготных условиях, социальное обеспечение и т. д.).

Основной источник поступления средств в общественные фонды потребления — госбюджет.

Многие колхозы теперь предоставляют своим членам оплачиваемые трудовые отпуска. Только в 1975 г. в Узбекистане оплачиваемые отпуска получили 450 тыс. колхозников, или в 7 раз больше, чем в 1970 г. На оплату трудовых отпусков в 1975 г. колхозы республики затратили 19 568 тыс. руб. против 2072 тыс. руб. в 1970 г.¹⁵

Из общественных фондов потребления выплачиваются также пенсии и пособия колхозникам. В прошлом лишь немногие колхозы обеспечивали своих работников пенсиями. С 1965 г. в масштабе всей страны введена единая система пенсионного обеспечения. В ее централизованный фонд направляется до 4% валового дохода колхозов. Только в 1975 г. в колхозах УзССР на пополнение фондов социального обеспечения и оказание материальной помощи колхозникам было выделено 5951 тыс. руб. — в 10 раз больше, чем в 1960 г. С переводом колхозов на централизованное пенсионное обеспечение, ростом доходов колхозников и возрастанием их культурно-бытовых потребностей меняется структура затрат общественных фондов потребления. Если в 1965 г. по колхозам УзССР на пенсии и пособия затрачивалось 13,7, а на культурно-бытовые нужды и подготовку кадров — 86,3% их общего объема, то в 1975 г. — соответственно 6 и 94%. Расходы на содержание детских учреждений за указанные годы поднялись с 28 до 42% и имеют тенденцию к дальнейшему росту¹⁶.

После мартовского (1965) Пленума ЦК КПСС на селе развернулось большое жилищное строительство. Только за 1965—1968 гг. в селах республики было построено 6,3 млн. м² жилья, школ на 244 тыс. ученических мест, газифицировано 235 тыс. квартир, электрифицировано 1100 тыс. домов. В 1969 г. за счет накопленных колхозов, средств и сбережений самих колхозников, а также государственного кредита было построено свыше 1,5 млн. м² жилья; 55 тыс. ребят пошли в новые школы, около 4 тыс. малышей — в детские сады и ясли, на 647 мест расширилась сеть колхозных медицинских учреждений¹⁷.

В 1975 г. более чем 400 колхозов Узбекистана были обеспечены бытовыми и коммунальными удобствами. Почти в 150 хозяйствах республики имеются межколхозные комбинаты бытового обслуживания¹⁸. Один из ярких показателей роста материального благосостояния тружеников села — увеличение числа вкладов в сберегательные кассы. На конец 1965 г. в сельской местности Узбекистана действовали 1352 сберегательные кассы, а в 1975 г. их стало 1554. За эти годы сумма вкладов сельского населения увеличилась с 54 млн. руб. до 348 млн. руб.¹⁹

⁹ Подсчитано по данным годовых отчетов колхозов республики за 1975 г.

¹¹ Текущий архив колхоза им. Куйбышева Касансайского района.

¹² Саидов К. С. Источники повышения жизненного уровня сельского населения на современном этапе. Ташкент, 1978, с. 71.

¹³ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 121.

¹⁴ Народное хозяйство СССР в 1975 г. М., 1976, с. 597.

¹⁵ Саидов К. С. Указ. соч., с. 55.

¹⁶ Там же, с. 85, 88.

¹⁷ «Сельское хозяйство Узбекистана», 1970, № 4, с. 59.

¹⁸ «Сельское хозяйство Узбекистана», 1975, № 4, с. 24—25.

¹⁹ Народное хозяйство УзССР в 1975 г., с. 319.

Дальнейшее развитие получила розничная торговля на селе. За 1965—1974 гг. в селах Узбекистана появилось свыше 5000 новых магазинов и торговых палаток²⁰. К 1975 г. их число достигло 17 617²¹. За 1971—1974 гг. сельскому населению Узбекистана продано товаров почти на 10 млрд. руб., розничный товарооборот в кооперативной торговле за эти годы вырос вдвое и к 1975 г. составил 3044,1 млрд. руб.²²

Таким образом, за годы восьмой и девятой пятилеток жизненный уровень сельского населения значительно повысился и еще более сблизился с уровнем жизни городского населения.

В десятой пятилетке предусмотрено осуществление новых важных мероприятий, нацеленных на дальнейшее повышение уровня жизни народа. В их числе — рост и совершенствование заработной платы рабочих и служащих и оплаты труда колхозников; увеличение выплат и льгот из общественных фондов потребления, более полное удовлетворение покупательского спроса населения путем значительного роста производства товаров народного потребления, улучшения их качества и ассортимента, развита сферы услуг; расширение масштабов жилищного строительства и т. д.

В десятой пятилетке, как и в предыдущей, сохраняются опережающие, по сравнению с заработной платой рабочих и служащих, темпы роста доходов колхозников от общественного хозяйства. Оплата труда колхозников по Союзу увеличится за этот период на 24—27% и превысит 115 руб. в месяц. В результате ее уровень по отношению к среднемесячной заработной плате рабочих и служащих к 1980 г. повысится до 68% против 64% в 1975 г. и 53% в 1965 г. В этом ярко проявляется курс партии на последовательное преодоление существенных социально-экономических и культурных различий между городом и деревней²³.

На огромную заботу партии и правительства труженики колхозной деревни отвечают ростом творческой активности в борьбе за дальнейший подъем всех отраслей земледелия и животноводства, укрепление экономики колхозов, бесперебойное снабжение населения продовольствием, а промышленности — сельскохозяйственным сырьем.

Х. Сулайманов

²⁰ Коммунистическое воспитание тружеников села и вопросы повышения культуры сельского быта. Ташкент, 1975, с. 20.

²¹ Народное хозяйство УзССР за 60 лет Советской власти. Юбилейный статистический ежегодник. Ташкент, 1977, с. 252.

²² «Экономика и жизнь», 1975, № 3, с. 91.

²³ См. «Политика КПСС — марксизм-ленинизм в действии». М., 1976, с. 93.

О РАЗВИТИИ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ И МЕЖКОЛХОЗНОЙ КООПЕРАЦИИ В ЖИВОТНОВОДСТВЕ УЗБЕКИСТАНА

Современная аграрная политика партии нацелена на решение двух основных взаимосвязанных задач — обеспечение надежного снабжения страны продовольствием и сельскохозяйственным сырьем и все большее сближение материальных и культурно-бытовых условий жизни города и деревни¹.

В этом деле большую роль играют специализация и концентрация производства, расширение межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции, перевод сельского хозяйства на современную индустриальную основу. Именно здесь, как подчеркнул Л. И. Брежнев, «кроются огромные возможности роста объема производства, резкого повышения производительности труда, снижения себестоимости продукции земледелия и животноводства»².

Межхозяйственная кооперация и специализация находят широкое применение и в сельскохозяйственном производстве Узбекистана. В республике успешно создаются специализированные мясные совхозы, межколхозные и межсовхозные базы по откорму скота, агропромышленные комплексы и др.

Первые межколхозные откормочные пункты в Узбекистане были созданы в 1964—1965 гг. Еще 12 октября 1963 г. Министерство заготовок и производства сельхозпродуктов утвердило специальное положение о работе межколхозных откормочных пунктов³, согласно которому руководство ими было возложено на Совет колхозов и ревизионные комиссии, избираемые представителями колхозников-пайщиков. Совет колхозов был уполномочен назначать директоров откормочных пунктов.

Хозяйственная деятельность межколхозных откормочных пунктов строится на хозрасчете. Ее финансовую основу составляют взносы колхозов-пайщиков, а также кредиты Госбанка, которыми пункты пользуются на правах колхозов.

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 49.

² «Коммунист», 1977, № 1, с. 39.

³ ЦГА УзССР, ф. Р-90, оп. 10, д. 3388, л. 179.

Средства, полученные от продажи скота государству, поступают на счет пункта и расходуются на оплату скота, принятого от колхозов, покупку кормов и оплату работников базы. Половину полученных накопленных пункт использует на расширение своего производства, а другую — перечисляет колхозам-пайщикам пропорционально сданному на откорм количеству скота⁴.

Вначале из-за недостатка средств и отсутствия необходимой материально-технической базы откорм ограничивался лишь несколькими сотнями голов крупного рогатого скота. Экономическая эффективность производства мяса оставалась низкой.

Мартовский (1965) Пленум ЦК КПСС наметил большую программу дальнейшей специализации и концентрации сельскохозяйственного производства, давшую положительные результаты. Уже в 1966 г. в республике действовали 46 межколхозных пунктов по доращиванию и откорму крупного рогатого скота, разведению свиней и птицы, а в 1967 г. — 49⁵.

Профиль межколхозных откормочных пунктов, особенно на первом этапе, не был постоянным. В 1966—1967 гг. количество пунктов, занимавшихся откормом крупного рогатого скота, сократилось с 18 до 12, разведением свиней — с 2 до 1, птицы — с 9 до 8, зато число смешанных пунктов возросло с 17 до 28⁶.

В 1968 г. в республике действовал 51 межколхозный откормочный пункт⁷, продавший государству 46,7 тыс. голов крупного рогатого скота, 112 тыс. свиней, 20,9 тыс. овец, 167,0 тыс. голов птицы.

Привеса всех видов скота и птицы было получено более 5 тыс. т, произведено 10,7 млн. яиц. Прибыль откормочных пунктов за 1968 г. составила 4060,8 тыс. руб.⁸ Наиболее высокие показатели достигли межоткормочные пункты Самаркандской области: 9 пунктов этой области продали государству 15,0 тыс. голов крупного рогатого скота, причем среднесуточный привес одной головы составил в среднем более 600 г; 62,9% сданного скота было принято высшими кондициями. Себестоимость привеса 1 ц мяса в этой области составила 97 руб. Полученная прибыль была равна 1177,5 тыс. руб.⁹

Высокой рентабельности производства добились и межколхозные объединения Ферганской области. В 1968 г. они продали государству 9,1 тыс. голов крупного рогатого скота, 1000 свиней, более 100 тыс. голов птицы. Пункты сдали также 3,8 млн. яиц. Их прибыль составила 811,0 тыс. руб.¹⁰

В Кашкадарьинской области к концу 1969 г. было организовано 11 каракулеводческих, 10 хлопководческих, 4 зерно-животноводческих специализированных совхоза, по одному совхозу мясо-молочного, свиноводческого, откормочного, мясного, овощного, овцеводческого направления, а также по доращиванию молодняка крупного рогатого скота¹¹.

Специализация ряда отраслей сельского хозяйства способствовала их интенсификации, увеличению производства продукции и ее удешевлению. Так, специализация каракулеводства в совхозах республики позволила улучшить воспроизводство стада, значительно увеличить его поголовье. Производство каракуля возросло на 53%, а выход смушек первых сортов повысился с 73,4 до 86,8%¹².

Быстрыми темпами развивалась специализация сельскохозяйственных отраслей и в Хорезмской области. Успешно работали межоткормочные пункты Каракалпакской АССР. К концу 1969 г. они продали государству 50% общего количества скота, сданного колхозами¹³.

Число межхозяйственных объединений постоянно возрастало. В 1970 г. лишь в четырех областях республики — Ташкентской, Сырдарьинской, Ферганской, Самаркандской — имелось 27 межколхозных и 3 межсовхозных объединения животноводческого направления¹⁴.

В 1974 г. в Узбекистане было создано 85 овцеводческих совхозов, 55 совхозов мясного скотоводства и откорма крупного рогатого скота, 22 — по птицеводству. На павевых началах было организовано 80 межколхозных откормочных пунктов, что позволило значительно увеличить производство животноводческой продукции. По сравнению с 1970 г. производство мяса в республике возросло в 1,3 раза, молока — в 1,5, яиц — в два раза¹⁵.

⁴ ЦГА УзССР, ф. Р-90, оп. 10, д. 3388, л. 179—180.

⁵ Там же, л. 180.

⁶ Там же.

⁷ Там же, д. 2750, л. 11.

⁸ Там же, л. 12.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, л. 12—13.

¹¹ Там же.

¹² Там же, д. 4015, л. 207.

¹³ Там же, д. 3388, л. 70.

¹⁴ ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 176, д. 666, л. 1, 13, 19, 24.

¹⁵ «Правда Востока», 1974 г., 26 декабря.

Вопросы развития специализированных хозяйств, межколхозных связей постоянно обсуждались партийными органами республики.

24 декабря 1974 г. состоялся пленум ЦК Компартии Узбекистана, на котором был рассмотрен вопрос о мерах по дальнейшему развитию животноводства¹⁶. Пленум отметил, что несмотря на определенные сдвиги, темпы специализации, концентрации, перевода животноводства на промышленную основу еще не отвечают современным требованиям. Это отражается на темпах увеличения производства мяса, молока, яиц и другой животноводческой продукции. В хозяйствах Наманганской, Сурхандарьинской, Сырдарьинской, Ташкентской областей, Каракалпакской АССР наблюдалось отставание в таком важном показателе, как средний вес сдаваемого на мясо скота.

Специализация и перевод молочного животноводства на промышленную основу в годы девятой пятилетки шли путем строительства новых молочных комплексов и реконструкции существующих молочных ферм.

Значительный опыт концентрации и специализации производства накопили животноводы Наманганской области. Здесь действовали 10 межколхозных пунктов по доращиванию молодняка и откорму скота, обслуживавших 86 колхозов. Уже в 1973 г. откормочные пункты дали 44% всего мяса, заготовленного по области, а с 1974 г. на их долю приходится свыше половины произведенной здесь мясной продукции¹⁷. В Туракурганском районе на специализированных пунктах доращивался молодняк, который затем продавался колхозам.

Откорм скота на специализированных пунктах давал колхозам большую выгоду. Заметно улучшилась племенная работа и почти вдвое снизилась себестоимость одной головы скота (с 1200 до 654 руб.).

Опыт туракурганских животноводов нашел широкое применение в Уйчинском, Наманганском, Янгикурганском, Касансайском, Чустском районах области. В 1975 г. на межколхозных откормочных пунктах области доращивалось 1400 голов молодняка.

В Самаркандской области 9 районов были специализированы по хлопководству, 1 — по табаководству, 1 — по овощеводству, 1 — по садоводству и виноградарству, 2 — по каракулеводству, 65 колхозов и совхозов занимались выращиванием свиней и товарным производством свинины¹⁸. В середине 1975 г. на базе четырех совхозов было создано свиноводческое объединение, головным предприятием которого стал совхоз им. 30-летия Победы (Джамбайский район). В результате более 60 хозяйств полностью освободились от производства свинины и получили возможность сосредоточить трудовые и материальные ресурсы на развитии ведущих отраслей.

К концу девятой пятилетки Самаркандский обком КПУз при активном участии райкомов партии, райисполкомов, руководителей крупных хозяйств, ученых и специалистов разработал четкую схему специализации и концентрации животноводства на перспективу¹⁹.

Особенно больших успехов в области интенсификации и перевода на промышленную основу содержания и откорма крупного рогатого скота добился Каттакурганский комплекс. Образованная организация труда позволила его работникам получить самое дешевое в республике мясо. В 1975 г. чистая прибыль комплекса составила 4200 тыс. руб.²⁰

В области была завершена специализация каракулеводства. Все поголовье каракульских овец сосредоточено в 17 совхозах Нуратинского и Советабадского районов²¹. Кроме того, создан специальный комплекс для откорма всего мясного поголовья овец. Концентрация позволила повысить привесы и поднять среднесуточный вес скота.

В 1975 г. пайщиками имевшихся в УзССР 83 межколхозных откормочных пунктов были 876 хозяйств, из них 831 колхоз и 45 совхозов. Кроме того, действовало 35 пунктов по воспроизводству свиней, 24 птицеводческих и 12 пунктов по воспроизводству мелкого рогатого скота²².

Межколхозные откормочные пункты реализовали в 1975 г. 94,9 тыс. голов крупного рогатого скота, 44,3 тыс. свиней, 12,8 тыс. овец, 143,0 тыс. голов птицы²³. За откорм крупного рогатого скота они получили 16,0 млн. руб. прибыли, или на

¹⁶ «Правда Востока», 1974 г., 26 декабря.

¹⁷ Низамов Х. Комплексы — будущее животноводства. — «Сельское хозяйство Узбекистана», 1977, № 12, с. 46.

¹⁸ «Ленинский путь», 1977 г., 2 марта.

¹⁹ «Ленинский путь», 1977 г., 2 марта.

²⁰ «Правда Востока», 1975 г., 26 декабря.

²¹ «Ленинский путь», 1976 г., 20 мая.

²² Текущий архив Министерства сельского хозяйства УзССР. Годовой отчет межколхозных откормочных пунктов УзССР за 1975 г., л. 1.

²³ Там же, л. 4.

3,3 млн. руб. больше, чем в 1974 г.²⁴ Наибольшей рентабельности добились хозяйства Самаркандской области. Их чистый доход составил 2,8 млн. руб.; в Ферганской области было получено 2,7, Ташкентской и Андижанской — по 2,5 млн. руб. прибыли²⁵.

На 36 межколхозных откормочных пунктах производилось также выращивание 99 тыс. голов ремонтных телок²⁶.

Межколхозная кооперация успешно решает не только сложные производственные, но и важные социальные задачи, способствуя преодолению различий между городом и деревней. Крупные сельскохозяйственные предприятия, широко использующие лучшие достижения науки и техники, коренным образом меняют характер сельскохозяйственного труда, превращая его в разновидность труда индустриального.

В межхозяйственные объединения охотно идет работать грамотная молодежь, в том числе юноши и девушки местных национальностей. Их привлекают высокая культура производства, хорошее материальное и моральное стимулирование. Так, в Самаркандском, Пастдаргомском, Ургутском и других комплексах выращиванием телат молочного периода занимаются девушки, имеющие в большинстве своем полное среднее образование. Многие из них учатся в техникумах и вузах²⁷.

Таким образом, специализация сельскохозяйственного производства на базе кооперации хозяйств получает ныне все большее развитие и служит одним из основных направлений решения коренных социально-экономических задач дальнейшего развития сельского хозяйства, на что с новой силой указано в документах июльского (1978) Пленума ЦК КПСС.

И. Саидов

²⁴ Там же, л. 6.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ «Ленинский путь», 1977 г., 2 марта.

ТРУДОВОЙ ПОДВИГ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА

Марксизм-ленинизм рассматривает труд как взаимодействие личностей в определенной системе общественных отношений. Характер труда и его условия прежде всего зависят от общественно-экономической формации, ибо, как писал К. Маркс, «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще»¹.

К. Маркс указывал также, что только «общество, организованное на коммунистических началах, даст возможность своим членам всесторонне применять свои всесторонне развитые способности»², создаст условия «для полного развития индивида, которое само, в свою очередь, как величайшая производительная сила обратно воздействует на производительную силу труда»³.

Труд при социализме стал делом чести, славы, доблести и героизма. Он обрел высокую общественную значимость и социальную ценность. Социализм все более способствует превращению труда в первую жизненную потребность человека, пробуждает в личности творческую инициативу, активность, до предела развивая все ее способности и дарования. Социализм создает реальную возможность втянуть «действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — непочатой родник и которые капитализм мям, давил, душил тысячами и миллионами»⁴.

Зачатки коммунистического отношения к труду зародились еще в первые годы Советской власти, во время ленинских коммунистических субботников. В. И. Ленин писал: «Мы будем работать, чтобы внедрить в сознание, в привычку, в повседневный обиход масс правило: «все за одного и один за всех», правило: «каждый по своим способностям, каждому по его потребностям», чтобы вводить постепенно, но неуклонно коммунистическую дисциплину и коммунистический труд»⁵.

В условиях развитого социализма роль и функции коммунистического отношения к труду резко возрастают. Движение за коммунистическое отношение к труду принимает грандиозные масштабы, обретает новые формы, в него вливаются все более широкие массы. Ныне в нем участвует свыше 60 млн. человек.

На XXV съезде КПСС Л. И. Брежнев подчеркнул: «Все мы радуемся тому, какие глубокие корни пустили ленинские идеи социалистического соревнования...

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 2 томах. Т. I, М., 1948, с. 322.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 336.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве. Т. I, М., 1957, с. 263.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 195.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 108.

Всемерно развивать и дальше социалистическое соревнование, движение за коммунистическое отношение к труду — таков наш общий боевой лозунг»⁶. Сейчас социалистическим соревнованием охвачено более 92% всех трудящихся⁷.

В коммунистическом отношении к труду наиболее ярко проявляется общественно-политическая зрелость советских людей, которые «обо всем могут судить и идут на все сознательно»⁸.

В коммунистическом отношении к труду кроются огромные творческие возможности. Это труд, все более осуществляемый «по законам красоты» (К. Маркс), имеющий глубокую эстетическую сущность и содержание. Возрастает его ведущая роль в эстетическом освоении действительности, развитии человека своих свободных творческих функций, претворении в жизнь великих идеалов коммунизма. Он порождает новые явления, имеющие высшую моральную ценность.

На современном этапе развитого социализма одним из главнейших проявлений формирования коммунистического отношения к труду, ярким свидетельством роста его качественных характеристик является трудовой подвиг. Это поступок, выдающийся по своему общественному и историческому значению, образец борьбы за высокие общественные интересы, труд, в котором ярко раскрывается человеческая сущность. Трудовой подвиг заключает в себе тот общественно-эстетический идеал, который был всесторонне охарактеризован основоположниками марксизма-ленинизма.

Практика коммунистического строительства в СССР, в том числе в Узбекистане, богата блестящими образцами проявления трудового героизма. Это явление превратилось в закономерный общественно-исторический процесс, в котором участвуют широкие народные массы. В трудовом подвиге впервые в массовом масштабе формируется, превращаясь в нравственную норму поведения, коммунистическое отношение к труду как первейшая внутренняя потребность человека.

Трудовой подвиг сложился в общественно-эстетический идеал труда на протяжении всей истории советского общества. Весь славный путь борьбы и побед советского народа отмечен многочисленными фактами массового трудового подвига. Только в Узбекистане на 1 января 1977 г. насчитывалось 824 Героя Социалистического Труда⁹. Люди, совершившие трудовой подвиг, в нашей стране поставлены на высшую ступень почета и уважения. О высоком общественном признании трудового подвига говорит уже тот факт, что делегатами XXV съезда КПСС были избраны 797 Героев Социалистического Труда. Около 98% делегатов съезда составляли лица, удостоенные орденов и медалей СССР¹⁰.

В материалах съезда указано: «Трудовые подвиги народа, совершенные под руководством партии во имя процветания социалистической Родины, — это самое величественное и прекрасное, что венчает итоги пятилетки, все достижения и успехи нашей экономики и придает им значение большой политической победы»¹⁰.

Практика коммунистического строительства в Узбекистане также выдвинула десятки тысяч подлинных героев труда. «Партия и правительство высоко ценят их трудовые подвиги, — подчеркнул в речи на XI пленуме ЦК КПУз кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КПУз Ш. Р. Рашидов. — Только за годы девятой пятилетки 129 тружеников Узбекистана удостоены высокого звания Героев Социалистического Труда»¹¹. Многие из них были названы Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым 24 сентября 1974 г. на торжественном заседании, посвященном вручению республике ордена Дружбы народов. «Почет и уважение героям труда, равнение на их достижения, — подчеркнул Л. И. Брежнев, — это уже привычная для всех нас норма советской действительности».

Всей стране известны славные дела покорителей целинных земель Голодной, Джизакской, Каршинской степей, наших замечательных хлопкоробов, ирригаторов, механизаторов сельского хозяйства, строителей, новаторов, рационализаторов, передовиков производства, в авангарде которых идут коммунисты и комсомолы. Печать, радио, телевидение каждый день сообщают нам о новых трудовых подвигах советских людей, знакомят нас с новыми героями трудовых будней, наглядно демонстрируя тот неопровержимый факт, что в обществе развитого социализма трудовой подвиг представляет собой поистине массовое, повседневное, закономерное явление, порождаемое самой советской действительностью, огромной воспитательной работой КПСС, Советского государства, всех общественных организаций, высокой сознательностью, горячим патриотизмом и творческой энергией масс.

В трудовом подвиге в полной мере раскрываются безграничные творческие возможности и способности людей, их сущностные силы, ярко проявляются могучая энер-

⁶ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 76—77.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 21.

⁸ Узбекская Советская Социалистическая Республика. Ташкент, 1977, с. 48.

⁹ Материалы XXV съезда КПСС, с. 107.

¹⁰ Там же, с. 113.

¹¹ «Правда Востока», 1974 г., 12 июня.

гия свободного труда, огромная животворная сила великих идеалов коммунизма. Все это и обуславливает роль массового трудового подвига как действенного фактора формирования коммунистического труда в процессе поступательного движения нашего развитого социалистического общества к коммунизму.

С. Алиев

ИЗ ИСТОРИИ БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА В УЗБЕКИСТАНЕ

В. И. Ленин многократно указывал, что подъем культурно-технического уровня трудящихся служит необходимым условием построения социалистического общества. Важную роль в коммунистическом воспитании масс, расширении их кругозора, культурном развитии играют советские библиотеки.

Коммунистическая партия и Советское правительство уделяют совершенствованию библиотечного дела большое внимание. Благодаря их повседневной заботе сеть библиотек в нашей стране и их фонды неуклонно растут. Только в Узбекистане ныне действуют 14 500 библиотек, из них массовых — 6273, профсоюзных — 950, колхозных — 1298, школьных — 6643, технических — 369 и т. д. Фонды их насчитывают около 85 млн. печатных единиц, а контингент читателей — около 3,5 млн. человек¹.

Между тем библиотечное дело в Узбекистане в первые послеоктябрьские годы создавалось фактически заново. Это можно проследить на истории возникновения и развития технических библиотек республики.

Известно, что в 1891 г. в Ташкенте был образован Туркестанский отдел Русского технического общества, в задачи которого входило распространение достижений научно-технической мысли. При нем была создана первая в крае техническая библиотека, насчитывавшая к январю 1896 г. 235 томов книг и годовых комплектов периодических технических изданий². К 1918 г. книжный фонд ее достиг 1500 печ. ед.³ Библиотека послужила основой для создания в дальнейшем других технических библиотек в Средней Азии.

В начале XX в. была открыта библиотека для железнодорожников, содержавшая наряду с другой литературой комплекты специальных транспортных журналов⁴.

В дореволюционном Туркестане библиотеки создавались стихийно, без определенного плана. Они обслуживали избранный круг ИТР и администрации предприятий, а для большинства промышленных кадров были практически недоступны.

С первых же дней победы Октября партийно-советские органы стали уделять большое внимание и библиотечному делу как важному фактору строительства новой культуры.

В Туркестанском крае созданный при Совнархозе отдел технической коллегии принимал меры к сохранению имевшейся в библиотеках технической литературы и широко использованию ее рабочими и инженерно-техническими работниками. Технические библиотеки или отделы технической литературы создавались тогда в основном при правительственных учреждениях, научных обществах, учебных заведениях, на транспорте.

20 декабря 1918 г. Туркестанской публичной библиотеке был направлен перечень технических библиотек и технических отделов в библиотеках при правительственных учреждениях. Их книжный фонд насчитывал 9—10 тыс. экз.⁵

4 марта 1921 г. Главполитпросвет утвердил «Положение о специальных библиотеках в стране», которое послужило основой для планомерной работы по расширению сети технических библиотек.

В 1921 г. на базе библиотеки служащих Главных мастерских в Ташкенте была создана Дорожная научно-техническая библиотека, приступившая к организации сети технических библиотек на крупных железнодорожных станциях — Ташкент, Каган, Мары, Хаваст, Андижан, Коканд, Красноводск. В 1925 г. в Ташкенте при вновь созданных механических мастерских Главхлопкома начала функционировать техническая библиотека, реорганизованная в 1932 г. в библиотеку завода «Ташсельмаш».

К 1926 г. в Узбекистане действовали уже 94 библиотеки, в том числе 51 — в Ташкенте⁶. Техническую литературу имели лишь 15 из них, причем выдача ее читателям осуществлялась беспланоно. Это было серьезным недостатком, ибо в респуб-

¹ Показатели работы и анализ развития сети и деятельности массовых библиотек на 1976 г. Министерство культуры УзССР. Текущие архивы библиотеки им. А. Навои и Узбекского института научной и технической информации.

² Лукин Б. В. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Ташкент, 1962, с. 108.

³ ЦГА УзССР, ф. Р-412, оп. 8, д. 4, л. 256.

⁴ «Русский Туркестан», 1902 г., 1 ноября; В пути полвека. Ташкент, 1969, с. 163.

⁵ ЦГА УзССР, ф. Р-412, оп. 1, д. 4, л. 255—256.

⁶ Касимова А. Г. Библиотечное дело в Узбекистане. Ташкент, 1968, с. 59.*

лике тогда техническая литература почти не издавалась. Так, в 1924 г. республиканские издательства выпустили всего 2 наименования технических книг на русском языке⁷ тиражом 800 экз. К 1926 г. было издано 25 технических работ. Выходили также инструкции для рабочих по сельскохозяйственным машинам, по плану электрификации, по гидротехническим сооружениям, пожарной охране и др.⁸

В постановлении ЦК ВКП(б) от 28 декабря 1928 г. «Об обслуживании книгой массового читателя»⁹ была отмечена необходимость выпуска массовой производственной литературы для подготовки промышленных кадров и создания библиотек соответствующего профиля. Значимость их особенно возросла с развертыванием социалистической индустриализации. 26 апреля 1929 г. ВСНХ СССР издал приказ «Об организации технических библиотек на предприятиях»¹⁰, предусматривавший создание на каждом предприятии фабрично-заводской библиотеки.

С 1929 г. в республике начинают открываться научно-технические библиотеки при научно-исследовательских институтах и организациях, конструкторских бюро, трестах, управлениях. Одной из первых была основана библиотека при Среднеазиатском государственном институте по проектированию гидротехнических и водохозяйственных сооружений (Ташгидровод); в 1930 г. библиотека такого рода была открыта при Ферганской ТЭЦ и т. д.

К 1941 г. в Узбекистане работали 33 технические библиотеки, составившие 2,4% всех библиотек республики.

Основное назначение технических библиотек состояло в том, чтобы помочь предприятиям в выполнении производственных планов и подготовке кадров для промышленности и транспорта. Работники этих библиотек были активными участниками массового похода за овладение техникой, за повсеместное проведение общественно-технических экзаменов. Они первыми в республике ввели в практику библиографические обзоры технической литературы.

Характерными формами обслуживания читателей технических библиотек Узбекистана в 30-е годы служили выдача книг по запросам, громкие читки с целью пропаганды новой литературы, организация библиографических обзоров. С возникновением стахановского движения в ряде библиотек стало практиковаться индивидуальное обслуживание стахановцев и рационализаторов. Большой популярностью пользовались книжные выставки, беседы о книгах, «кольцевая» почта. В отделах и цехах предприятий и организаций создавались передвижные и справочные библиотеки.

Большое внимание уделялось качеству комплектования библиотечных фондов, пропаганде технической литературы в сочетании с общественно-политической, разработке методики обслуживания производственного персонала, учету эффективности работы.

В технических библиотеках трудились тогда в основном энтузиасты-практики, ибо специальные учебные заведения, готовящие библиотечные кадры, начали открываться в СССР лишь с 1930 г.

Активную работу проводили технические библиотеки в годы Великой Отечественной войны. Они разъясняли трудящимся задачи военного времени, способствовали распространению военных знаний, подготовке рабочих кадров для промышленности.

В годы войны в Узбекистане было открыто 10 новых и увеличилось книжные фонды уже имевшихся технических библиотек. Они содействовали решению сложных технических задач, оказывали помощь новаторам, изобретателям, рационализаторам, проводили большую воспитательную и агитационную работу. Много внимания уделялось воспитанию молодежи, устной и наглядной пропаганде общественно-политической и технической литературы.

Успеху работы технических библиотек в известной мере способствовало и то, что в Узбекистане во время войны более чем вдвое увеличился выпуск технических изданий. Если в 1938—1940 гг. было издано 227 наименований технической литературы, то в 1941—1945 гг. — 1055¹¹.

Несмотря на сокращение выделяемых средств, технические библиотеки Узбекистана продолжали пополнять свои фонды. Так, фонд библиотеки завода «Таштекстильмаш» вырос на 5 тыс. экз. и к концу войны насчитывал 20 тыс. печатных единиц¹². Книжный фонд библиотеки Ташкентского текстильного комбината с 15 895 экз. в 1940 г. вырос до 23 478 экз. к 1946 г. Увеличилось и количество читателей (с 1200 до 1500)¹³.

⁷ Текущий архив Книжной палаты УзССР.

⁸ Там же.

⁹ Материалы к истории библиотечного дела в СССР (1917—1959). Сост. В. И. Соловьева и М. Л. Хейфец. Л., 1960, с. 92—94.

¹⁰ Там же, с. 95—96.

¹¹ По данным Книжной палаты УзССР.

¹² Текущий архив библиотеки завода «Таштекстильмаш».

¹³ Текущий архив библиотеки Ташкентского текстильного комбината.

После завершения Великой Отечественной войны перед Советской страной встали задачи восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства. В этих условиях резко возрастают требования к идейно-политическому и организационному уровню работы библиотек. 17 ноября 1948 г. вышло постановление Совета Министров УзССР «Об улучшении культурно-просветительной работы в УзССР»¹⁴, а 2 июня 1951 г. — «О мерах по улучшению библиотечного дела в Узбекской ССР»¹⁵, предусматривающие расширение сети библиотек в республике, улучшение обслуживания читателей, комплектование книжных фондов литературой, соответствующей профилю данной области (района, предприятия и т. д.), создание передвижных библиотек, привлечение общественности к пропаганде достижений в области экономики, культуры, науки и техники.

На предприятиях и в организациях, не имевших стационарных библиотек, создавались передвижные, а вместе с тем открывались новые библиотеки, в том числе технические. За первое послевоенное десятилетие в республике было открыто 56 технических библиотек¹⁶, из них 15 — на заводах, 18 — при научно-исследовательских институтах, 8 — в управлениях и трестах, 4 — на нефтепромыслах, 3 — на фабриках, 5 — на комбинатах, 3 — в министерствах. Всего в республике функционировало 97 технических библиотек.

В соответствии с постановлением коллегии Министерства культуры УзССР от 18 мая 1953 г. «О проведении курсовых мероприятий культпросветработников»¹⁷, в республике были открыты курсы повышения квалификации библиотечных работников при Государственной публичной библиотеке им. А. Навои, а также при областных библиотеках и созданы методические отделы. Улучшению деятельности библиотек, усилению планоности их работы, установлению контроля за комплектованием фондов способствовал приказ от 28 июля 1955 г. «О мерах по улучшению деятельности Министерства культуры УзССР»¹⁸.

Все большие требования предъявлялись к профессиональным знаниям и кругозору библиотечных работников. Между тем из 6000 библиотечных работников республики высшее образование имели лишь около 30 и среднее — до 300 человек.

В 1958 г. в Коканде на базе Ташкентского педагогического института был открыт библиотечный факультет, а в 1960 г. он был переведен в Ташкентский педагогический институт им. Низами.

24 июля 1957 г. при ГНТК Совета Министров УзССР была создана научно-техническая библиотека, преобразованная 7 мая 1958 г. в Республиканскую научно-техническую библиотеку при Госплане республики.

В том же году открылась техническая библиотека при Центральном бюро технической информации. В сравнительно короткий срок она превратилась в методический центр технических библиотек республики. Ее многоотраслевые фонды содействовали работникам науки и производства в овладении новейшими достижениями науки и техники, передовыми методами труда.

В сентябре 1959 г. ЦК КПСС принял постановление «О состоянии и мерах улучшения библиотечного дела в стране»¹⁹, нацеленное на превращение всех библиотек в действительные центры массовой пропаганды политических, общеобразовательных, научно-технических и профессиональных знаний, опорные пункты партийных организаций по коммунистическому воспитанию трудящихся. Руководство библиотечным делом и координация работы библиотек всех систем и ведомств возлагались на Министерства культуры СССР и союзных республик. Отмечалась также необходимость совершенствования информационной и справочно-библиографической работы, строительства типовых библиотек, очищения фондов от устаревшей литературы и т. д.

С 1958 по 1965 г. на предприятиях, находившихся в ведении Узбекского совнархоза, было открыто 38 технических библиотек. Совнархоз проводил работу по упорядочению учета и штатов технических библиотек, повышению квалификации их работников. При ЦБТИ Совнархоза был создан постоянно действующий семинар повышения квалификации, слушателями которого были 46 представителей библиотек 38 предприятий²⁰. В марте 1965 г. была проведена перепись технических библиотек всех видов²¹.

В 1965 г. научно-методическим центром, возглавившим всю работу технических библиотек, изучение и обобщение передового опыта, стала Республиканская научно-техническая библиотека (РНТБ).

¹⁴ Касымова А. Г. Библиотечное дело в Узбекистане, с. 102.

¹⁵ Там же.

¹⁶ По данным анкетного опроса.

¹⁷ ЦГА УзССР, ф. Р-2487, оп. 1, д. 8, л. 41.

¹⁸ Там же, д. 78, л. 58—61.

¹⁹ «Партийная жизнь», 1959, № 20, с. 25—29.

²⁰ Текущий архив РНТБ УзИНТИ.

²¹ Там же.

Растущие потребности ученых и специалистов-практиков в информации о новинках науки и техники вызвали необходимость упорядочения структуры органов информации. В связи с этим 1 июля 1969 г. Республиканская научно-техническая библиотека была объединена с Институтом научно-технической информации (УЗИНТИ)²². Это позволило создать единый республиканский справочно-библиографический фонд и улучшить справочно-информационное обслуживание предприятий и организаций.

Для правильного руководства библиотечной сетью в республике были созданы головные библиотеки ведущих отраслей промышленности. Они действовали согласно новому «Положению о единой общегосударственной системе междубиблиотечного абонемента в СССР», принятому 7 августа 1963 г.²³ На 1 января 1971 г. в республике насчитывалось 18 головных библиотек различных отраслей промышленности, обслуживавших свои библиотеки по МБА и оказывавших им методическую помощь.

Так в Узбекистане, как и по Союзу в целом, сложился определенный тип специальных (технических) библиотек (библиотеки научно-исследовательских институтов, проектных организаций, конструкторских бюро, промышленных предприятий, министерств и управлений). Ведущее место принадлежит техническим библиотекам промышленных предприятий, составляющим около 50% их общего числа. Они обслуживают огромную армию инженеров, техников, рабочих, занятых непосредственно созданием материальных ценностей и потому особенно нуждающихся в оперативной информации о передовой технике и технологии.

Число технических библиотек неуклонно возрастает. Если с 1926 по 1957 г., т. е. за 30 лет в республике было создано 97 технических библиотек, то за 1958—1970 гг., т. е. за 12 лет — 141²⁴. На 1 января 1971 г. в Узбекистане функционировало 238 технических библиотек, фонды которых насчитывали 4 558 389 ед. различных изданий. Они обслуживали 100 245 читателей. Число книговыдач составило 1 801 097²⁵.

Повседневные заботы сотрудников технических библиотек направлены на оказание помощи инженерно-техническим работникам и ученым в их исследовательских поисках, на организацию работы с изобретателями и рационализаторами. В основе этой деятельности лежат постановления Совета Министров СССР «О мерах по улучшению организации научно-технической информации в стране» (1962 г.)²⁶ и «Об общегосударственной системе научно-технической информации» (1966 г.)²⁷. Применяются индивидуальная, групповая и массовая формы информации, ведется учет информационной работы, изыскиваются новые формы информационного обслуживания специалистов.

В большинстве библиотек хорошо поставлена справочно-библиографическая служба. Составляются устные и письменные справки, списки литературы, библиографические указатели.

РНТБ УЗИНТИ проводила для абонентов «Дни открытых дверей», «Дни информации», конференции, организовывала книжные выставки, библиографические обзоры. Хорошо поставлено информационное обслуживание на Алмалыкском металлургическом комбинате, заводе «Таштекстильмаш» и др.

Много внимания уделяется обслуживанию новаторов производства. Они охвачены индивидуальной и групповой информацией по МБА.

Библиотеки Тракторного завода, «Чирчиксельмаша», Текстильного комбината и других предприятий создали уголки рационализатора. Учет запросов и интересов творческой категории работников ведется по специально разработанным анкетам.

Постановление ЦК КПСС от 8 мая 1974 г. «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе»²⁸ наметило четкую программу дальнейшего подъема библиотечного дела в стране, в том числе в республике. Оно охарактеризовало роль библиотек как «важных опорных баз партийных организаций по коммунистическому воспитанию трудящихся, идеологических и научно-информационных учреждений»²⁹. Научно-информационные функции рассматриваются как закономерная часть деятельности всех библиотек.

Ныне библиотеки все шире внедряют новую форму информационного обслуживания специалистов — избирательное распределение информации (ИРИ), обеспечивающее быстрому и конкретному распространению сведений о новой литературе.

В республике проводятся мероприятия по упорядочению организационной структуры библиотечной сети на основе принципа централизации. Создаются депозитарии,

²² Там же.

²³ «Библиотекарь», 1969, № 9, с. 53—57.

²⁴ Текущий архив РНТБ УЗИНТИ.

²⁵ Там же.

²⁶ Собрание постановлений правительства Союза Советских Социалистических Республик, М., 1962, № 8, ст. 65.

²⁷ СП СССР, 1966, № 25, ст. 220.

²⁸ «Правда», 1974 г., 26 мая.

²⁹ Там же.

расширяется подготовка кадров для библиотек, которая ведется в Институте культуры и 6 культпросветтехникумах.

В свете решений XXV съезда КПСС технические библиотеки Узбекистана стремятся всемерно повышать идейный уровень пропаганды книги, укреплять связь с производством, совершенствовать централизацию библиотечного дела, улучшать комплектование книжных фондов, координировать работу библиотек и т. д. Тем самым они активно содействуют росту культурно-технического уровня трудящихся, повышению их творческой инициативы в решении актуальных задач строительства коммунизма.

А. Я. Конарева

БАЙҲАҚИЙ ФОРОБИЯ ҲАҚИДА

Заҳириддин Абулҳасан Али ибн Абулқосим Зайд ал-Байҳақий (вафоти 565—1169) ҳам Форобий даврига яқин арабийнавис муаллифлардан бири, олимлар таржиман ҳолига бағишланган «Татимат сивон ал—ҳикма» асарининг муаллифи.

Абу Сулаймон Муҳаммад ибн Тоҳир ибн Баҳром ас-Сижазий (баъзи манбаъаларда ас-Сижистаний—983 йили ҳаёт бўлган), «Китоб сивон ал-ҳикма» («Ҳикмат сандиги» китоби)га қўшимча қилган. Шу қўшимча китоб ҳозирча маълум, лекин унинг асли» «Ҳикмат сандиги»нинг ўзи давримизгача етиб келган-келмаганлиги номаълум. Юқорида зикр қилганимиз «Ҳикмат сандигига қўшимча» (арабча номи «Татимат сивон ал-ҳикма») китоби 1932 йили Лаҳорда нашр этилган. Муаллиф бу китобида Форобий ҳақида маълумотлар бериб кетишга ҳаракат қилган.

Бу ерда арабчадан таржима қилиниб келтирилган маълумотлар Форобий ҳақидаги мавжуд билимимизни бироз бўлса-да, кенгайтириши ва у ҳақидаги тасаввуримизни бойитиши мумкин. Аинқиқса Форобийнинг ўлими ҳақида келтирилган маълумотлар бошқа ҳеч қайси манбаларда келтирилмаган.

* * *

Заҳириддин ал-Байҳақий ёзади:

Шайх Абу Наср ал-Форобийнинг оти Муҳаммад ибн Муҳаммад ибн Тархон бўлиб асли Туркистоннинг Фороб деган жойидан. «Иккинчи муаллим» деб тахаллус олган. Ислоом ёлқалари олимлари орасида ундан олдин бунчалик ўткир одам бўлмаган эди.

Айтишларига қараганда, ҳақимлар асида тўртта бўлган, иккитаси исломдан олдин чиққан, улар Арасту ва Искандар бўлишган¹, иккитаси ислом даврида етишган, улар Абу Наср билан Абу Али ибн Синодир.

Абу Насрнинг вафоти билан Абу Алининг туғилиши орасида ўттиз йил фарқ бор². Абу Али бўлса Абу Насрнинг китоблари орқали унга шоғирд саналган. Абу Али ибн Сино, Мен «Мо баъда ат табиа»³—«Табиятдан ташқари нарсалар» китоби мақсадларини тушинолмаб, диққат бўлиб юрардим, бир кун Абу Насрнинг бу борадаги китобини⁴ толиб қолдим, бундай китоб топангимдан хурсанд бўлиб, худого шукур қилиб, атайлаб рўза тутдим, фақирларга хайр-садақа улашдим, дейди.

* * *

Абу Насрнинг асарлари кўп, уларнинг кўпчилиги Шомда мавжуд, лекин уларнинг баъзилари Хуросонда ҳам бор⁵.

Шунингдек Абу Насрнинг кўп рисоалари бўлган. Мен Рай шаҳридаги нақиблар⁶ бошлигининг китобхонасида бу кишининг асарларини кўрдим. Абу Насрнинг шундай асарлари ҳам бор эканки, ҳатто улар ҳақида ҳеч қачон эшитмаган ҳам эканмиз. Яна

¹ Арабча матнда Арасту ёзилган. Искандар эса ношир томонидан киритилган, қавс ичида. Мирхонд «Равзат ас-сафо»да Искандар ўрнига Луқмонни келтиради. Бу ердаги Искандар Мурод Искандар Афродесий бўлиши керак. Искандар (Александр) Афродесий Кичик Осиеда туғилиб ўсган олим, милондинг иккинчи асрининг бошларида яшаган файласуф. У Аристотель асарларига кўп шарҳ ҳам болаган.

² Абу Наср 950 йилда вафот этган, Ибн Сино эса 980 йилда туғилган. Форобий асарларини ўқиб, ундан баҳраманд бўлганлиги ҳақида Ибн Сино ҳам ўз таржиман ҳолида ёзиб кетган.

³ Бу ерда Аристотельнинг «Метафизика» асари ҳақида гап борапти.

⁴ Бу ерда Аристотельнинг «Метафизика» китобига Форобий ёзган шарҳ—китоб ҳақида гап борапти.

⁵ Шом—Сурия ёки у ердаги Дамашқ шаҳри тушинилади. Форобийнинг юқорида айтилган ўн икки асари рўйхатини тушириб қолдирдик.

⁶ Урта асрларда қабила ё уруғ бошлиғи, йўлбошчиси, доҳийси нақиб деб аталган.

шуниси ҳам борки, китобларнинг кўпчилиги Абу Насрнинг ўз хати билан ёзилган ёки унинг шоғирди Абу Закариё Яҳё ибн Адийнинг⁷ қўли билан кўчирилган эди.

«Китоб ахлоқ ал-ҳукамо»⁸—«Ҳакимлар ахлоқи ҳақида китоб»да ёзилишига қараганда, шон-шавкатли Исмонл ибн Аббод ибн Аббос⁹ олимга яқин бўлиш ниятида Абу Насрни ўз ҳузурига келишини сўраган, ҳатто унга совға-тортиқлар юборган. Лекин Абу Наср уларни қабул қилиш у ёқда турсин, ҳатто ҳеч нарсага тегмай, эгасига қайтариб юборган экан. Абу Наср кўп ўлкаларни кезиб, ниҳоят Рай шаҳрига етиб келибди. Шунда унинг эғнида кир, жулдир тўни, бошида ола қалпоғи бўлиб, кўриниши ҳам турклар каби, паканадан келган одам экан.

Уша кезларда Соҳиб¹⁰ ўз одамларига, кимда-ким менга Абу Насрни кўрсатса ё уни менинг ҳузуримга қақириб келолса, мен унга бойиб кетадиган даражада кўп мол-дунё бераман, деб юрар экан. Бу пайтларда шундай бўлибдики, Абу Наср кўққисдан ўзини танитмай, кимлигини билдирмай, тўппа-тўғри унинг йиғилишига кириб қолибди. Соҳибнинг йиғилишида улфатлари, хизматчилари, зариф одамлар ҳамда ўйинчи, машшоқлар тўпланган экан.

Шунда улар ичкарига билдирмай кириб қолган бегона одамни кўришиб, буни қўйиб юборган дарвозабонни айблашибди ва маломат ўқини унга отишибди. Уша йиғинда бўлганларнинг ҳаммаси Абу Насрнинг кийимидан кулишибди. Абу Наср кўпчилик олдида шундай изза бўлишига қарамай, бардош билан бундай озорлик чанг-тўзонда кўзини юмиб, бир жойга ўтириши билан улар кўнгли тинчиб, орадаги ичкилик кайфи унинг бундай аҳволда кирганини ҳам унуттирди. Шунда қадаҳлар айланган, бошлар ширакайф бўлган чоғ, машшоқлар куй чалиб, ҳамма шодон қақчақлашиб ўтирган экан.

Абу Насрнинг ёнида бир музика асбоби бор экан. Унда у шундай бир ажиб куй чалибдики, ҳатто ундан чиққан майин савт-наво эшитувчиларни элтиб ухлатиб қўйибди. Куй элитганидан улар ҳатто бетоқат бўлиб, ўзидан кетиб қолай дебди.

Одамларнинг айтишларига қараганда, Абу Наср доимо ёнида ўзи ясаган шундай музика асбобини олиб юрар экан. Шунда у бир уд (най)га «Абу Наср ал-Форобий ҳузурингизга келган эди, сизлар унинг устдан кулдинлар, у сизларни ухлатиб, ғойиб бўлди» деб ёзиб қўйибди. Кейин Абу Наср ҳеч кимга билдирмай, Рай шаҳридан Бағдодга қараб жўнаб қолибди.

Даврада ўтирганлар бир маҳал ўзларига келиб, кўзларини очиб ажойиб куйдан ажабланибдилар, лекин уни чалган жулдир кийган бегона одамни даврада кўришмабди. Улар шундай ажойиб нағма чаладиган одам кетиб қолганидан афусланибдилар. Соҳиб ўз одамларига: «Энди қадаҳларни унинг номи билан айлантирингларчи, зора давр уни ёнимизга қайтариб келтирса!»¹¹, дебди. Шунда машшоқлар куйлаб, созандалар удни қўлига олгач, уларнинг бири, эй Соҳиб, ҳалиги киши менинг удимга бир нарса ёзиб кетибди, дебди. Соҳиб қараса, чиндан бир нарса ёзилган. У музика асбобидан Абу Насрнинг юқоридаги ғанини ўқибди.

Соҳиб хатни ўқибди-ю кўпдан кўришни ва суҳбатлашни оруз қилган Абу Наср Форобий келиб кетганини пайқамганидан хафа бўлиб кетибди. Жаҳли чиқиб, ҳатто ёқасини ҳам йиртиб юборибди, овоз чиқариб бақирибди, кейин ўз одамларига, у кишини топиб келинглар, деб тайинлабди, Соҳиб одамлари Абу Наср тугил унинг дом-дарагини ҳам топишолмабди, у бир зумда ғойиб бўлибди. Шу билан Соҳиб Уша пайтда Абу Наср билан суҳбатлашолмай, фурсатини қўлдан бериб қўйганидан умр бўйи пушаймон қилиб юрибди.

Раҳматлик устозимдан эшитганим, Абу Наср Дамашқдан Асқалонга¹² сафар қилган экан. Йўлда уни қароқчилар тутиб олибди. Шунда уша дуч келганларга Абу Наср: «Майли, менинг уловим, кийим-кечагимни олинглару, ўзимни қўйиб юборинглар» деганмуш, лекин йўлтўсарлар бунга кўнишмабди, уни ўлдиришга чоғланишибди. Ушанда ноилж қолган Абу Наср қочинга тушибди. Қароқчилар қувиб етиб уни ва у билан бирга бўлганларни тутиб ўлдиришганмуш. Бу оғир мусибатдан Шом амирлари

⁷ Абу Закариё Яҳё ибн Адий 894—975 йиллар орасида яшаган.

⁸ «Китоб ахлоқ ал-ҳукамо»—муаллифи аниқланмади.

⁹ Соҳиб—Бувайҳийлар вазири Абу-л-Қосим Исмонл ибн Аббод ас-Соҳиб (938—995); ўз даврида етишган олим ва фозилларга ўз эътибори билан шуҳрат қозонган шахс.

Соҳиб—9-изоҳда айтилган вазир назарда тутилябди.

¹¹ Бу ерда автор фикрича, Соҳиб «абдаста гардон»га ўхшаган бир ром қилиб Форобийни қайтариб келтиришни айтмоқчи.

¹² Асқалон—Фаластиннинг жанубидаги шаҳар.

хабар топишиб, бу воқеа юз берганидан кўп таассуротлибилар, йўлтўсарларни топдиришибди. Абу Насрни кўмиб, қабрга ёғоч қоқиб, ўғриларни ўша ёғочга осиб қўйишибди. Баъзи одамлар бу воқеадан беҳабар бўлганидан, Абу Наср хафақонлик касалига гирифтор бўлган экан, шунинг учун у яланғоч бўлиб, Дажла (Тигр) дарёси бўйидан ўтиб кетаётиб, хурмоқоқи сотаётган одамга дуч келган эмиш. Шунда хурмоқопурушга Абу Наср:

—Хурмони қандай сотаябсан?—деб сўраган экан, хурмопуруш унга қўпол муомила қилибди. Абу Наср унинг қўполлигига жавобан бир тарсаки солганмиш-да, унга қараб:

—Мен сеидан қандай сотаётибсан деб сўраяпман, сен бўлсанг қўполлик билан мунчадан деб жавоб бераябсан,—дебди.

Аммо бу киши Абу Наср ал-Форобий бўлмай, балки Абу Наср табиб ас-Самарқандий деган киши билан бўлган воқеадир. Тўғриси яна худо билади.

Ҳаким Абу Наср ал-Форобий айтган:

Кимки ҳикмат илмига киришмоқчи бўлса, у, аввало, ёш бўлиши, яхши нижозлик, ҳар томонлама одоб илмини ўрганган одам бўлиши керак. Аввало ундай киши қуръон, тил ва қонуншунослик илмини эгаллаши керак. Ундай киши одамларга меҳрибон, покиза, тўғри сўз бўлиши, фисқи-фужур, гина, ҳиёнат, макр ва ҳийладан ҳоли бўлиши керак.

Илмга киришган киши тирикчилик масаласидан хотиржам бўлиши керак.

Ҳикмат илмига киришмоқчи бўлган киши илм ва олимларни ҳурматлайдиган бўлиши керак. Ундай киши назарида илм ва илм аҳлидан бошқа нарсанинг қадри бўлмаслиги керак.

Ундай киши илмини касб, ҳунар қилиб олмаслиги ва уни мол топишга қурол сифатида ишлатмаслиги керак.

Кимдаким мана шу айтилганларнинг тескарисини қилар экан, ундай одам сохта ҳаким ва кўзбўямачи саналади.

Сохта пул ҳисобланмаганидек, ёлгон сўз ҳам ҳеч маҳал пишиқ гап бўлолмайди. Борди-ю ахлоқи биз айтганларга тескари бўлган кишилар топилиб қолгудай бўлса, ундайлар ҳеч маҳал ҳакимлар жумласига кирмайди. . .

Дарахнинг камолга егани меваси билан бўлганидек, бахт-саодатнинг мукаммал бўлиши яхши хулқлар билан бўлади.

Кимки ўзини ўз даражасидан юқори қўйгудай бўлса, ундай кишига камолат йўли тўсилиб қолади.

А. Ирисов

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

ИЗ ОПЫТА ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ОБУЧЕНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИСТОРИИ КПСС

Коммунистическая партия уделяет постоянное внимание улучшению преподавания общественных наук и укреплению материальной базы учебно-воспитательного процесса в вузах страны. В материалах XXV съезда КПСС указывается: «Расширить материальную базу... высших учебных заведений. Активнее внедрять в учебный процесс технические средства и новые методы обучения...»¹

Использование технических средств обучения (ТСО) имеет важное значение и в повышении качества и эффективности преподавания общественных наук. Установлено, что применение ТСО и наглядных пособий в высшей школе повышает степень восприятия информации на 15%, усвояемость материала — на 20, глубину и прочность полученных знаний — на 9—10%². И это вполне закономерно, ибо пропускная способность системы «ухо—мозг» составляет всего 50 тыс. бит/сек., а системы «глаз—мозг» — 5 млн. бит/сек.³

Применение ТСО отвечает требованиям современной научно-технической революции и вместе с тем соответствует одному из ведущих и старейших принципов дидактики — наглядности обучения.

Полезный опыт использования ТСО накоплен, в частности, на филологическом, физико-математическом, химико-биологическом факультетах, факультете иностранных языков и на кафедре истории КПСС Термезского госпединститута им. М. Т. Айбека. Здесь мы кратко попытаемся рассказать о применении ТСО в преподавании истории КПСС.

Как известно, в постановлении ЦК КПСС от 5 июня 1974 г. «О работе в Московском высшем техническом училище им. Н. Э. Баумана и Саратовском государственном университете им. Н. Г. Чернышевского по повышению идейно-теоретического уровня преподавания общественных наук» указывалось: «Активизировать деятельность кабинетов общественных наук по организации самостоятельной работы студентов, обеспечить кабинеты современными техническими средствами обучения и наглядными пособиями»⁴. В соответствии с этими указаниями, кабинет истории КПСС Термезского ГПИ был оборудован необходимой аппаратурой и обеспечен значительным фондом аудиовизуальных пособий⁵. Было написано методическое пособие для преподавателей кафедры истории КПСС, разработан и утвержден перспективный (на два года) план постепенного перехода всех преподавателей истории КПСС к использованию ТСО на лекциях и семинарских занятиях.

Для применения ТСО в ходе лекций и семинаров без помощи лаборанта-демонстратора была создана кафедра-пульт, представляющая собой обычную кафедру с двумя боковыми пристройками. На одной из них (слева от преподавателя) расположены: эпидиаскоп «ЭПД» (школьного типа), закрепленный на наклонном кронштейне; ниже, на верхней полке, магнитофон «Яуза-206» (его преимущество — две скорости и счетчик метража ленты); на нижней полке — электрофон «Каравелла-201а», используемый для перезаписи с пластинок на ленту магнитофона. На другой пристройке (справа от преподавателя) сверху, на удобном для руки уровне, установлен кодоскоп «КОД» простого класса, на нижней полке — второй магнитофон — для записи лекций.

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 221.

² См. «Методика преподавания общественных наук в высшей школе». Изд. 2-е, доп. Под ред. Э. Л. Васиной и др. М., 1975, с. 283.

³ См.: Сухотин А. К. Гносеологический анализ емкости знания. Томск, 1968, с. 10.

⁴ Об идеологической работе КПСС. Сборник документов. М., 1977, с. 562.

⁵ Около 50 кинофрагментов, свыше 2 тыс. кадров (слайдов и диафильмов), несколько сот звукозаписей.

Непосредственно в столик кафедры вмонтирован пульт дистанционного управления (ПДУ); здесь же — микрофон и неяркий светильник для подсветки столика кафедры. ПДУ включает в себя: тумблер для подключения к электросети (через электроштит); предохранитель; тумблер вертикального зашторивания окон аудитории; выключатели общего освещения (две группы потолочных ламп); выключатели лампы эпидиаскопа, вентилятора и лампы кадропроектора «Протон» (раздельно), вентилятора кодоскопа, питания кинопроектора «Украина-5», подсветки столика кафедры. Тут же переключатель управления кинопроектором («мотор», «лампа») и ПДУ «Протона» («вперед», «назад») и подфокусировка проекционного объектива). На внутренней поверхности кафедры справа — удобно закрепленные кабель и пульт-указка диапроектора «ЛЭТИ-60».

Аудитория оборудована ползэкраном; в качестве основного используется экран из комплекса кинопроектора, а по бокам от него размещены еще два малых. На основной экран ведется проекция с кодоскопа, кинопроектора, «Протона» и «ЛЭТИ-60»; на один из малых — с эпидиаскопа, на второй — с другого «ЛЭТИ-60», установленного на отдельной тумбе у стены аудитории. Ползэкран позволяет одновременно демонстрировать материалы общего и местного характера.

Аудиовизуальные пособия можно условно разделить на четыре группы:

- 1) записи технического характера (план лекции, цитаты и т. п.);
- 2) портреты исторических деятелей, репродукции произведений живописи, документальные фотографии изобразительного характера, кинофрагменты, звукозаписи и т. п.;
- 3) различные иллюстрации количественного характера (диаграммы, графики, таблицы и др.);
- 4) структурно-логические схемы — материал наиболее сложный и вместе с тем наиболее важный для изучения курса.

Для удобства последующего анализа насыщенности лекции экранными и звуковыми пособиями мы ниже, после описания каждой демонстрации, указываем в скобках номер ее и группу аудиовизуальных пособий. Например, ... (4—3) — демонстрация № 4, группа пособий № 3 — иллюстрация количественного характера.

Как пример использования ТСО в лекционном курсе можно взять лекцию по теме: «Начало рабочего движения и распространение марксизма в России. 1883—1894 гг.».

В начале лекции с помощью кодоскопа сообщаются план лекции и литература к ней (текст заранее отпечатан на прозрачной пленке) (1—1). При характеристике развития капитализма в пореформенной России с помощью «Протона» показываем слайды: «Количество промышленных заведений в Европейской России в 1866, 1879 и 1890 гг.» (2—3), «Количество рабочих на крупных предприятиях в 1865 и 1890 гг.» (3—3), а на кодоскопе — динамическая диаграмма «Доля крупных предприятий в общем выпуске промышленной продукции в 1894/95 гг.» (4—3). Этот материал нужен не только для иллюстрации данной лекции, но — и это, пожалуй, главное — для дальнейшей работы над понятием «социальная база большевизма».

Характеризуя относительную технико-экономическую отсталость России, приводим на кодоскопе еще две диаграммы: «Аграрный характер экономики России в начале 90-х гг.» (5—3) и «Классовый состав населения России в конце XIX в.» (6—3).

Рассказ об источниках формирования пролетариата иллюстрируется (на кодоскопе) двумя структурно-логическими схемами: «Расслоение крестьянства в России в конце XIX в.» (7—4) и «Социальная структура пролетариата России в конце XIX — начале XX в.» (8—4). Здесь тоже имеется в виду использование материала и при изучении других тем курса (разгром В. И. Лениным либерального народничества; учение В. И. Ленина о двух классовых войнах в деревне и аргументация ленинского положения об участии на стороне пролетариата всего крестьянства в буржуазно-демократической революции и только беднейшей его части в революции социалистической; аграрная программа большевиков и др.). Эти схемы имеют особое значение потому, что именно отсюда начинается работа над разъяснением весьма сложного для первокурсников понятия «оппортунизм» и его социальных корней.

Говоря о количественном росте пролетариата и образовании классовой базы для начала пролетарского этапа освободительного движения в России, лектор приводит с помощью «Протона» слайды: «Мужское общежитие на Прохоровской мануфактуре в Москве. 90-е гг. XIX в.» (9—2) и «Рост стачечного движения в периоды: 1880—1884; 1885—1889; 1890—1894 гг.» (10—3).

В процессе рассказа о русских революционерах-демократах подробно освещается вопрос о сущности крестьянской общины, без чего невозможно глубокое понимание ленинской аграрной программы, думской тактики большевиков, неизбежности и закономерности превращения эсеров в мелкобуржуазную и контрреволюционную партию и многих других важнейших вопросов курса. В этом отношении нам в какой-то мере помогает демонстрация динамической схемы «Возникновение «отрезков» при проведении реформы 1861 г.» (кодоскоп, 11—4).

Рассказ о начале распространения марксизма в России сопровождается показом (через «Протон») трех слайдов: «Группа «Освобождение труда» (12—2), «Переводы трудов К. Маркса и Ф. Энгельса, выполненные плехановской группой (13—2) и «Труды Г. В. Плеханова» (14—2).

При характеристике первых марксистских кружков в России лектор показывает («Протон») слайд «Организаторы первых марксистских кружков и групп в России» (15—2). Здесь подчеркивается, что одним из проявлений возросшей активности пролетариата стали первые мавски. Включаем магнитофонную запись воспоминаний В. А. Шелгунова (16—2). Рассказ этот звучит всего около 4 минут, но он представляется очень полезным — и не только потому, что говорит один из первых революционеров, но и потому, что В. А. Шелгунов обращает внимание на выступление пяти ораторов-рабочих и подчеркивает политический характер их речей. Этот факт помогает нам в дальнейшем разоблачать ложь буржуазных фальсификаторов истории КПСС о «неразвитости», «политической отсталости» рабочего класса России, «заговорщическом» характере Октябрьской революции и т. п.

Лекция заканчивается ленинской характеристикой первого периода истории российской социал-демократии, которая приводится на кодоскопе и записывается студентами (17—1).

Таким образом, в двухчасовой лекции используется 16 экранных и одно звуковое пособие. При этом более половины использованных пособий (одна звукозапись и восемь экранных, поданных с кодоскопа) не требуют затемнения аудитории. Эти демонстрации, не заменяя собой лекции, служат наглядными иллюстрациями, способствующими лучшему усвоению материала и активизации внимания студентов.

Наш опыт показывает, что в кабинете истории КПСС, оборудованном соответствующими ТСО, студенты охотно выполняют самостоятельную работу по подготовке к семинарским занятиям. Выступая на семинарах, они используют подобранные или изготовленные ими экранные пособия. Учитывая все это, мы разработали и установили в кабинете три рабочих стола-стенда (РСС), изготовленные в мастерских института. На каждом стенде (1350×700×180 мм) имеются подсвечиваемые изнутри вырезы (455×185 мм), в которых закрепляются прозрачные классеры с диaposитивами по изучаемой теме; их можно рассматривать и с пятикратным увеличением, для чего на столах имеются работающие от электросети диаскопы «Огонек-2». Подборка рекомендованной литературы, программа курса истории КПСС, планы семинарских занятий, различные указатели, аннотации к экспонируемым слайдам, материалы для самостоятельного изготовления экранных пособий (на стекле — для кодоскопа и на ватмане — для эпидиаскопа), кассетный магнитофон «Спутник-401» с наушниками для прослушивания лекций, консультаций и т. п. — завершают комплект РСС. Все подборки меняются при переходе к новой теме.

Начав с плана собственного выступления на семинаре, студенты постепенно, на протяжении учебного года, учатся самостоятельно выполнять все более сложные экранные пособия, вплоть до разработки элементарных структурно-логических схем. Так, студентами выполнены схемы: «Образование двух военно-политических группировок накануне первой мировой войны», «Структура энергетических мощностей в сельском хозяйстве страны в 1928 г.», «Сущность процесса раскулачивания в ходе сплошной коллективизации» и др.

Применение ТСО при изучении истории КПСС высоко оценивается самими студентами. В отчетах на анонимную анкету «Как Вы оцениваете применение технических средств обучения на занятиях по истории КПСС?» мы не получили ни одного отрицательного отзыва. Как правило, отмечают большую заинтересованность, лучшие возможности для подготовки к выступлениям на семинарских занятиях. В одном отзыве отмечена более высокая посещаемость лекций и семинаров, а другим подчеркивается, что применение технических средств информации (ТСИ) в национальных группах отделения русского языка и литературы в какой-то мере компенсирует недостаточное порой знание русского языка (в этих группах мы относительно чаще используем экранные пособия образного характера).

В заключение хотелось бы отметить острую необходимость в организации централизованного снабжения вузов республики различными экранными и звуковыми пособиями, созданными при участии лучших преподавателей, методистов⁶, что будет способствовать еще более широкому внедрению ТСО в учебный процесс, повышению его качества и эффективности, как это и предусмотрено решениями XXV съезда КПСС.

А. Х. Хаитов, Ю. Б. Генс

⁶ В этой связи надо отметить, в частности, ряд ценных пособий, созданных на кафедре истории КПСС гуманитарных факультетов ТашГУ им. В. И. Ленина (зав. кафедрой проф. Л. В. Гентшке).

ИСТОРИОГРАФИЯ

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ В УЗБЕКИСТАНЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Одной из впечатляющих и своеобразных страниц в истории советского востоковедения является период Великой Отечественной войны (1941—1945). В развитии востоковедческой работы в Средней Азии, особенно в Узбекистане, это были годы исключительной важности. Именно в 1942—1945 гг. в связи с эвакуацией Института востоковедения Академии наук СССР в Ташкент наступил кратковременный, но крайне плодотворный период живого, тесного и непосредственного общения и сотрудничества большой группы востоковедов (включая ряд крупнейших исследователей) с местными деятелями на поприще востоковедения. Естественно, что такое братское сотрудничество (хотя и осуществлявшееся в трудных условиях военного времени) не могло не оказать благотворного воздействия на ход и развитие здесь востоковедческой работы в самом широком ее понимании. И не только в сфере научно-исследовательской работы как таковой, но и в деле подготовки востоковедческих кадров, улучшения и совершенствования педагогической работы в высших учебных заведениях гуманитарного профиля в столице Узбекистана и т. п.

Многие эвакуированные в Ташкент ученые Ленинграда и Москвы вели большую работу в академических и других местных научных учреждениях, организациях, учебных заведениях.

Более того. Само возникновение такого центрального научно-востоковедного учреждения Узбекистана, как Институт востоковедения Академии наук УзССР, неразрывно связано со временем военных лет и содействием востоковедов центральных учреждений страны.

Эти ярчайшие страницы из истории науки не должны быть забыты, а между тем время постепенно сглаживает их в людской памяти.

*
*
*

16 июля 1941 г. Советское правительство приняло решение об эвакуации Академии наук СССР в основном на Урал, в Поволжье и Среднюю Азию (причем применительно к последней — главным образом в Узбекистан)¹.

Вопрос об эвакуации Института востоковедения из осажденного немецко-фашистскими захватчиками Ленинграда встал уже в начале августа 1941 г. Его намечалось разместить в Казани или Ташкенте². В начале июля 1942 г. по предложению Президиума АН СССР был издан приказ о подготовке к эвакуации. 24 июля вице-президент АН СССР, акад. В. П. Волгин санкционировал организацию в Ташкенте группы Института востоковедения во главе с акад. В. В. Струве (официальное разрешение Президиума последовало 27 августа). К декабрю 1942 г. в состав ташкентской группы входило 36 человек; с некоторыми другими была установлена постоянная связь (например, с В. М. Алексеевым и А. А. Фрейманом, проживавшими в Боровом Кокчетавской области Казахской ССР)³.

¹ После Поволжья (Казань) и Урала (Свердловск) Средняя Азия стала третьим крупным районом размещения эвакуированных учреждений АН СССР. Здесь, в частности, были размещены гуманитарные учреждения Академии (735 научных сотрудников, 10 академиков и 34 члена-корреспондента). См.: Левшин Б. А. Академия наук СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1966, с. 17.

² Данные по этому вопросу и вообще о работе Института после 22 июня 1941 г. сосредоточены в Ленинградском отделении Архива АН СССР (ф. 152, оп. 1, 1941—1943 гг.).

³ Бертельс Д. Е. Введение (II. 1917—1968). — В кн. «Азиатский музей»

«Место эвакуации. — свидетельствуют историографы отечественного востоковедения, — было выбрано не случайно. Впервые за время существования Института (востоковедения), правда при чрезвычайных обстоятельствах, создавались благоприятные условия для осуществления на практике одной из основных задач, поставленных перед Институтом Советским правительством. — расширения научных связей, организации помощи кадрам среднеазиатских республик, руководства их работой»⁴.

Несмотря на тяжелые условия военного времени (острая нехватка жилой и административной площади, продовольственные трудности и т. д.), партийные и советские органы Узбекской ССР сделали все возможное для гостеприимной встречи научных учреждений Москвы и Ленинграда и их коллективов⁵. Уже 17 января 1942 г. ЦК КП(б)Уз и СНК УзССР приняли постановление «Об использовании прибывших крупных работников науки, литературы и искусства»⁶.

Решение этой задачи облегчалось тем, что к началу войны в республике, помимо ряда вузов, действовал Узбекский филиал АН СССР, открытый 9 января 1940 г. на базе существовавшего ранее Республиканского комитета по руководству научно-исследовательскими учреждениями при СНК УзССР. В системе учреждений филиала функционировал, в частности, Институт языка, литературы и истории.

Здесь надо учитывать также, что, помимо востоковедов, в Ташкенте в годы войны находилась большая группа московских и ленинградских ученых-историков.

В Ташкенте был осуществлен пересмотр планов Института востоковедения с составлением в них наиболее важных научных проблем по языкам, литературе и истории народов Востока.

При разработке плана работы Института на 1943 г. учитывались наличие и возможности местной научной базы, в первую очередь состав литературы и рукописных собраний ташкентских и других библиотек. К этому быстро присоединилось стремление оказать максимальную помощь местным деятелям в их исторических и филологических штудиях на поприще востоковедения. Это было тем более важно, что в Ташкенте по планам Узбекского филиала АН СССР уже велась работа по подготовке к изданию фундаментальной истории Узбекистана. И вне зависимости от этого внимание ряда эвакуированных ученых привлекли к себе некоторые проблемы истории и литературы народов Средней Азии. Что касается, к примеру, историков древнего Востока, то, по словам акад. В. В. Струве, они, «эвакуированные в наши восточные республики, писали исследования, посвященные эпохе древности оказавшего им гостеприимство народа»⁷.

В состав Ученого Совета ИВ АН СССР входили академики В. В. Струве, В. М. Алексеев, А. П. Бараников, С. А. Козин, И. И. Мещанинов, И. А. Орбели, члены-корреспонденты М. С. Андреев, Е. Э. Бертельс, С. Е. Малов, А. А. Фрейман, А. Ю. Якубовский, К. В. Тревер, доктора наук Н. В. Пигулевская, Я. Б. Радуль-Затуловский, А. А. Семенов, В. М. Штейн, профессор А. К. Боровков, кандидаты наук А. А. Драгчнов, А. Н. Кононов, Д. И. Тихонов. Часть членов Ученого Совета пребывала вне Ташкента.

Из местных ученых в состав Совета были введены этнограф М. С. Андреев и

Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР», М., 1972, с. 60.

Многие востоковеды ушли на фронт, другие погибли в осажденном Ленинграде; несколько человек переехали в Москву (Базилянц А., Кузнецова Н., Кулагина Л. Азиатский музей — Институт востоковедения АН СССР. 1818—1968. М., 1969, с. 80).

⁴ Здесь уместно вспомнить, что еще в утвержденном 2 октября 1930 г. Положении об ИВ АН СССР подчеркивалась его обязанность «осуществлять планомерное и систематическое содействие научным организациям национальных республик», а в 1932 г. при Институте был образован Среднеазиатский кабинет (Кононов А. Н. Тюркология в Ленинграде. 1917—1957. — «Ученые записки ИВ АН СССР», XXV, М., 1960, с. 280—282.

⁵ Кузнецова Н. А. и Кулагина Л. М. Из истории советского востоковедения. 1917—1967. М., 1970, с. 106.

Институт был размещен в Ташкенте по Пушкинской улице, д. 31, где ныне расположена Ташкентская государственная консерватория.

⁶ «Правда Востока», 1942 г., 22 января; ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 18, л. 891, л. 4. По воспоминаниям М. Ю. Юлдашева, многие ленинградские ученые прибыли в Ташкент после длительного и утомительного пути, полугодные, почти без багажа и без средств к существованию. Местные организации приняли самые энергичные и срочные меры к благоустройству ученых.

⁷ В. В. Струве особо отмечает имена М. М. Дьяконова, Л. А. Мацулевича, К. В. Тревер и др. (Струве В. В. Проблемы древнего Востока в советской историографии. — «Вестник древней истории», М., 1947, № 2, с. 35).

иранист А. А. Семенов⁸. Это отвечало принятому 24 апреля 1942 г. специальному решению Президиума АН СССР о введении местных ученых в состав ученых советов эвакуированных академических институтов⁹.

Разместившись в Ташкенте, Институт стремился по возможности сохранить в основном свою прежнюю структуру, руководствуясь указанием Президиума АН СССР о том, что и в условиях военного времени академические институты должны всемерно развешивать научные работы, направленные к укреплению мощи нашей Родины, оставаться центрами передовой советской науки. В 1942 г. в Институте существовали кабинеты: Дальневосточный, Индийский, Иранский, Семитический, Туркологический (заведующий А. К. Боровков, сотрудники: А. М. Мигунов, А. С. Тверитинова, А. Л. Троицкая и несколько позднее А. Н. Кононов, Д. И. Тихонов и др.) и Среднеазиатский (заведующий А. Ю. Якубовский, сотрудники: Е. А. Разумовская, А. А. Семенов, Д. И. Тихонов, К. В. Тревер)¹⁰.

Рис 1. Василий Васильевич Струве.

Как свидетельствует А. Н. Кононов, «регулярно проводившиеся заседания (Туркологического) кабинета неизменно собирали большую аудиторию». Многолюдными были и заседания Среднеазиатского кабинета, «состоявшего из ученых различных специальностей, объединенных общностью научных интересов, связанных со Средней Азией. В заседаниях кабинета... принимали участие не только сотрудники ИВ, но и ученые других учреждений: А. Ю. Якубовский, В. М. Жирмунский, А. А. Семенов, М. С. Андреев, Л. А. Мацулевич, В. А. Шишкин, Т. И. Райнов, К. В. Тревер, М. Е. Массон, Н. П. Архангельский, И. П. Петрушевский, А. В. Миртов, И. А. Киссен, Х. Т. Зарифов, Н. В. Дьяконова и др.»¹¹

Востоковеды-иранисты в составе Иранского кабинета (заведующий Е. Э. Бертельс, сотрудники К. А. Антонова, А. В. Башкиров, А. М. Мигунов, Н. Д. Миклухо-Маклай, О. И. Смирнова) разрабатывали ряд коллективных тем, в том числе по Средней Азии («Средняя Азия и Иран. Их культурное взаимодействие в древности и средневековье», «История узбекской литературы»). Е. Э. Бертельс вел, в частности, работу над темами: «Персидская литература в Средней Азии», «Литературное прошлое Узбекистана», О. И. Смирнова — «Критический текст и перевод «Канди». К. В. Тревер — «Авеста и Средняя Азия» и др.)¹².

При Институте действовали докторантура и аспирантура. В докторантуру были зачислены К. А. Антонова (тема диссертации — «Роль узбеков и таджиков в истории Северного Афганистана во второй половине XIX в.», П. Азимов («Лексика туркменского литературного языка послеоктябрьской эпохи»), В. И. Беляев («История арабского халифата X в. ас-Сули»), Г. И. Карпов («Происхождение туркменского народа»), Т. Х. Салимов («История узбекского языка»). В составе аспирантуры (более 15 человек) находились, в частности, А. А. Валитова («Раннее средневековье в Средней Азии»), А. Гулямов и З. Магруфов («Грамматика узбекского языка»), Х. Якубов («Узбекская литература») и др.

На заседаниях Ученого Совета был рассмотрен ряд диссертаций (в том числе докторских). Среди них были и кандидатские диссертации по среднеазиатской тематике: «Хива и ее памятники» (Я. Г. Гулямов), «Монгольские административные, по-

⁸ О работе А. А. Семенова в дни войны подробнее см.: Литвинский Б. А. и Акрамов Н. М. Александр Александрович Семенов (Научно-биографический очерк). М., 1971, с. 108—115.

⁹ Садыков А. С. Рожденная в войну. — «Звезда Востока», Ташкент, 1975, № 12, с. 118.

¹⁰ Ромодин В. А. Изучение истории Ближнего и Среднего Востока. — В кн. «Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР». М., 1972, с. 460—461.

¹¹ Кононов А. Н. Туркология. — В кн. «Азиатский музей — Ленинградское отделение...», с. 423.

¹² Баевский С. И., Ворожейкина З. Н. Новоиранская филология. Литературоведение. — В кн. «Азиатский музей — Ленинградское отделение...», с. 368—369.

литические и военные термины XIII—XV вв., сохранившиеся в узбекском языке» (Ш. Д. Номинханова).

Ташкентский период деятельности Института востоковедения АН СССР в значительной степени нашел свое отражение в двух выпусках его «Рабочей хроники». Вышедшие в свет в трудных условиях военного времени, при тираже каждого всего 100 экз., они стали ныне библиографической редкостью, и содержание их заслуживает специального рассмотрения¹³.

На страницах первого выпуска «Рабочей хроники» был напечатан ряд статей и тезисов по среднеазиатской или близкой ей тематике: В. В. Струве — «Година зороастризма», Е. Э. Бертельс — «Персидская литература в Средней Азии» (реферат работы), А. А. Семенова — «Материалы по персидской эпиграфике XV—XIX вв. на бытовых предметах Ирана и Средней Азии» (краткий реферат), А. И. Кононова — «Рецензия на работу профессора А. П. Ноцелуевского «Основы синтаксиса туркменского литературного языка» (Ашхабад, 1943) и «К этимологии слова дегиль — «не есть, не», Д. И. Тихонова — «Легенды Таримского бассейна», А. И. Троицкой — «Народный театр Узбекистана», О. И. Смирновой — «К истории Согда VII в.».

Там же опубликованы статьи и рефераты акад. А. П. Баранникова «Хинди-русский словарь», акад. С. А. Козина — «Сокровенные сказания», «Гесерлада» (информация о работах «полностью законченных за время Великой Отечественной войны»), акад. И. Ю. Крачковского — «Арабская географическая литература», акад. В. В. Струве — «Дешифровка протониндийских писем», А. А. Семенова — «Восстание на Волге против монголов Батая», «Староперсидский военный термин хасак, его значение и вещественная форма», «Персидский для пряностей судок XVII в. с сектантскими (исмаилитскими. — Б. Л.) надписями» (все три публикации — краткие рефераты), П. В. Ершштедта [О значении для знания далекого прошлого Узбекской ССР и смежных республик перевода фрагментов из Менандра], Н. В. Пигулевской — «Фрагменты полиглотты» и «Иран и Византия к концу VI и началу VII вв.», Я.-Б. Радуль-Затуловского — «Материалистические идеи в Японии» и «Конфуцианство», Е.-М. Колпакчи — «Древнеяпонский литературный язык (по памятникам эпохи Нара VIII в.)», Ю. А. Солодухо — «Ирак III—V вв. н. э.», А. С. Тверитиновой — «История изучения Турции в России», Д. И. Тихонова — «Ленин и Восток», В. И. Беляева — [Реферат диссертации по трудам историка арабского халифата багдадского периода ас-Сули].

Во втором выпуске хроники была напечатана статья академика В. В. Струве «Арийская проблема»¹⁴, сочетавшая научность изложения проблемы с ее злободневным, острополитическим звучанием. «Арийская проблема, — писал автор, — является в дни борьбы с человеконенавистническим фашизмом одним из самых актуальных вопросов, поскольку термин «ариец», означающий якобы «благородные» или «господа», является основой основ расистского учения фашизма»¹⁵.

Полностью отвергая утверждаемое фашизмом противопоставление «благородных арийцев» «неполноценным неарийцам», В. В. Струве дал строго научное и весьма убедительное освещение истории термина «ариец», начиная от Геродота и древнеперсидских надписей. Название мидян и персов «арийцами» восходит «в конечном итоге к Урарту — Арарат» (библейское «Арарат», армянское «Айрарат»). В конечном итоге можно допустить, что «и в Индии, как и в области Средиземноморья, этнический термин «арийцы» восходит к «харрийцам-хуррийцам... В наши дни этот этнический термин, восходящий к древнему периоду истории Армении, Малой Азии, Сирии, Месопотамии и Индии, мира скрещения, смешения и культурного взаимодействия самых разнообразных племен, народов и рас, стал благодаря расовой теории, «этого пережитка средневекового мышления» (Н. Я. Марр) символом несуществующей в природе «чистой нордической расы».

Далее следовали статьи Е. Э. Бертельса — «К вопросу о происхождении языка дари», А. А. Семенова — «К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбанихана», Д. И. Тихонова — «Время кучарского восстания (в Кашгарии)» и «Кто был кучарским ханом в 1864 году?», О. И. Смирновой — «Об одном среднеазиатском титуле».

Многие публикации предварительно докладывались на научных заседаниях Института по циклам «Язык и литература» и «История»¹⁶. Отметим темы некоторых

¹³ Рабочая хроника Института востоковедения [АН СССР] за 1943 год. Т. Ташкент, 1944, 44 с.; Рабочая хроника... за 1-ое полугодие 1944 года. II. Ташкент, 1944, 53 с. (Редакция: акад. В. В. Струве, доктор исторических наук Я. Б. Радуль-Затуловский, кандидат исторических наук Д. И. Тихонов). Далее всюду «РХ».

¹⁴ РХ, II, с. 5—9. Полный текст см.: Струве В. В. Арийская проблема. — В кн.: «Советская этнография. Сборник статей», М.—Л., 1947, с. 117—124.

¹⁵ РХ, II, с. 5.

¹⁶ Научные доклады. — РХ, I, с. 40—41; Доклады и сообщения, заслушанные в заседаниях ИВ АН СССР (за первое полугодие 1944 г.), — РХ, II, с. 47—49.

других докладов среднеазиатской тематики: К. В. Тревер — «Фархад и Ширин», Е. Э. Бертельса — «Творчество Эмира Хосроу и его значение для изучения истории литературы Средней Азии», А. К. Боровкова — «Эмири — узбекский писатель XIX века», «Семантика узбекского «бар» и «йок», «Киргизское возвратное местоимение *öz* — сам и вопрос о классификации тюркских языков», В. М. Жирмунского — «Эдигей в истории и эпосе», В. М. Жирмунского и Х. Т. Зарифова — «Алламыш (Узбекский героический эпос)», Г. Г. Стратановича — «Монета, найденная при археологических раскопках на Фархадстрое», М. А. Салье — «Хамсат-ал-Мутаханирин» Навои как источник для биографии Джами», Т. И. Райнова — О методах учета знаний по памятникам материальной культуры в Средней Азии», А. А. Семенова — «К истории дипломатических сношений России Александра I и Бухары эмира Хайдара», Н. М. Гольдберг — «Памирское соглашение 1895 г. как последний этап англо-русского соперничества в Средней Азии», И. Н. Винникова — «Глагол в диалекте кашкадарьинских арабов», А. Г. Гулямова — «Синтаксический способ выражения идеи множественности в узбекском языке», Н. В. Кисляковской — «Рецензия на «Учебник туркменского языка» Байхизева и Карриева», Х. Я. Якубова — «Абдулла Каххар и его новеллы», В. В. Струве — «Ошибка Дария I», А. Ю. Якубовского — «Что дает «Китаби-Коркуд» для изучения социального строя туркмен в раннее средневековье», А. А. Семенова — «Среднеазиатский термин «агалык», А. В. Башкирова — «Общественно-политический строй туркмен в XIX в.», А. Л. Троицкой — «Дарх — кишлак скотомохов» и «Цех артистов и музыкантов в Узбекистане», Н. В. Дьяконовой — «Шах-наме» как исторический источник», О. И. Смирновой — «К вопросу о личности Диваштича», и «Согдийские монеты», А. Н. Кононова — «О двух турецких рукописях Института по изучению восточных рукописей АН УзССР»¹⁷.

Всего на заседаниях Института в 1943 г. было заслушано 25, в первом полугодии 1944 г. — 53 доклада и сообщения по языку и литературе, истории, этнографии и философии.

Отрадно отметить, что в числе выступавших с докладами и сообщениями находились и местные молодые ученые (кандидаты наук, аспиранты, соискатели) — А. Г. Гулямов, Х. Я. Якубов и др.

В сложных условиях военного времени организовывались даже научные поездки для изучения истории, культуры и языков народов Средней Азии (командировка М. С. Андреева на Памир с целью изучения памирских языков и диалектологических особенностей языка таджиков; поездки И. Н. Винникова и других в Бухару и Кашкадарью для изучения быта и языка среднеазиатских арабов)¹⁸.

Жившие в Ташкенте ученые-обществоведы: историки, востоковеды и другие — живо откликнулись на запросы военного времени, в том числе своими патристическими публикациями, посвященными прошлому и настоящему героической борьбы русского и других народов СССР за свободу и независимость¹⁹. Они активно участвовали в общественно-политической жизни Ташкента, читали лекции, выступали с докладами и т. п.

«Я работал тогда в Ташкентском горкоме партии, — вспоминает один из современников, — и помню, как В. В. Струве, М. И. Нечкина и другие видные ученые часто приходили в горком за получением путевок на чтение лекций для населения. В. В. Струве охотно выступал с лекциями на исторические темы в старом городе, в чайхане стариков, в клубах и махаллях, перед молодежью»²⁰.

С сентября 1943 г. по поручению Ташкентского горкома КП(б)Уз силами сотрудников Института было начато чтение двух циклов лекций: языки мира и культура народов Востока, — привлечших живое внимание интеллигенции Ташкента. Была установлена также связь с военными учреждениями и организациями, в том числе с отделами Штаба ТуркВО, для сотрудников которых читались лекции, проводились совместные заседания по различным научным проблемам и т. д.

Сотрудники Института участвовали и в разных хозяйственных кампаниях военного времени (топливный субботник 18 января 1943 г.; поездка в Кашкадарьинскую

¹⁷ РХ, II, с. 47—49. Доклады и сообщения по среднеазиатской тематике зачитывались и в заседаниях научных сотрудников ИВ АН СССР в Москве под председательством И. Ю. Крачковского (напр.: «Искандер-наме» Навои и его история» (Е. Э. Бертельс), «Вопрос о кушанском периоде в истории народов Средней Азии» (К. В. Тревер); «Об одном раннем саманидском фельсе. Из истории саманидского дома» (А. Ю. Якубовский) и др., РХ, II, с. 49—50.

¹⁸ Кузнецова Н. А. и Кулагина Л. М. Указ. соч., с. 109.

¹⁹ Ср.: Книга Советского Узбекистана (1941—1944 гг.). Библиографический указатель, Ташкент, 1974, с. 22 и след.

²⁰ Цит. по: Кнопов В. И. Памяти академика В. В. Струве (заседание 22 сентября 1965 г. в Ташкенте). — ОНУ, 1965, № 10, с. 67 (выступление Х. Ш. Ниятова).

область на заготовки продовольствия бригады во главе с А. К. Боровковым; сельскохозяйственные работы в совхозе № 10 Янгиюльского района и др.²¹.

Особо следует отметить, что эвакуированные в Ташкент виднейшие ученые горячо приветствовали стремление историков республики к созданию большой обобщающей работы по истории Узбекистана. В. В. Струве и другие ученые содействовали организации коллектива историков для работы в этом направлении и оказали ему большую помощь²² в написании и издании «Истории народов Узбекистана»²³.

Во введении к I тому подчеркивалось, что «в годы Великой Отечественной войны... в создании I и II томов этого капитального труда огромную помощь оказали ученые Москвы и Ленинграда. Вместе с ними историографы республики энергично принялись за разработку еще неисследованных проблем прошлого Узбекистана и добились значительных результатов, создав ряд трудов, написанных на основе новейших достижений советской исторической науки»²⁴.

Заслуживает упоминания и выпуск в 1942 г. методического пособия для учителей «Преподавание истории в условиях Великой Отечественной войны»²⁵.

Крупное научное значение имела состоявшаяся 27—29 августа 1942 г. в Ташкенте сессия Комиссии по этногенезу и этнографии при Отделении истории и филологии АН СССР по вопросам этногенеза Средней Азии. Она явилась важным этапом в разработке этой большой и сложной проблемы на строго научной основе и в особенно необходимом здесь сочетании усилий антропологов, историков, этнографов и др.

Обстоятельства военного времени не позволили сразу же издать материалы сессии. Публикация тезисов всех докладов (кроме доклада Г. И. Карлова) последовала в 1947 г.²⁶

Другой конференцией, оставившей заметный след в науке, явилась конференция по изучению фольклора и этнографии Средней Азии, созданная по инициативе Института востоковедения АН СССР и Ташкентской группы Института этнографии АН СССР (Ташкент, 4—13 апреля 1944 г.). Работа конференции протекала по секциям фольклора и этнографии. В ней принимали участие ученые Узбекистана, Киргизии, Туркмении и Казахстана. Открыл конференцию В. Ф. Шишмарев. На пленарном заседании были заслушаны доклады В. М. Жирмунского «Задачи изучения героического эпоса Средней Азии» и М. С. Андреева — «Итоги экспедиционных работ в долине р. Пяндж»²⁷. Большое внимание было уделено эпосу «Манас» и другим памятникам устного народного творчества.

Секция фольклора приняла обширную резолюцию, отметившую «большую работу по собиранию и изучению народного творчества, проделанную научными учреждениями среднеазиатских республик за годы революции и в особенности в период Великой Отечественной войны»²⁸.

²¹ Бертельс Д. Е. Указ. соч., с. 62.

²² Ахунова М. А. и Лукин Б. В. История исторической науки в Узбекистане. Краткий очерк. Ташкент, 1970, с. 84.

²³ История народов Узбекистана. Том I. С древнейших времен до начала XVI века. Ташкент, 1950, 473 с.; Том II. От образования государства Шейбанидов до Великой Октябрьской социалистической революции. Ташкент, 1947, 512 с.

²⁴ История народов Узбекистана, т. I, с. 6.

²⁵ Преподавание истории в условиях Великой Отечественной войны. Методическое пособие для учителей средней школы УзССР. Вып. I. История древнего мира. Под ред. Е. А. Косминского, А. М. Панкратовой, А. Д. Удалцова. Ташкент, 1942, 55 с. (на узб. яз.—59 с.); Вып. II. История средних веков. 1942, 62 с. (на узб. яз.—70 с.); Вып. III. Новая история. 1942, 124 с. (на узб. яз.—143 с.); Вып. IV. История СССР, 1942, 180 с. (на узб. яз.—190 с.). (Тираж 2000—3000 экз.; перев. на узб. яз. М. Асимова и В. Валиева). Составитель I выпуска — В. И. Авдиев (глава «Средняя Азия в древний период» написана С. П. Толстовым). В составлении II выпуска участвовали Е. А. Косминский, М. М. Смирин, С. П. Толстов, А. Д. Удалцов, III выпуска — Р. А. Авербух, С. И. Ленчнер, А. Ф. Миллер, Ф. И. Нотович, Ф. В. Потемкин, IV выпуска — Д. А. Баевский, Б. Д. Греков, И. К. Додонов, Н. М. Дружинин, В. В. Ершов, Я. Я. Зутис, А. П. Кучкин, М. В. Нечкина, А. С. Нифонтов, Ф. И. Нотович, А. М. Панкратова, И. И. Полосин, А. Ю. Якубовский. В редактировании принимал участие С. В. Бахрушин.

²⁶ Сессия по этногенезу Средней Азии.—«Советская этнография». Сборник статей. VI—VII. М.—Л., 1947, с. 301—325. В этой же книге опубликованы полные тексты докладов Л. А. Мацулевича (с. 125—147) и А. Н. Бернштама (с. 148—158).

²⁷ Перечень докладов и сообщений на фольклорной секции см.: РХ, II, с. 47 (выступали П. Н. Берков, А. Н. Бернштам, Е. Э. Бертельс, А. К. Боровков, Х. Т. Зарифов, Е. М. Пещерева, Е. Е. Романовская, А. А. Семенов, В. В. Струве, А. Л. Троицкая, В. А. Успенский и др.).

²⁸ Там же, с. 50.

Были отмечены также недостатки в постановке фольклорной работы и определены очередные задачи в области собирания и изучения фольклора Средней Азии, включая «скорейшее опубликование полного текста «Манаса», II тома «Казахского богатырского эпоса», узбекских дастанов цикла Гороглы и Аваз-хана, каракалпакской эпической поэмы «Сорок девушек», записей узбекских и туркменских народных сказок, ягнбоского фольклора и др.

Рекомендовалось применение и сравнительного исследования, рассматривающего особенности национального фольклора «на фоне исторических взаимодействий данного народа с другими народами Средней Азии и Советского Союза», особенно «по эпическим сюжетам, являющимся «одновременно достоянием многих народов» («Алпамыш», «Юсуф и Ахмед», «Эдиге», «Кероглы — Гороглы» и мн. др.). Указывалось на целесообразность составления каталогов повествовательных сюжетов и мотивов, пополняющих международные каталоги Аарне, Томсена и Н. П. Андреева. Подготовка плана такого каталога была поручена комиссии в составе В. Ф. Шишмарева, Е. Э. Бертельса, В. М. Жирмунского, М. С. Андреева и Х. Т. Зарифова²⁹.

24 января 1944 г. в Институте состоялась научная сессия, посвященная изучению истории и культуры уйгуров, с докладами Е. Э. Бертельса, А. К. Боровкова, Н. В. Дьяконовой, А. А. Семенова, Г. Ф. Смыкалова, Д. И. Тихонова и А. Ю. Якубовского³⁰.

Проводились в Ташкенте и еженедельные «вторники» ученых. «На этих встречах в присутствии местных, в том числе молодых исследователей, нередко обсуждались сообщения по различным вопросам истории народов Средней Азии», — вспоминал Я. Г. Гулямов³¹.

Об этих «вторниках» рассказывает и востоковед Д. Г. Вороновский, говоря, что в годы войны в Ташкенте «имели место весьма популярные тогда «вторники» — объединенные заседания Ученых Советов Института истории и археологии и Института по изучению восточных рукописей, — чрезвычайно насыщенные симпозиумы по всем вопросам востоковедения с участием многих выдающихся востоковедов, местных, ленинградских и московских. В смысле расширения кругозора и воспитательного значения эти «вторники» трудно переоценить»³². Они «были очень содержательны и всегда привлекали много участников»³³.

Ученые Москвы и Ленинграда принимали также участие в научном семинаре при Институте истории и археологии АН УзССР. Так, В. В. Струве выступил с докладом «История Средней Азии в свете вновь найденной надписи Керкса», проф. И. П. Петрушевский — «Хорезмшах Джалаль-ад-дин и его борьба против державы Чингиз-хана». Доклады читались и на заседаниях Ученого Совета Института по изучению восточных рукописей АН УзССР (Н. М. Гольдберг, А. С. Тверитинова и др.)³⁴.

С пребыванием в Ташкенте ученых Москвы и Ленинграда связан и ряд очень важных научно-организационных мероприятий по развитию и совершенствованию в республике научно-востоковедческой работы и библиотечного дела.

Большим подспорьем для работы ученых была Государственная публичная библиотека Узбекской ССР — одно из крупнейших в СССР книгохранилищ, — располагавшая редким по полноте собранием литературы по Средней Азии и обширным фондом восточных рукописей. В дни войны «в залах библиотеки можно было часто встретить виднейших деятелей (науки) Советского Союза. Ее книгами пользовались В. В. Струве, В. М. Жирмунский, А. Ю. Якубовский и многие другие»³⁵.

Особое внимание обратило на себя собрание восточных рукописей библиотеки. По инициативе ученых Москвы, Ленинграда и местных востоковедов в начале 1942 г. в библиотеке состоялась совещание с участием ученых Москвы, Ленинграда и Ташкента (М. С. Андреев, С. В. Бахрушин, И. К. Додонов, М. Е. Массон, В. И. Пичета, А. А. Семенов, В. В. Струве, А. Ю. Якубовский и др.).

20 февраля 1943 г. в СНК УзССР поступило письмо, подписанное директором ИВ АН СССР В. В. Струве, а также Е. Э. Бертельсом, С. В. Бахрушиным, Б. Д. Грековским, В. М. Жирмунским, Е. А. Косминским, М. Е. Массоном, К. В. Тревер, А. Ю. Якубовским и другими. В письме подчеркивалось значение научной работы библиотеки,

²⁹ Там же, с. 52.

³⁰ РХ, II, с. 46. См. также: Тихонов Д. Институт востоковедения АН СССР. — «Известия АН СССР по Отделению литературы и языка», Том III, Вып. 4, 1944, с. 177.

³¹ ОНУ, 1965, № 10, с. 66—67.

³² Цит. по тексту дополнений к личной учетной карточке (с. 8) Д. Г. Вороновского, заполненной им в апреле 1969 г. (Из собраний сектора историографии Института истории АН УзССР).

³³ Азимджанова С. А., Вороновский Д. Г. Собрание восточных рукописей АН Узбекской ССР. — В кн. «Востоковедные фонды крупнейших библиотек Советского Союза. Статьи и сообщения», М., 1963, с. 121.

³⁴ «Бюллетень Академии наук УзССР», Ташкент, 1944, № 1—4, с. 39—40.

³⁵ Государственная библиотека Узбекской ССР имени Алишера Навои. 1870—1970. Ташкент, 1977, с. 94.

«превращающей ее в научно-исследовательское учреждение востоковедческого характера, едва ли не самое значительное в СССР после Института востоковедения АН СССР», что имеет «чрезвычайно важное и актуальное значение для подготовки новых материалов по истории народов СССР»³⁶.

Было возбуждено ходатайство о выделении средств на организацию перевода и издание наиболее ценных рукописей. И уже летом 1942 г. при библиотеке с участием ленинградских востоковедов была образована научная комиссия, в результате деятельности которой и вследствие усилий В. И. Беляева, Б. Н. Заходера, С. Мирзиева, М. А. Салье, А. А. Семенова и других был осуществлен ряд переводов творений средневековых авторов на русский и узбекский языки, в первую очередь рукописей по истории Средней Азии и сопредельных стран³⁷.

Не ограничиваясь этим, находившиеся в Ташкенте востоковеды энергично поддержали инициативу местных ученых, направленную на создание в столице республики специального научно-исследовательского института востоковедческого профиля. Делу помогло и то, что в сентябре 1943 г. СНК СССР принял постановление о реорганизации Узбекского филиала АН СССР в Академию наук Узбекской ССР, торжественное открытие которой состоялось 4 ноября 1943 г.³⁸ В составе 10 академических институтов находился Институт языка, литературы и истории.

Характерно, что в избранном 3 ноября 1943 г. первом же составе действительных членов и членов-корреспондентов вновь созданной Академии наук были представлены ученые-востоковеды: М. С. Андреев (действительный член), А. К. Боровков и А. А. Семенов, а также местный знаток восточных рукописей автодидакт Мирза-Абдулла Бакий Насреддинов³⁹.

В январе 1944 г. на базе восточного отдела Государственной публичной библиотеки в составе Академии наук Узбекской ССР был учрежден Институт по изучению восточных рукописей, основной целью которого было тогда собирание, изучение, научное описание и хранение восточных рукописей (с 1950 г. — Институт востоковедения АН УзССР)⁴⁰. Первым директором Института был назначен А. А. Семенов.

Как известно, до войны интенсивное изучение и особенно собирание восточных рукописей велось по линии Государственной публичной библиотеки в Ташкенте, в составе которой функционировал Восточный отдел («Отдел востоковедения»). В 1933 г. библиотека была объявлена Центральным хранилищем рукописей Узбекской ССР и уже за 5 лет в нее поступило 3300 восточных рукописей.

Все собранные в библиотеке рукописи, литографированные издания, акты и документы на восточных языках были переданы Институту по изучению восточных рукописей. Несколько позднее в Институт поступили рукописные произведения и другие материалы на языках народов Средней Азии и стран зарубежного Востока из Фундаментальной библиотеки АН УзССР, Государственного музея им. Алишера Навои и других учреждений. Всего к началу научной деятельности Института по изучению восточных рукописей в его фондах было собрано 6102 тома рукописей и около 6000 тыс. литографированных книг.

На первых порах научно-исследовательскую работу в Институте вел небольшой коллектив научных сотрудников (перешедших из Восточного отдела Государственной публичной библиотеки), в их числе проф. А. А. Семенов, И. Адилев, Д. Г. Вороиловский, А. Мурадов, А. Насыров, М. А. Салье, Э. Мухамедходжаев и А. И. Агеев, а также временно работавшая в отделе группа ученых-востоковедов, эвакуированных из Ленинграда⁴¹. При их непосредственном участии Институту удалось значительно расширить круг изучения и научного описания восточных рукописей.

По словам А. А. Семенова, «работа по описанию рукописей... была особенно интенсивной, когда в 1944—1945 гг. в число штатных сотрудников Института вошли

³⁶ Государственная библиотека Узбекской ССР..., с. 102—103.

³⁷ Там же, с. 101.

³⁸ История Узбекской ССР. В 4 томах. Том четвертый. Ташкент, 1968, с. 114.

³⁹ Академия наук Узбекской ССР. Справочник на 1949 г. Ташкент, 1948, с. 16, 20 (в списке действительных членов ошибочно не указан М. С. Андреев). О М.-А. Насреддинове см. «Библиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана». Составитель Б. В. Лунин. I. Ташкент, 1976, с. 408.

⁴⁰ Академия наук Узбекской ССР. 1976. Справочник. Под ред. акад. АН УзССР М. К. Нурмухамедова. Ташкент, 1976, с. 166. «В тяжелые годы войны, — пишет Н. В. Пигулевская, — в эвакуации в Ташкенте, В. В. Струве объединил собравшихся там сотрудников Института востоковедения Академии наук СССР. Эта организация востоковедов, их научный энтузиазм способствовали в дальнейшем созданию в Ташкенте Института востоковедения Академии наук Узбекской ССР» (Пигулевская Н. В. Академик В. В. Струве. — В кн. «Древний мир», М., 1962, с. 6).

⁴¹ Лунин Б. В. и Пикулин М. Г. Из истории становления и развития советского востоковедения в Узбекистане. — В кн. «Современная историография стран зарубежного Востока», М., 1975, с. 179.

Рис. 2. Группа востоковедов (Ташкент, 1943 г.): 1-й ряд (слева направо): К. Б. Старкова, Ф. И. Байбекова (библиотекарь), Н. Д. Михлухо-Майлай, ** (лаборант), А. С. Тверитнинова; 2-й ряд: В. М. Бескровный, М. А. Салье, А. А. Семенов, О. И. Смирнова; 3-й ряд: Э. Мухамедходжаев, М. Абдурахманов, Д. Г. Вороновский, В. И. Беляев, А. А. Подвархов, А. Насыров, А. И. Агеев (библиограф). Публикуется впервые. За предоставление фотографии автор благодарен Д. Г. Вороновскому.

высококвалифицированные научные сотрудники Института востоковедения АН СССР» (В. И. Беляев, А. Н. Кононов, Н. Д. Миклухо-Маклай, О. И. Смирнова, К. Б. Старкова, А. С. Тверитинова и др.)⁴².

Исключительно плодотворным явилось творческое общение ученых Ленинграда с работавшими в Институте местными знатоками восточных языков и литератур: А. Абдурахмановым, Б. Захидхановым, С. Мирзаевым, Э. Мухамедходжаевым, А. Расулевым и другими, занимавшимися преимущественно первичной каталогизацией восточных рукописей⁴³. К маю 1945 г., когда последовал отъезд из Ташкента большинства ленинградских востоковедов, число описанных рукописей превысило 4 тыс. единиц.

«Над описанием рукописей работали специалисты по всем трем литературам средневекового Востока: по арабской, таджикско-персидской и тюркской. Причем они не удовлетворялись только сведениями из иностранных и русских каталогов рукописей; описывая тот или иной манускрипт, они часто извлекали из других рукописей или печатных трудов такие сведения, которые дополняли существующие указания или уточняли их и поправляли»⁴⁴.

Помимо этого, в Институте велась также много полезная работа по подготовке данных к обширному библиографическому словарю поэтов, писателей, ученых и государственных деятелей Средней Азии до XIX в. К 1945 г. было составлено уже до 500 их кратких жизнеописаний⁴⁵. В этой работе принимали также компетентное участие Е. Э. Бертельс и И. П. Петрушевский.

Как свидетельствует уроженец Ташкента, арабист В. И. Беляев, «работа с конца 1942 г. по май 1945 г. в богатейшей сокровищнице восточных манускриптов... они приняли участие в описании арабских и персидских рукописей, начатом в 30-х гг. местными учеными. К. Б. Старковой было описано около ста рукописей арабских, преимущественно философских, сочинений; В. И. Беляевым — около полутора ста рукописей сочинений по истории и географии, грамматике, лексикографии, праву, каноническим наукам, астрологии и др.; из них пять описаний имели монографический характер (1947). Ленинградские иранисты (О. И. Смирнова, Н. Д. Миклухо-Маклай) и тюркологи (А. Н. Кононов, А. С. Тверитинова) тогда же занимались персидскими и тюркскими рукописями этого хранилища»⁴⁶.

Предметом законной гордости востоковедов Ташкента являются подготовка к печати и издание теперь уже 10-томного «Собрания восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР», в содержание которого входит описание рукописей от раннего средневековья до новейшего времени. В процессе подготовки к печати этого ценнейшего издания (I том которого вышел в 1952 г.) живейшее участие приняла и группа московских и ленинградских ученых.

С их пребыванием в Ташкенте связан также ряд страниц из истории высшего образования в годы войны.

Известно, в частности, обращение дирекции Института востоковедения АН СССР и группы видных ученых-востоковедов на имя секретаря ЦК КП(б)Уз У. Ю. Юсупова с докладной запиской «Об организации восточного отделения при историко-филологическом факультете САГУ и востоковедной кафедры». В другой записке перед правительством республики возбуждалось ходатайство о принятии мер по приведению в порядок фонда восточных рукописей библиотеки САГУ⁴⁷.

Не подлежит сомнению и то, что именно пребывание и работа в Ташкенте большой группы востоковедов Москвы и Ленинграда в немалой степени способствовало тому, что в годы войны был вновь образован восточный факультет САГУ. В августе 1944 г., в разгар войны, по представлению руководящих партийных и советских организаций Узбекской ССР, последовало специальное постановление ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР о возобновлении деятельности восточного факультета САГУ⁴⁸. Первой на факультете была образована кафедра иранской филологии, возглавленная Е. Э. Бертельсом. Курс турецкого языка на кафедре языка и истории Турции чи-

⁴² Семенов А. А. Предисловие. — В кн. «Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР», Том I, Ташкент, 1952, с. 6.

⁴³ Азимджанова С. А. и Вороновский Д. Г. Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. — В кн. «Востоковедные фонды крупнейших библиотек Советского Союза. Статьи и сообщения». М., 1963, с. 121.

⁴⁴ Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР, т. I, с. 3.

⁴⁵ Азимджанова С. А. и Вороновский Д. Г. Указ. соч., с. 122. Словники и материалы к словарю хранятся в ИВ АН УзССР.

⁴⁶ Беляев В. И. Арабистика в Ленинграде за сорок лет. — Ученые записки Института востоковедения АН СССР, XXV, Л., 1960, с. 234—235.

⁴⁷ Бертельс Д. Е. Указ. соч., с. 61.

⁴⁸ «Народы Азии и Африки», М., 1970, № 6, с. 214; Лунин Б. В. Восточный факультет ТашГУ им. В. И. Ленина (Краткий исторический очерк). Ташкент, 1976, с. 38 (машинопись).

тал А. Н. Кононов. Кафедрой истории стран Востока руководил И. П. Петрушевский⁴⁹.

Следует отметить и ведение эвакуированными учеными преподавательской работы в вузах Ташкента. Так, на историческом и историко-филологическом факультетах САГУ читал лекции В. В. Струве, энергично ратовавший, в частности, за восстановление упраздненной в 1941 г. кафедры археологии.

В Среднеазиатском государственном университете, Ташкентском государственном педагогическом институте и других вузах преподавали В. И. Бельев, Е. Э. Бертельс, А. К. Боровков, А. Н. Кононов, И. П. Петрушевский, А. С. Тверитинова, А. Л. Троицкая и многие другие. Они вели ряд спецкурсов, занятия по восточным языкам, руководили аспирантами⁵⁰.

«В эвакуации — в Казани, Ташкенте, Алма-Ате, Фрунзе, Саратове — ленинградские востоковеды и особенно тюркологи смогли успешно применить свои знания и силы как в области педагогической, так и научно-исследовательской»⁵¹.

За плодотворную работу по изучению истории и культуры Узбекистана Президиум Верховного Совета Узбекской ССР присвоил звание заслуженных деятелей науки Узбекской ССР В. В. Струве и А. К. Боровкову, а также ряду других представителей гуманитарных наук, в том числе уполномоченному АН СССР по Узбекистану, выдающемуся ученому-филологу, академику В. Ф. Шишмареву⁵².

В мае 1945 г., в соответствии с решением Президиума АН СССР, Институт востоковедения был эвакуирован в Ленинград⁵³.

Широкая общественность Узбекской ССР тепло, душевно и с чувством глубокой признательности провожала сотрудников Института. 7 мая 1945 г. за выдающиеся научные заслуги в период пребывания в Ташкенте Институт был удостоен Почетной грамоты Президиума Верховного Совета Узбекской ССР.

Часть сотрудников Института временно оставалась в Ташкенте для завершения начатых здесь работ. И. П. Петрушевский трудился в рукописохранилищах Ташкента и преподавал (до апреля 1946 г.) в САГУ. Е. Э. Бертельс (возглавивший ташкентскую группу сотрудников Института) был прикомандирован к АН УзССР и САГУ и т. д.⁵⁴

Подводя итоги, следует согласиться с утверждением, что пребывание востоковедов Москвы и Ленинграда в Ташкенте не только способствовало усилению здесь востоковедческой работы и повышению ее уровня, но имело еще и другой аспект.

«Плодотворная работа Института востоковедения... в Узбекистане сыграла положительную роль в оживлении научной работы во всех среднеазиатских республиках. После отъезда ученых... в Москву и Ленинград в Средней Азии осталась большая группа их учеников... За годы войны значительно расширились научные контакты востоковедов Москвы и Ленинграда с учеными Средней Азии... (что было) одной из причин роста (здесь) молодых востоковедных кадров». В свою очередь, «благодаря знакомству (ученых Москвы и Ленинграда) с языками, бытом, памятниками материальной культуры узбеков, таджиков, туркмен и других возрос интерес ученых (Москвы и Ленинграда) к истории и культуре этих народов, расширилась тематика исследований по Средней Азии»⁵⁵.

* * *

Добра, светла и непреходяща наша память о братском содружестве ученых Москвы, Ленинграда и других научных центров страны с учеными Узбекистана, всех республик Средней Азии в суровые, но славные годы Великой Отечественной войны Советского Союза. В последующие годы это творческое содружество еще более окрепло, расширилось и углубилось, обрело новые грани и ныне служит одним из важнейших факторов успешного развития советского востоковедения.

Б. В. Лунич

⁴⁹ Лунич Б. В. Востоковедение в Ташкентском государственном университете им. В. И. Ленина (К пятидесятилетию университета). — «Народы Азии и Африки», М., 1970, № 6, с. 213—214; Ташкентский государственный университет. Ташкент, 1970, с. 320—324.

⁵⁰ Ср.: Бертельс Е. Э. Востоковедение в Узбекской ССР. — Труды Института востоковедения, IV, М., 1947, с. 124—129.

⁵¹ Кононов А. Н. Тюркология в Ленинграде..., с. 289.

⁵² Как и другие уполномоченные (в Киргизии, Казахстане), он осуществлял контакты с партийными и правительственными организациями республики и решал организационные вопросы, связанные со скорейшим развертыванием работы эвакуированных в Узбекистан учреждений АН СССР.

⁵³ Одним из результатов установления тесных связей Института с местными научными учреждениями явился и тот факт, что после его эвакуации в Ленинград было направлено для прохождения аспирантуры несколько молодых ученых. Так, аспирантуру под руководством И. П. Петрушевского проходили М. А. Абдураимов и Р. Г. Мукминова, под руководством А. Ю. Якубовского — С. А. Азимджанова, Т. Кадирова и др.

⁵⁴ Бертельс Д. Е. Указ. соч., с. 63—64.

⁵⁵ Кузнецова Н. А. и Кулагина Л. М. Указ. соч., с. 110—111.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ В УЗБЕКИСТАНЕ
(Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1977, 384 с.

Народы Средней Азии, в том числе Узбекистана, имеют древнюю и богатую историю общественно-философской мысли, марксистско-ленинское изучение и освещение которой — одна из важнейших задач наших историков философии. В этой связи следует приветствовать выход в свет такого обобщающего труда, как «Очерки истории общественно-философской мысли в Узбекистане», работа над которыми была начата еще под редакцией и при непосредственном участии акад. АН УзССР И. М. Мунинова и завершена большим коллективом сотрудников Института философии и права АН УзССР под руководством члена-корр. АН УзССР М. М. Хайруллаева.

Рецензируемая работа представляет первую попытку обобщения и систематического изложения истории возникновения и развития философской, социологической, естественнонаучной, атеистической, логической, этической и эстетической мысли в Узбекистане с древнейших времен до победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Книга состоит из введения, где определяются характер и задачи исследования, и шести глав.

В первой главе анализируются формирование и развитие философской и общественной мысли в рабовладельческом обществе и в период зарождения феодализма.

Исследование данного периода связано с известными трудностями в силу крайней скудности источников, сравнительно слабой изученности этого периода в историко-философской литературе.

В качестве основных источников рассматриваемой эпохи авторами проанализированы прежде всего ранние памятники устного народного творчества — эпические сказания саков, отразившие патриотическую борьбу народов Средней Азии против чужеземных захватчиков, идеи героизма, патриотизма, мужества и верности.

Другим источником для изучения духовной культуры рабовладельческой эпохи послужила Авеста — священная книга зороастризма — древней доисламской религии народов Ближнего и Среднего Востока.

Как правильно отмечают авторы «Очерков», зороастризм был не только религией, но и господствующей идеологией, своеобразным мировоззрением рабовладельческого общества. В нем в наивной, религиозной форме отражены социально-политический строй, быт, нравы, культура народных масс, их познания, воззрения на природу и общественную жизнь.

В работе на основе последних достижений науки освещается вопрос о происхождении, эволюции и значении зороастризма.

В конце главы указывается, что в результате кризиса рабовладельческого строя и связанной с ним идеологии зороастризма (II—III вв.) в борьбе против зороастрийского дуализма возникают новые течения, как манихейство и маздакизм, которые отражали социально-политическую и философскую мысль народов Средней Азии и Узбекистана того времени еще в нерасчлененном виде, в комплексе религиозно-мировоззренческих систем.

Таким образом, отличительной особенностью общественно-философской мысли рабовладельческого общества была ее несамостоятельность, нерасчлененность от общего религиозно-наивного мировоззрения. Выведение философских концепций из общего комплекса религиозно-мировоззренческих систем, борьба философии за освобождение от опеки религии в условиях Средней Азии происходят позднее, в эпоху феодализма, чему способствовало развитие новых производительных сил и производственных отношений.

Во второй главе освещается естественнонаучная и философская мысль периода развития феодализма (VIII—XIII вв.). Здесь наиболее обстоятельно рассматривают-

ся зарождение, формирование идеологии и философии ислама, проникновение его в Среднюю Азию, усиление антиисламских и антифеодальных движений, борьба различных идеологических течений внутри ислама и вне его (хариджиты, ибадиты, азракиты, шииты, исмаилиты, карматы, мутазилиты, мутакаллимы, джабраиты, кадариты и др.).

В главе прослеживается, как в борьбе против мусульманской догматики формируется и бурно развивается естественнонаучная и философская мысль народов Средней Азии, складывается прогрессивная арабоязычная философия, или так называемый восточный перипатетизм. В этой связи в специальных параграфах дается подробная характеристика естественнонаучных достижений и мировоззрений Хорезми и Фергани, философских и социологических взглядов Фараби, общественно-философских воззрений Беруни, Ибн Сины, Махмуда Чагмини, нравственно-этических идей Юсуфа Хас Хаджиба, Ахмада Югнаки, Пахлавана Махмуда, а также философии суфизма и его течений.

В третьей главе показано, что во второй половине XIV в., после освобождения народов Мавераннахра от ига монгольских захватчиков, образовалось централизованное государство, что способствовало ликвидации феодальной раздробленности, дальнейшему развитию социально-экономической системы феодализма, культуры, науки, искусства, философии. В специальных параграфах анализируются философские воззрения Джурджани, естественнонаучные идеи астрономо-математической школы Улугбека, философские и социологические воззрения Навои.

XVI — первая половина XIX в. в истории Средней Азии — это период позднего феодализма. Усиление междоусобной борьбы крупных феодалов и другие сложные процессы внутреннего порядка привели к появлению трех ханств — Бухарского, Хивинского и Кокандского, между которыми происходили непрерывные войны. Росла эксплуатация непосредственных производителей, усилилась произвол феодальной верхушки, а вместе с тем возрастало влияние религии, мистики. Однако философия, искусство, литература, наука не переставали развиваться. Философская мысль того периода, указывают авторы, достигла наивысшего расцвета в творчестве Мирзы Абдулкадыра Бедили, чьи прогрессивные взгляды оказали значительное влияние на формирование общественно-философской мысли в Средней Азии. Большое внимание в работе уделено крупному представителю литературы и искусства второй половины XVII — начала XVIII в., известному узбекскому поэту-мыслителю Бабарихиму Машрабу, в творчестве которого нашли выражение идеи свободомыслия и антиклерикализма. В начале XIX в. общественно-политическая мысль в Узбекистане получает дальнейшее развитие. Видными ее представителями были Гази, Хазык, Махмур, Гульхани, Надира, Увайси, Махзуна, Мунис, Агахи, Мужрим Абид, Шавки Каттакургани и др. Обо всем этом подробно говорится в четвертой главе.

Со второй половины XIX в. в истории народов Средней Азии начинается новый период, связанный с присоединением ее к России. Авторы убедительно показывают, что присоединение Средней Азии к России имело объективно прогрессивный характер. Оно привело к ломке старых, патриархально-феодальных и формированию новых, капиталистических отношений в крае, широкому проникновению сюда передовой русской культуры и революционных идей. Как отмечается в работе, одним из важных событий того периода было возникновение нового направления в общественной мысли — просветительства, которое нашло свое отражение в общественно-философских, социально-политических и эстетических воззрениях Ахмада Дошиа, Фурката, Мукими, в раннем творчестве Хамзы. Эти вопросы обстоятельно освещаются в пятой главе.

В последней, шестой главе «Очерков» на большом фактическом материале исследуется вопрос о распространении марксистско-ленинских идей в предреволюционном Узбекистане.

Таким образом, в «Очерках» последовательно излагаются все основные этапы истории общественно-философской мысли в Узбекистане, воззрения ее крупных представителей.

Не ограничиваясь изложением обширного материала по проблеме, авторы уделяют особое внимание выявлению основных закономерностей, тенденций и особенностей возникновения и развития общественно-философской мысли дореволюционного Узбекистана. История ее рассматривается в неразрывной связи с философскими учениями других стран и народов, что позволяет показать преемственность в развитии философских теорий.

Рецензируемая работа не лишена и отдельных недостатков. Так, в ней не затрагивается вопрос о научной периодизации истории общественно-философской мысли в Узбекистане. Социально-политические и философские воззрения представителей нового направления в общественной мысли конца XIX — начала XX в. — революционного демократизма (Завки, Аваз Отар, Хамза и др.) — почему-то остались вне поля зрения авторов. Этому важному вопросу следовало посвятить специальный параграф

В главы. В предисловии книги, на наш взгляд, надо было дать хотя бы краткую историографию изучения истории общественно-философской мысли в Узбекистане. В книге отсутствует заключение, в котором суммировались бы основные выводы по всем главам. К работе целесообразно было приложить библиографию или перечень основных источников и литературы. Но при всех этих недочетах книга, безусловно, является ценным пособием по истории философии в Узбекистане, и остается лишь пожелать авторам «Очерков» подготовки нового издания, где отмеченные пробелы бы-ли бы устранены за счет включения новых разделов.

Ш. Саматов, Н. Бердиев

ХРОНИКА

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ ПЕРЕБОРКИ ЧАСТИ СТОКА СИБИРСКИХ РЕК В СРЕДНЮЮ АЗИЮ И КАЗАХСТАН

27 апреля 1978 г. в Ташкенте состоялась научная конференция «Проблемы переброски части стока сибирских рек в Среднюю Азию и Казахстан в свете решений XXV съезда КПСС». Она была организована Советом президентов академий наук среднеазиатских республик, Институтом водных проблем АН СССР, Среднеазиатской комиссией Научного совета АН СССР по проблеме «Размещение производительных сил СССР» и Среднеазиатским отделением ВАСХНИЛ.

В работе конференции приняли участие кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Уз Ш. Р. Рашидов, президенты академий наук среднеазиатских республик, крупные ученые и специалисты Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Алма-Аты, Ташкента, Фрунзе, Душанбе, Ашхабада — представители научно-исследовательских, проектных, плановых организаций, работники партийных и советских органов, министерств и ведомств (всего около 600 человек).

Участники конференции заслушали 8 докладов. Директор Института водных проблем АН СССР, член-корр. АН СССР Г. В. Воропаев, выступив с докладом «О научных исследованиях, связанных с проблемой переброски части стока сибирских рек в Среднюю Азию и Казахстан», остановился на некоторых узловых вопросах, которые возникли и получили определенное решение в связи с разработкой проблемы.

Главный инженер проекта И. А. Герарди в докладе «Основные принципиальные положения проекта переброски части стока сибирских рек в Среднюю Азию и Казахстан» ознакомил участников конференции с важнейшими технико-экономическими показателями проекта.

Доклад на тему «Социально-экономические проблемы межрегионального перераспределения водных ресурсов Сибири» сделал директор Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР, акад. А. Г. Аганбегян. Он остановился на некоторых экономических проблемах дальнейшего развития сельского хозяйства Средней Азии и поставил ряд экономических вопросов, требующих научно обоснованного разрешения в связи с предполагаемым перераспределением части стока сибирских рек.

Председатель Среднеазиатской комиссии Научного совета АН СССР по проблеме «Размещение производительных сил СССР», акад. АН УзССР С. К. Зиядуллаев охарактеризовал в своем докладе «Развитие производительных сил и проблемы водоснабжения Средней Азии» экономический потенциал Средней Азии, дальнейшее развитие производительных сил которой требует переброски сюда части стока сибирских рек.

В докладе зам. директора Института водных проблем АН СССР, канд. техн. наук А. А. Бостанжого «Задачи научных организаций Средней Азии и Казахстана по обоснованию перераспределения первой очереди стока сибирских рек» была подчеркнута необходимость глубокого научного обоснования мероприятий по управлению водными ресурсами данного региона как составной части общей проблемы водообеспеченности страны.

Зав. сектором среднеазиатских республик СОПС при Госплане СССР, доктор экон. наук Г. В. Копанев сделал доклад на тему «Социально-экономические аспекты исследований, связанных с переброской части стока сибирских рек в Среднюю Азию и Казахстан». Докладчик указал на необходимость смещения центра тяжести исследований по проблеме из области инженерных в область социально-экономических исследований, поскольку эта проблема затрагивает очень многие сферы нашей жизни.

Председатель Президиума Каракалпакского филиала АН УзССР, член-корр. АН УзССР С. К. Камалов в докладе «Проблемы Арала» остановился на вопросах, связанных с изменением режима Аральского моря, и мерах по предотвращению отрицательных последствий снижения его уровня. Начальник отдела перспективного планирования института «Средазгипроводхлопок» К. А. Ракитин выступил с докладом

«Распределение водных ресурсов в Средней Азии и Казахстане и эффективность их использования».

В обсуждении докладов и рекомендаций приняли участие президенты академий наук среднеазиатских республик, председатель Научного совета по перераспределению водных ресурсов сибирских рек Сибирского отделения АН СССР, член-корр. АН СССР В. Н. Сакс, Министр мелиорации и водного хозяйства Казахской ССР А. Таныбаев, начальник экспедиции по переброске части стока сибирских рек Института географии АН СССР Н. И. Коронкевич, директор САНИИРИ им. Журина В. А. Духовный, член-корр. ВАСХНИЛ А. М. Мухамедов, директор Института почвоведения и агрохимии АН УзССР Т. С. Закиров.

Конференция прошла на высоком научно-теоретическом уровне. Доклады и выступления носили деловой, конструктивный характер, что способствовало успешному решению цели и задач, стоявших перед конференцией.

В принятых рекомендациях по ускорению решения проблем, связанных с переброской части стока сибирских рек в Среднюю Азию и Казахстан, в частности, подчеркивается, что осуществление этого грандиозного проекта будет способствовать дальнейшему подъему экономики и культуры республик Средней Азии и Казахстана, возрастанию их вклада в создание материально-технической базы коммунизма в нашей стране.

Н. А. Волотко

МЕЖВУЗОВСКАЯ РЕСПУБЛИКАНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ И НАУЧНОГО АТЕИЗМА

20—21 февраля 1978 г. в Самаркандском ордена Трудового Красного Знамени государственном университете им. Алишера Навои проходила межвузовская научно-методическая конференция на тему «XXV съезд КПСС и вопросы методики преподавания марксистско-ленинской философии и научного атеизма». Ее организаторами были Министерство высшего и среднего специального образования Узбекской ССР, Министерство просвещения республики, Институт повышения квалификации преподавателей общественных наук при ТашГУ, Узбекское отделение Философского общества СССР, Совет ректоров вузов Самаркандского региона и Самаркандский государственный университет им. А. Навои.

В работе конференции приняли участие заведующие кафедрами и преподаватели философии вузов республики, в том числе 13 докторов и около 40 кандидатов наук и доцентов.

На пленарном заседании с докладом выступил заместитель председателя секции философии НМС МВССО УзССР, проф. В. С. Никитченко. Он подробно рассмотрел значение разнообразных приемов, форм, принципов и средств преподавания философии в вузах, рассказал о работе по их совершенствованию, в частности на кафедре философии ИПК преподавателей общественных наук при ТашГУ.

На секционных заседаниях было заслушано и обсуждено 33 доклада.

На заседании секции марксистско-ленинской философии большой интерес вызвали доклады доцентов ТашГУ Е. И. Богословской и В. Г. Черника, заведующего кафедрой философии Ташкентской ВПШ, проф. В. С. Никитченко, доц. СамГУ Б. Р. Рахимова и ассистента С. С. Суфияновой.

На конкретных примерах они показали роль применения технических средств обучения (ТСО) на лекциях и семинарах в повышении успеваемости студентов.

В докладе доц. М. Х. Хусанова (Фергана), проф. Х. П. Вахилова (Ташкент) и других были рассмотрены различные вопросы воспитания студентов в духе пролетарского интернационализма и советского патриотизма, коммунистической нравственности и любви к труду. В ряде докладов подчеркивалась необходимость усиления связи преподавания философии с профилирующими дисциплинами, особенно в условиях педагогических институтов.

О методических приемах критики современной буржуазной идеологии в преподавании курса марксистско-ленинской философии рассказал доц. В. М. Качдинов (Ташкент).

Доц. М. М. Ахмедов (Самарканд) осветил некоторые вопросы методики проведения лекций и семинарских занятий по философии на заочных отделениях вузов.

Проф. С. П. Турсунмухамедов остановился на преемственности и органической связи в преподавании общественных наук. Он подчеркнул, что наряду со спецификой каждого предмета все они преследуют единую цель — формирование научного, коммунистического мировоззрения у студентов.

На секции научного атеизма зав. кафедрой атеизма, этики и эстетики ТашГУ, доц. А. И. Абдусаматов осветил некоторые методические и методологические проблемы преподавания данного курса с учетом условий республики.

О повышении эффективности преподавания научного атеизма на основе использования результатов конкретно-социологических исследований, проводимых среди сту-

дентов, сообщили в своих докладах проф. А. Б. Базаров, доц. Ю. В. Талышкин (Самарканд), доц. ТИИМСХ Ш. Батыров.

Большой интерес вызвали доклады, посвященные применению ТСО в преподавании научного атеизма. С ними выступили зав. кафедрой атеизма, этики и эстетики ТашГПИ, проф. А. С. Агаронян, зав. лабораторией ТСО СамГУ Х. Х. Усманов и др.

Ряд докладов был посвящен методам и формам атеистической пропаганды среди студенчества во внеучебное время. Б. Шермухамедов, Х. Х. Назаров (Самарканд) и другие рассказали об участии студентов в атеистической работе среди населения, в том числе школьников, о школах молодых лекторов-атеистов, методике проведения экскурсий в целях атеистического воспитания студенчества.

Участники обеих секций с удовлетворением отметили, что во всех вузах республики за последние годы достигнуты заметные успехи в совершенствовании методики преподавания философских дисциплин. В этом отношении большая и весьма полезная работа ведется на кафедрах ТашГУ, ТашГПИ, СамГУ и т. д. Это проявляется прежде всего в повсеместном применении технических средств обучения. На всех кафедрах стали уделять больше внимания методическим вопросам обучения. Подготовлены методические разработки по усилению воспитательной направленности лекций и семинарских занятий. Особое значение придается использованию материалов партийных съездов, новых советских Конституций, докладов, статей и речей Л. И. Брежнева. Усилилась координация научно-методической работы философских кафедр вузов УзССР. В этой связи было предложено привлечь лучшие философские кадры республики для разработки соответствующих учебно-методических пособий.

Учитывая расширение использования ТСО, была отмечена необходимость выделения во всех вузах соответствующего штата инженерно-технических работников по примеру СамГУ, где для всех кафедр общественных наук создан кабинет технических средств обучения, в котором работают инженер и два техника-методиста.

Конференция явилась фактически первым в республике мероприятием такого рода. По существу она подвела итоги той большой работы, которая проведена за последние годы кафедрами философии и научного атеизма вузов УзССР по повышению уровня всего учебно-воспитательного процесса. Нет сомнения в том, что конференция окажет благотворное влияние на дальнейшее улучшение учебно-методической работы, совершенствование форм и методов преподавания марксистско-ленинской философии и научного атеизма в высших учебных заведениях Узбекистана.

А. Б. Базаров, Х. Х. Гизитдинов

ЭРВАНД ВЛАДИМИРОВИЧ СЕВОРТЯН (1901—1978)

Советская тюркология понесла большую утрату — 23 марта 1978 г. скончался крупный исследователь тюркских языков, заслуженный деятель науки РСФСР, доктор филологических наук, профессор Эрванд Владимирович Севортян.

Э. В. Севортян родился 22 октября 1901 г. в Ялте, в семье рабочего. Окончив симферопольскую гимназию, он в 1921 г. поступил на математический факультет Таврического университета, а в 1925 г. — на Восточное отделение Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе, которое окончил в 1930 г. Завершив свое восточное образование в аспирантуре Научно-исследовательского института языкознания в Москве и Ленинграде (1931—1935), Э. В. Севортян работал в должности старшего научного сотрудника и ученого секретаря кабинета тюркских языков Ленинградского НИИЯ. В 1936 г. он переехал в Москву и занял должность старшего научного сотрудника в Институте национальностей при ЦИК СССР, который вскоре был реорганизован в Институт языка и письменности народов СССР при АН СССР, а с 1950 г. — в Институт языкознания АН СССР. Здесь он плодотворно трудился до конца своей жизни. Одновременно Э. В. Севортян вел большую педагогическую работу в течение 28 лет на кафедре тюркских языков в МГУ им. М. В. Ломоносова и 10 лет — в ВИИЯ.

Научная деятельность Э. В. Севортяна получила признание не только в нашей стране, но и за рубежом. Его статьи публиковались на немецком, французском, турецком, английском, венгерском языках. Только за последнее десятилетие он прочел около десяти докладов в Венгрии, ГДР, Польше и Турции по самым различным вопросам тюркологии. Э. В. Севортян был активным участником ряда международных научных форумов, в том числе трех конгрессов Турецкого лингвистического общества в Анкаре, которое, учитывая большие заслуги ученого в развитии современной тюркологии, избрало его своим членом-корреспондентом.

Круг научных интересов Э. В. Севортяна был исключительно широк. В его исследованиях рассматривались многие теоретические вопросы почти по всем отраслям тюркологии. Перу ученого принадлежит около 90 работ. Среди них — такие капитальные исследования, как «Фонетика турецкого литературного языка» (1955), содержащая наиболее полное на сегодняшний день описание его звукового строя, «Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке» (1966), «Пробные статьи к «Этимологическому словарю тюркских языков» (1962), «Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке» (1966).

Основным трудом его жизни стал «Этимологический словарь тюркских языков», первый том которого (65 изд. л.) вышел в 1974 г. В нем содержится тщательно продуманная разработка фонетики, морфемки и семантики дестимологизированных обще- или межтюркских основ, с применением сравнительно-исторического метода и анализа по определенным словообразовательным моделям. «Этимологический словарь» Э. В. Севортяна, несомненно, послужит базой для последующего создания этимологических словарей конкретных тюркских языков, источником углубленного изучения фономорфологической и семантической структуры тюркского слова. Второй том «Словаря» ныне находится в производстве.

Наряду с напряженной и плодотворной научной работой Э. В. Севортян отдавал много сил и энергии подготовке научных кадров. Только для тюркоязычных республик страны, в том числе Узбекистана, он подготовил свыше 50 кандидатов и докторов наук.

Большое место в творческой биографии Э. В. Севортяна занимала также научно-организаторская и редакторская работа. Он был членом ВАК и Научно-технического совета Министерства высшего и среднего специального образования СССР, председателем Комиссии по истории и диалектологии Научно-технического совета, заместителем председателя методической комиссии по языку при методсовете Министерства просвещения СССР, постоянным членом редколлегии всесоюзного журнала «Советская тюркология».

Э. В. Севортяну были присущи большая требовательность к себе, необычайное трудолюбие, глубокие знания, скромность, простота и доброжелательность.

Светлая память об Эрванде Владимировиче Севортяне сохранится в сердцах его благодарных учеников, многочисленных коллег и друзей — всех, кто знал радость общения с ним.

ВЛАДИМИР ЯКОВЛЕВИЧ НЕПОМНИН (1906—1978)

3 июня 1978 г. скончался известный ученый, заведующий кафедрой истории КПСС Института повышения квалификации преподавателей общественных наук при Ташкентском государственном университете, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки Узбекской ССР, профессор Владимир Яковлевич Непомнин.

В. Я. Непомнин родился 9 января 1906 г. в с. Синельниково (Украина), в семье служащего. В 1928 г. окончил исторический факультет Коммунистического университета трудящихся Востока в Москве.

Член КПСС с 1925 г., он в течение многих лет находился на руководящей комсомольской и партийной работе, был секретарем Ташкентского обкома партии, заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КПУз, редактором газеты «Правда Востока», ректором Ташкентской высшей партийной школы.

С 1937 г. Владимир Яковлевич — старший научный сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК КП(б)Уз, с 1948 г. — директор Института истории и археологии АН УзССР, с 1951 г. — заместитель директора по научной части; с 1957 г. — доцент, а с 1963 г. — профессор кафедры истории ТашГУ им. В. И. Ленина. В 1965 г. он стал заведующим университетской кафедрой научного коммунизма, в 1969 г. — заведующим кафедрой истории КПСС ИПК преподавателей общественных наук при ТашГУ.

В 1939 г. В. Я. Непомнин защитил кандидатскую диссертацию «Национальное размежевание как этап национальной консолидации народов Средней Азии», а в 1962 г. — докторскую на тему «Исторический опыт строительства социализма в Средней Азии».

В. Я. Непомнин внес большой вклад в развитие исторической науки в Узбекистане. Им опубликовано свыше 60 работ по истории коммунистических организаций Средней Азии, истории народов Узбекистана. В их числе — написанная совместно с К. Е. Житовым книга «От колониального рабства к социализму» (1939), «Очерки истории социалистического строительства в Узбекистане. 1917—1937» (1957), «Исторический опыт строительства социализма в Узбекистане. 1917—1937» (1960), «Триумф стратегии и тактики ленинизма на Востоке. О переходе к социализму республик Средней Азии» (1974) и др. Ряд статей В. Я. Непомнина были опубликованы в журнале «Общественные науки в Узбекистане».

В. Я. Непомнин — один из авторов и член редакционных коллегий таких фундаментальных изданий, как «История народов Узбекистана» (т. II, 1947), «История Узбекской ССР» (т. II—IV, 1967—1968), «Очерки истории Коммунистической партии Узбекистана» (1964 и 1974), «История коммунистических организаций Средней Азии» (1967) и др.

Владимир Яковлевич был участником многих республиканских и союзных научных съездов, конференций, совещаний. Он вел большую работу, связанную с подготовкой научных и научно-педагогических кадров. Под его руководством около 30 аспирантов подготовили и защитили кандидатские диссертации.

В. Я. Непомнин принимал активное участие в общественно-политической жизни, избирался членом ЦК КПУз, депутатом Верховного Совета Узбекской ССР.

Заслуги В. Я. Непомнина высоко оценены Коммунистической партией и Советским правительством. Он был награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденами «Красная звезда» и «Знак Почета», медалями, Почетными грамотами Президиума Верховного Совета УзССР, а в 1970 г. удостоен звания «Заслуженный деятель науки Узбекской ССР».

Добрая память о Владимире Яковлевиче Непомнине навсегда сохранится в наших сердцах.

МУНДАРИЖА

Асосий қонун нормалари — ҳаётга!

М. С. Восиқова. Янги Совет Конституциялари — социалистик қонунчиликнинг асоси	3
Д. У. Қўлдошева. Меҳнаткашлар коллективининг социалистик турмуш тарзи ривожланишидаги роли	10

Н. Г. Чернишевский туғилган кунига 150 йил тўлиши муносабати билан

Х. П. Воҳидов. Буюк мутафаккир-революционер	17
С. Панченко. Н. Г. Чернишевскийнинг «Нима қилмоқ керак?» асарининг нашр қилиниш тарихидан янги далиллар	24
Л. И. Жукова, Л. Г., Левтеева, Н. Г. Чернишевскийнинг ўгли Урта Осиёда	27

П. А. Кобозев туғилган кунига 100 йил тўлиши муносабати билан

Л. К. Шек. Инқилоб солдати	34
----------------------------	----

Фан тарихидан

М. О. Охунова, А. А. Асқаров, Х. З. Зияев, О. Д. Чехович. ЎзССР ФА академиги Я. Ф. Ғуломовнинг туғилганига 70 йил тўлиши муносабати билан	37
---	----

Илмий ахборот

Х. Сулаймонов. 1965—1975 йилларда Ўзбекистон колхозчи деҳқонлар турмушининг яхшиланиб ўсиб бориши	40
И. Саидов. Ўзбекистон чорвачилигида махсус ва колхозлараро кооперациянинг ривожланиши	42
С. Алиев. Меҳнатдаги қаҳрамонлик коммунистик меҳнатнинг шаклланишидаги асосий факторлардан бири	45
А. Я. Конарева. Ўзбекистонда кутубхона иши тарихидан	47
А. Ирисов. Байҳақий Форобий ҳақида	51

Олий ўқув юрти ўқитувчиларига ёрдам

А. Х. Хаитов, Ю. Б. Генс. КПСС тарихи машғулотларида техника воситаларидан фойдаланиш тажрибаларидан	54
--	----

Историография

Б. В. Лунин. Улуғ Ватан уруши йилларида Ўзбекистонда шарқшунослик	57
---	----

Танқид ва тақриз

Ш. Саматов, Н. Бердиев. Ўзбекистонда ижтимоий-фалсафий фикрлар тарихи очерклари	68
---	----

Хроника

Н. А. Вологто. Сибирь дарёлари ирмоқларини Урта Осиё ва Қозоғистонга буриш масаласига доир конференция	71
А. Б. Бозоров, Х. Х. Гизитдинов. Марксча-ленинча философия ва илмий атеизм ўқитиш методикаси бўйича олий ўқув юртлирнaro республика конференцияси	72
Эрванд Владимирович Севортян (1901—1978)	74
Владимир Яковлевич Непомнин (1906—1978)	75

СОДЕРЖАНИЕ

Нормы Основного Закона — в жизнь!

- М. С. Васикова. Новые советские Конституции — основа дальнейшего укрепления социалистической законности 3
Д. У. Кулдашева. Роль трудового коллектива в развитии социалистического образа жизни 10

К 150-летию со дня рождения Н. Г. Чернышевского

- Х. П. Вахидов. Великий мыслитель-революционер 17
С. Панченко. Новые данные об истории публикации романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» 24
Л. И. Жукова, Л. Г. Левтеева. Сын Н. Г. Чернышевского в Средней Азии 27

К 100-летию со дня рождения П. А. Кобозева

- Л. К. Шек. Солдат революции 34

Из истории науки

- М. А. Ахунова, А. А. Аскарлов, Х. З. Зияев, О. Д. Чехович. К 70-летию академика АН УзССР Я. Г. Гулямова 37

Научные сообщения

- Х. Сулайманов. Рост благосостояния колхозного крестьянства УзССР в 1965—1975 годы 40
И. Сандов. О развитии специализации и межколхозной кооперации в животноводстве Узбекистана 42
С. Алиев. Трудовой подвиг как один из факторов формирования коммунистического труда 45
А. Я. Конарева. Из истории библиотечного дела в Узбекистане 47
А. Ирисов. Байхаки о Фараби 51

В помощь преподавателям высшей школы

- А. Х. Хаитов, Ю. Б. Генс. Из опыта применения технических средств обучения на занятиях по истории КПСС 54

Историография

- Б. В. Лунии. Востоковедение в Узбекистане в годы Великой Отечественной войны 57

Критика и библиография

- Ш. Саматов, Н. Бердиев. Очерки истории общественно-философской мысли в Узбекистане 68

Хроника

- Н. А. Волотко. Конференция по проблемам переброски части стока сибирских рек в Среднюю Азию и Казахстан 71
А. Б. Базаров, Х. Х. Гизитдинов. Межвузовская республиканская конференция по методике преподавания марксистско-ленинской философии и научного атеизма 72

- Эрванд Владимирович Севортян (1901—1978) 74
Владимир Яковлевич Непомнин (1906—1978) 75

ПАМЯТКА АВТОРУ

При подготовке рукописей просим придерживаться следующих правил:

1. Рукописи следует присылать в двух экземплярах, напечатанных на машинке через два интервала, на одной стороне листа стандартного размера.

Плотность текста — 28 строк по 60 знаков в каждой. Подклейки, исправления от руки не допускаются.

2. Размеры полей машинописных страниц: снизу и слева — 2,5 см, справа — 1 см, сверху — 2 см.

3. Графика машинописных знаков (русского и иностранного) должна быть отчетливой, ровной и полной.

4. Иллюстрации следует давать в двух экземплярах, в пригодном для воспроизведения в печати виде (фото — контрастные, на глянцевой бумаге, рисунки — выполненные тушью). На оборотной стороне каждого рисунка должны быть указаны фамилия автора, название работы и номер рисунка. Номера рисунков, как и таблиц, следует выносить на поля рукописи (при первом упоминании).

5. Сноски печатаются через два интервала и помещаются внизу страницы. Нумерация сносок должна быть сквозной.

6. Последовательность цитирования монографий: автор, название работы, место издания, год издания, страница.

Последовательность цитирования журнальных статей: автор, название статьи, название журнала, год, номер, страница.

7. Оформление сносок. Инициалы авторов (в том числе классиков марксизма-ленинизма) ставятся после фамилии (как в библиографии), перед местом издания — точка; страницу обозначать буквой «с»; название работ без автора в кавычки не заключать.

Примеры: Есин А. Ф. Радио и телевидение Узбекистана. Рост, достижения, проблемы. Ташкент, 1975, с. 37.

Из истории Коммунистической партии Узбекистана. Ташкент, 1975, с. 84.

Многотомные издания, помимо названия, места, года издания, страницы, должны обязательно включать количество томов, номер тома, на который идет ссылка, и его название.

Пример: История Узбекской ССР. в 4 томах. Т. 4. Период завершения строительства социализма и переход к коммунизму (1938—1965 гг.). Ташкент, 1968, с. 85.

Названия журналов и продолжающихся изданий (ежегодники, тру-

ды, записки и пр.) заключать в кавычки; место издания не указывать (исключение составляют некоторые старые издания).

Пример: Ураков Б. Керамика с городища Ромиштепа.— «Общественные науки в Узбекистане», 1978, № 2, с. 33.

Если фамилия, инициалы автора и название статьи даются в тексте, в сноске указываются только сведения об издании.

Пример: «Исторические записки», 1960, т. 50, с. 1.

Названия газет заключаются в кавычки, затем ставятся год (обязательно с буквой «г»), число и месяц издания.

Пример: «Правда Востока», 1965 г., 15 октября.

8. К статье прилагается резюме на рус. и узб. яз. (объем — до 10 строк).

9. Направляемая в редакцию рукопись должна быть подписана автором, текст ее тщательно проверен, все ссылки выверены. Точность цитирования произведений классиков марксизма-ленинизма должна быть заверена подписью автора. Следует указывать также дату отправления и полный почтовый адрес автора.

10. Объем не должен превышать:

- а) для статей — 12 стр. машинописи,
- б) для научных сообщений и рецензий — 6—7 стр.,
- в) для хроникальных и других заметок — 2—3 стр.

Присланные статьи рецензируются и выносятся на рассмотрение редакционной коллегии журнала.

Редактор *И. Маркман*
Технический редактор *Л. Тюрина*

Сдано в набор 13/VI-78 г. Подписано к печати 6/VII-78 г. Р01340. Формат 70×108^{1/2}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 6,8. Тираж 1690. Цена 40 к. Заказ 129.

Типография издательства «Фан» УзССР, Ташкент, проспект М. Горького, 79.
Адрес издательства: 700047, Ташкент, ул. Гоголя, 70.

Цена 40 к.

Индекс
75349